

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»

Л. Ю. Китова

**ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ:
ИДЕИ И ИССЛЕДОВАНИЯ
(XVII в. – середина XX в.)**

Учебное пособие

КЕМЕРОВО 2014

ББК Т4(2Рос5)я73
УДК 902(075.8)(571.1/5)
К 45

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Кемеровского государственного университета*

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН **М. А. Дэвлет;**
кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (заведующий кафедрой **Ю. Ф. Кирюшин**)

Китова, Л. Ю.

К 45 История археологии Сибири: идеи и исследования (XVII в. – середина XX в.): учебное пособие / Л. Ю. Китова; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2014. – 228 с.

ISBN 978-5-8353-1623-6

Учебное пособие написано в соответствии с ФГОС 3-го поколения и создано на основе курса лекций, неоднократно прочитанного автором студентам кафедры археологии Кемеровского государственного университета в рамках обязательной учебной дисциплины. Оно рассчитано на студентов магистратуры направления 030600.68 – «История», профиль «Археология (Евразии)», а также может быть использовано преподавателями и студентами университетов, изучающими историю отечественной археологии.

ББК Т4(2Рос5)я73
УДК 902(075.8)(571.1/5)

ISBN 978-5-8353-1623-6

© Китова Л. Ю., 2014

© Кемеровский государственный университет, 2014

Содержание

Тема 1. Предмет и задачи дисциплины «История археология Сибири». Периодизация истории отечественной археологии. Донаучный период.....	5
1.1. Предмет и задачи дисциплины.....	5
1.2. Периодизация истории отечественной археологии.....	7
1.3. Донаучный период, предыстория археологии – XVII в. – 1720-е гг.	7
1.4. Академический период 1720-е гг. – XVIII в.	9
Тема 2. Формирование основных разделов российской археологии и сибирская археология в XIX в. – начале XX в.	10
2.1. Период дворянского дилетантизма – первая половина XIX в.	10
2.2. Общая характеристика археологии России во второй половине XIX в.	13
2.3. Сибирская археология во второй половине XIX в.	15
Тема 3. Методология российской археологии второй половины XIX в. – начала XX в.	39
Тема 4. Сибирская археология в 1920-е гг.	43
4.1. Общая характеристика российской и сибирской археологии в 1920-е гг.	43
4.2. Томский научный центр.....	44
4.3. С. А. Теплоухов и развитие палеоэтнологического подхода в археологических исследованиях Сибири.....	47
4.4. Иркутская школа археологии.....	71
4.5. Палеоэтнологические взгляды Б. Э. Петри.....	73
4.6. Красноярск – научный центр.....	77
Тема 5. Сибирская археология в 1930-х – начале 1950-х гг.	88
5.1. Общее состояние сибирской археологии в 1930-х – начале 1950-х гг.	88
5.2. Марксизм как новая методология науки.....	93
5.3. Взгляды С. В. Киселева на исторический процесс в древности.....	105
5.4. Г. П. Сосновский: исследования и идеи.....	117

5.5. А. П. Окладников и его теоретические представления в области археологии Сибири.....	127
5.6. Воззрения С. И. Руденко.....	147
5.7. Теоретические разработки М. П. Грязнова.....	161
5.8. Идеи В. Н. Чернецова.....	180
Заключение	189
Литература	194

**Тема 1. Предмет и задачи дисциплины
«История археология Сибири».
Периодизация истории отечественной археологии.
Донаучный период**

1.1. Предмет и задачи дисциплины

Предметом дисциплины является процесс накопления знаний по археологии Сибири со времени её зарождения и до современного периода, в том числе изучение открытий и исследований археологических памятников от палеолита и до средневековья включительно, хода создания типологий древностей и периодизаций археологических культур, постижение идей по истолкованию исторических явлений в бесписьменный период, анализ формирования археологических центров и школ, смены методологических направлений.

История сибирской археологии изучается на фоне развития отечественной археологии в целом.

Цели освоения дисциплины – сформировать у студентов систематизированные знания по истории сибирской археологии, комплексное представление об основных методологических принципах и подходах в отечественной археологии, введение в круг историографических проблем, связанных с областью будущей профессиональной деятельности, выработка навыков получения, анализа и обобщения исторической информации.

Задачи дисциплины заключаются в развитии следующих знаний, умений и навыков личности:

- 1) знание этапов становления археологической науки в Сибири;
- 2) понимание значимости археологических открытий и исследований;
- 3) знание основных идей, взглядов, концепций ученых, исследовавших археологические памятники на территории Сибири в XVIII – первой половине XX вв.

4) умение определить роль организаций, ведавших археологическими исследованиями в России, в развитии отечественной археологии.

5) способность работы с разноплановыми вещественными и письменными источниками; способность к эффективному поиску информации и критике источников;

6) навыки исторической аналитики: способность на основе исторического анализа и проблемного подхода преобразовывать информацию в знание, осмысливать процессы в сибирской археологии в их динамике и взаимосвязи с российской археологией, руководствуясь принципами научной объективности и историзма;

7) умение логически мыслить, вести научные дискуссии;

8) творческое мышление, самостоятельность суждений, интерес к культурному и научному наследию Сибири, его сохранению и приумножению.

Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения данной дисциплины:

- способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (ОК-1);

- способность применять современные методы и методики исследования (ПК-5);

- способность к междисциплинарному взаимодействию и умению сотрудничать с представителями других областей знания в ходе решения научно-исследовательских и прикладных задач (ПК-6);

- способность к осуществлению историко-культурных и историко-краеведческих функций в деятельности организаций и учреждений (архивы, музеи) (ПК-23).

Согласно учебному плану по ФГОС третьего поколения подготовка магистров предполагает распределение лекций, семинаров и самостоятельной работы следующим образом: две трети часов отдаются на самостоятельную работу и одна треть – на аудиторную. Из аудиторных занятий одну треть составляют лекции и две трети – семинарские занятия. Поэтому некоторые разделы в учебном пособии будут прописаны схематично, так как темы будут изучаться студентами на семинарских занятиях по дополнительной литературе.

1.2. Периодизация истории отечественной археологии

1. Донаучный период, предыстория археологии – XVII в. – 1720-е гг.
2. Академический период – 1720-е гг. – XVIII в.
3. Период «дворянского дилетантизма» – первая половина XIX в.
4. Период формирования археологии как науки – вторая половина XIX в. – 1910-е гг.
5. Переходный период, период организационных преобразований в археологии 1918–1929 гг. Императорская Археологическая комиссия преобразована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), закрытие исторических факультетов, создание факультетов общественных наук (ФОН). «Золотое» десятилетие отечественного краеведения – 1919–1929 г.
6. Период тоталитаризма – 1930 – начало 1950-х гг. Господство теории стадильности, догмы, схематизм и формационный подход в науке (1930-е гг. – репрессии против археологов, разгром краеведческих организаций). Противоречивое развитие науки.
7. Период массового изучения отдельных регионов страны в целом и Сибири в частности. Создание сибирских археологических центров и научных школ – 2-я половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.
8. Период теоретического плюрализма и объективной оценки дореволюционного наследия – вторая половина 1980-х – 2000-е гг.

1.3. Донаучный период, предыстория археологии – XVII в. – 1720-е гг.

Как справедливо отмечал В. И. Матющенко, китайские, персидские, арабские письменные источники не содержали сведений об археологических памятниках Сибири [226, с. 11]. Однако издревле античных, восточных и русских историков и летописцев интересовали народы, проживающие в Северной Азии. Тщательный сбор и анализ различных известий – от античных до русских XVII в. произведен М. А. Деминым [104].

Предприимчивые новгородцы ещё в XI в. проникли за Урал. В

XI–XV вв. новгородцами была совершена серия походов, а затем за Урал стали проникать москвичи с целью закрепления русского влияния на земли в низовьях Оби. Русские знали морской путь от Печоры в Обскую губу и даже до устья Енисея. Однако их знания о землях и населении восточнее Урала были тогда ещё отрывочными и полулегендарными.

Неизвестный автор сказания начала XVI в. «О человецех незнаемых на восточной стране и языцах розных» перемешивает реальные данные о крае и племенах, его населяющих, с фантастическими представлениями о внешнем виде и быте местного населения. Он, например, серьезно говорит о «линной самоеди», которая «всё лето проводит в воде», о людях без голов, а «рты у них меж плечима» и т. п. [104, с. 35–38].

Сведения иностранцев о Сибири также были далеки от истины. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн в «Записках о московитских делах» (1549 г.) указал в представленной им карте Московского государства за Уральским хребтом только Обь, которая вытекает из очень большого озера, равного морю. За Обью, по его мнению, находится страна Лукомория. Англичанин Джекинсон «уточнил» карту Герберштейна. Он отмечал, что в озеро, из которого берет начало Обь, впадает большая река Сур (Сырдарья) с притоком Аму (Амударья). И только знаменитый фламандский картограф Герард Меркатор (1512–1594) на своих картах России изображал р. Обь лишь с очень небольшим озером вблизи её истоков [290, с. 6].

Новый этап в познании Сибири начался с похода Ермака. Немногим более чем за полстолетия (с 80-х гг. XVI в. до конца 30-х гг. XVII в.) русские землепроходцы прошли от Урала до берегов Тихого океана и включили в состав Русского государства большую часть территории современной Сибири.

В истории ознакомления европейцев с Сибирью XVII в. занимает исключительно важное место. Это – переходный этап от незнания к знанию, связанный с присоединением Сибири к русскому государству и деятельностью русских землепроходцев.

Самые ранние сведения об археологических памятниках Сибири содержатся в сообщениях царских воевод и послов в Монголию и Китай.

В 1617 г. послы В. Тюменья и И. Петров по пути в Монголию, проезжая через Хакасию и Туву, отмечали развалины древний зданий на Верхнем Енисее (остатки уйгурских крепостей VIII–IX вв.) [199, с. 43].

В середине XVII в. неизвестный автор сообщал, что на р. Томе «не дошед (Кузнецкого) острогу ... лежит камень велик и высок, а на нем писано звери и скот и птицы и всякие подобия» [15, с. 155–156].

По поручению Русского правительства ученый, открыватель новых географических путей – дипломат Николай Спафария осуществил путешествие с дипломатической миссией в Китай (1675–1678 гг.) Одно из порученных ему заданий – описание новых владений московского государства в Сибири. В его записках имеется сообщение об археологических памятниках, в том числе одно из первых – о наскальных изображениях: «А до большого порогу не доезжая есть место, утёс каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камню неведомо какое писмо и межь писмом есть и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны, и в руках у них булавы ... а никто не ведает, что писано и от кого» [199, с. 45].

В 1696 г. в Сибирском приказе было принято решение о составлении обстоятельных чертежей, карт и описаний уездов. Работу по описанию и картографированию земель Сибири возглавил Семен Ульянович Ремезов (1642 г. – после 1720 г.).

1. «Чертеж всех сибирских градов и земель» 1698 г.
2. «Чертежная книга Сибири» 1701 г.
3. «Хорографическая чертежная книга» 1697–1711 гг.
4. «Служебная чертежная книга» 1702–1730 гг. [290, с. 13–14].

Результатом 30-летней деятельности С. У. Ремезова стало составление первого географического атласа Сибири, который содер­жал информацию и об археологических памятниках края.

1.4. Академический период 1720-е гг. – XVIII в.

XVIII в. – целенаправленное и планомерное изучение Сибири, связанное с хозяйственным освоением края, знакомством с природой и народами, населяющими его.

Век просвещения, период комплексных, энциклопедических знаний.

1719–1727 гг. – первая научная экспедиция из Петербурга в Сибирь по указу Петра I. Руководитель – Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735), участник – немецкий офицер на шведской службе Иоганн-Филипп фон Страленберг (дворянский титул – Табберт) (1676–1747).

1724 г. – создание Петербургской Академии наук.

1733–1743 гг. – Вторая академическая экспедиция под рук. Витуса Беринга. Профессор, историк и географ Герард Фридрих Миллер (1705–1783), профессор, естествоиспытатель и ботаник Иоганн Георг Гмелин (1709–1755), профессор, естествоиспытатель и географ Людовик Делиль де ла Кроер (1685–1741).

1773–1788 гг. – академическая экспедиция под руководством Петра Симона Палласа (1741–1811).

Тема 2. Формирование основных разделов русской археологии и сибирская археология в XIX в. – начале XX в.

2.1. Период дворянского дилетантизма – первая половина XIX в.

В Европе первой археологической периодизацией стала «система трех веков» (1836 г.), созданная Кристианом Томсенем (1788–1865), первым директором Датского национального музея (1816–1865). Он придумал ее в качестве метода классификации музейных коллекций по материалу: камень, бронза, железо. Затем «система трех веков» приобрела значение для интерпретации доисторического прошлого.

В первой половине XIX в. в европейской части России оформляется классическое направление археологии в качестве специальной научной дисциплины. Создаются научные центры классической археологии в столице: Российская Императорская Академия наук, Императорский Эрмитаж, университет, Академия художеств, Императорская Публичная библиотека. Проводятся первые научные исследования в Причерноморье. Выдвигаются идеи о создании

археологической организации. Иван Алексеевич Стемповский (учился в Парижской Академии надписей) считал необходимым создать общество, которое взяло бы на себя охрану памятников, фиксацию, раскопки, публикацию полученных результатов. Организация первых музеев (1806 г. – Николаев, 1811 г. – Феодосия, 1825 г. – Одесса, 1826 г. – Керчь) и обществ истории и древностей на юге России (1836 г. – Одесское общество), а также деятельность П. Дюбрюкса, Е. Е. Кёлера, Х. Ф. Грефе, Ф. И. Круга, И. А. Стемповского, И. П. Бларамберга способствовали складыванию классического направления российской археологии [381].

Первая половина XIX в. характеризуется возрастанием интереса к истории России, собиранием и введением в научный оборот документов по отечественной истории (Археографическая комиссия, К. Ф. Калайдович), а также публикацией фундаментальных трудов по отечественной истории (Н. М. Карамзин). Было создано Московское общество истории и древностей российских (1835), которое возглавил С. Г. Строганов.

Начинают основываться музеи в губернских центрах, научные общества в университетах. Главной целью деятельности этих учреждений было изучение истории и культуры края в археологическом, этнографическом, фольклорном и др. аспектах.

Тем не менее экспедиции в Сибири носили специализированный характер – обследование районов, содержащих полезные ископаемые. Горные инженеры отмечали из археологических памятников в основном древние рудники и печи.

Так, в 1804 г. рудоискатели Шлаттер и Колычев обследовали Горный Алтай, составили подробную карту обнаруженных археологических памятников и дали их описание [103, с. 14].

В 1816 г. И. П. Шангин проводил поиски рудных местонахождений в казахстанских степях.

В 1826 г. была проведена экспедиция К. Ф. Ледебура (участвуют А. А. Бунге и К. А. Мейер), в ходе которой проводилось изучение рудников и месторождений меди и железа, а также флоры Алтая [226, с. 20].

В 1829 г. русское правительство пригласило выдающегося немецкого исследователя, естествоиспытателя, географа, путешественника Александра Гумбольдта (1769–1859) для изучения Урала,

Алтая и Каспия. Он приехал в сопровождении ученых – минеролога Г. Розе и зоолога Эренберга. А. Гумбольдт внес существенную поправку во взгляды на строение Алтайских гор. Его труд «Центральная Азия» был переведен и издан в России только в 1915 г. с вступительной статьей выдающегося ученого Д. Н. Анучина. Для археологии примечательно, что Гумбольдт, основываясь на «Истории» Геродота, выдвинул гипотезу о проживании на Алтае в I тыс. до н. э. таинственных аримаспов и «стерегущих золото грифов», в руках которых находились золотые рудники.

В 1830–40 гг. была организована целая серия экспедиций на Алтай под руководством Г. П. Гельмерсена, П. А. Чихачева, Г. Е. Шуровского. В 1842–45 гг. – экспедиция А.Ф. Мидлендорфа по Восточной Сибири и берегам Северного Ледовитого океана.

Основным результатом всех экспедиций первой половины XIX в. были: поиски источников сырья, геологические изыскания; знаний по археологии накоплено очень незначительно.

Интересовались сибирскими древностями и чиновники, служащие в Сибири. Матвей Матвеевич Геденштром (1781–1845) обнаружил археологические памятники в Прибайкалье (Верхоленская гора и Тункинские стоянки).

Книга генерал-губернатора А. П. Степанова «Енисейская губерния» (1835) содержала сведения об археологических материалах. Он имел также собственную огромную коллекцию. Однако не все главы регионов интересовались древностями. В 1838 г. губернатор В. Копылов сообщил в Министерство внутренних дел: «В Енисейской губернии никаких древних зданий или вообще древностей не имеется» [45, с. 102].

Известно, что в 1846 г. начальник Минусинского окружного управления совершил поездку по р. Абакан, осмотрел курганы и произвел раскопки. Ход работ не фиксировался, чертежей и дневников не велось, материалы потеряны.

Среди всех исследований сибирских древностей выделяются работы Г. И. Спасского (1783–1864) и Э. И. Эйхвальда.

Особый вклад в изучение древней истории Сибири внёс Маттиас Кастрена (1813–1852), который провел лингвистические, этнологические и археологические исследования и разработал Алтае-

Саянскую гипотезу происхождения урало-алтайской группы языков и народов.

2.2. Общая характеристика археологии России во второй половине XIX в.

В середине XIX в. формируется глубокий интерес к истории России в целом и отдельным народам страны в частности, в том числе к древней истории и археологии.

Причины: 1. Рост национального самосознания основных народов России.

2. Развитие капитализма в стране в пореформенный период и освоение национальных окраин империи.

Оформление организационных начал археологической деятельности в России:

В 1845 г. создано Императорское Русское географическое общество (ИРГО), которое наряду с географическими организовывало и археологические исследования.

В 1846 г. открыто Археолого-нумизматическое общество, председателем которого был великий князь, герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Среди членов-основателей и почетных членов: министр императорского двора, князь П. М. Волконский, кавказский наместник, князь М. С. Воронцов, министр народного просвещения граф С. С. Уваров.

В 1851 г. общество было преобразовано и стало называться Русским археологическим обществом (РАО) с тремя отделами:

- русской и славянской археологии;
- восточной археологии;
- древней и западной археологии [204, с. 82–86].

В структуре русской науки отсутствовала первобытная археология.

В 1859 г. при Министерстве Императорского двора образована Археологическая комиссия (АК) – первое государственное центральное археологическое учреждение России

Задачи АК:

1. Производство раскопок и исследование древностей.
2. Сбор сведений о памятниках старины.

3. Экспертиза открываемых древностей.

В распоряжение АК должны были поступать все археологические находки с казенных и общественных земель.

С 1889 г. АК было предоставлено исключительное право на разрешение раскопок, для производства которых она выдавала археологам «открытый лист». От исследователя в этом случае требовалось обязательное представление в АК научного отчета о проведенных работах.

Значение создания АК:

1. Контроль над раскопками и распределением древностей.
2. Унификация документации.
3. Выделение государственных средств на археологические исследования.
4. Координация и объединение сил российских археологов [204, с. 88–89].

Первым председателем АК был граф С. Г. Строганов.

С 1859 г. АК осуществляет публикацию отчетов. Это было первое официальное археологическое издание периодического характера в России.

С 1866 г. АК издает «Материалы по археологии России».

РАО издавало «Известия РАО» с 1859 г., а с 1886 г. «Записки РАО» стали печататься по отделениям.

К сожалению АК, не занималась охраной археологических памятников.

В 1864 г. создано под руководством графа А. С. Уварова Московское археологическое общество, которое ставило задачей объединение археологов России. С этой целью в Российской империи были организованы археологические съезды (АС).

Каждый АС был узловым событием для становления целых разделов археологии, новых научных центров, направлений и школ:

I АС – Москва (1869), II АС – Петербург (1871) – новая активизация сложившихся научных центров двух столиц.

III АС – Киев (1874), в центре внимания славяно-русская археология, работы на Украине и на юге России.

IV АС – Казань (1877) – археология Поволжья, восточная, финно-угорская.

V АС – Тифлис (1881) – становление кавказской археологии.

VI АС – Одесса (1884) – античная археология Причерноморья.

VII АС – Ярославль (1887) – возвращение к славяно-русской проблематике.

VIII АС – Москва (1890) – в честь 25-летия МАО.

IX АС – Вильна (1893), X АС – Рига (1896) – прибалтийская и белорусская археологии.

Серия южных съездов: (XI АС – Киев (1899), XII АС – Харьков (1902), XIII АС – Екатеринослав (1905), XIV АС – Чернигов (1908)), прошла в то время, когда на юге открывалась группа неизвестных ранее культур – эпохи энеолита, бронзы, раннего железа – трипольская, ямная, катакомбная, срубная, зарубенецкая, черняховская.

Следующие съезды посвящались древностям Северо-Запада: XV АС – Новгород (1911), XVI АС был намечен в Пскове на 1914 г., но провести его помешала Первая мировая война [204, с. 100].

В 1877 г. был открыт Археологический институт в Петербурге, а в 1907 г. – Археологический институт в Москве, в которых осуществляли подготовку специалистов по чтению древних рукописей, а не по исследованию археологических памятников.

2.3. Сибирская археология во второй половине XIX в.

Мощный импульс к развитию первобытной археологии дал общественный подъем, обусловленный реформами 1860-х гг. Развитие капитализма и освоение окраин империи вовлекли в этот процесс и Сибирь с ее богатейшими сырьевыми ресурсами. Переселенческое движение, освоение неиспользованных земель, создание новых населенных пунктов, развитие городов, транспорта, связи требовали комплексных сведений о природе, экономике и истории Сибири. Археологические памятники попали в зону хозяйственного освоения и привлекли внимание наиболее образованной части сибирской общественности. Появилась необходимость создания широкой сети местных организаций по изучению края.

В Сибири до 1870-х гг. единственным учреждением, занимающимся изучением географии, истории, археологии, этнографии, естествознания и пр., был Сибирский отдел ИРГО, открытый в Ир-

кутске в 1851 г., в составе которого действовал местный музей. В 1860–1890-е гг. с изменениями в экономической жизни края активизировалась научная, общественная и культурная жизнь в Сибири.

В этот период деятели областничества (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, А. П. Щапов и др.) выступают за всестороннее развитие экономики Сибири, против использования ее как сырьевого придатка, места ссылки и каторги, за открытие сибирского университета и превращения Сибири в культурный край [423; 129, с. 137–150; 262, с. 144–145].

В 1877 г. Сибирский отдел ИРГО в связи с открытием Западно-Сибирского отдела в Омске реорганизуется в Восточно-Сибирский отдел (ВСОРГО), что способствует и лучшему изучению археологических памятников региона. В 1888 г. был открыт первый Сибирский университет в Томске с одним медицинским факультетом. Тем не менее еще перед его открытием в стенах университета попечителем Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринским был создан в 1882 г. музей археологии и этнографии, который сыграл очень важную консолидирующую роль в объединении усилий по археологическому изучению Западной Сибири. Он привнес в Томск полевой и организационный опыт археолога-казанца и привлек к изучению древностей других создателей Сибирского университета [121, с. 14]. Уже в конце XIX в. в Томске были проведены значительные археологические исследования С. К. Кузнецовым, Н. Ф. Кащенко, С. М. Чугуновым, А. В. Адриановым [225, с. 31, 37, 58–59]. А. В. Адрианов немало внимания уделял археологическому музею, привел в порядок многие коллекции, составил описи материалов, хранящихся в фондах.

Растет число краеведческих музеев в регионе. Они стали наиболее удобным и распространенным видом научных учреждений для сбора, хранения и изучения собственного краеведческого материала, в том числе и археологических находок. Так, в 1870 г. открывается музей в Тобольске, в 1877 г. – в Омске и Минусинске, в 1889 г. – в Красноярске, в 1891 г. – в Якутске, в 1892 г. – в Тюмени и т. д., новое дыхание получил музей в Барнауле, открытый еще в 1823 г. К концу XIX в. в Сибири действовало 18 музеев [168, с. 4].

Вокруг музеев и отделов ИРГО стали складываться группы исследователей. Их состав пополнялся политическими ссыльными,

которые внесли в деятельность музеев новые теоретические установки, связанные с развитием эволюционистских идей в России. Молодые сибирские буржуа выступают собирателями древностей и меценатами музеев. До сих пор собрание археологических, этнографических и исторических коллекций в количестве 2000 предметов и документов, поступивших в музей археологии и этнографии ТГУ от И. П. Кузнецова-Красноярского, является самым крупным из числа частных пожертвований [239, с. 25].

В Минусинске Н. М. Мартьянов привлекал к археологическим изысканиям любителей археологии: Д. А. Клеменца, А. В. Адрианова, И. П. Кузнецова-Красноярского, И. А. Лопатина. В начале XX в. здесь работал И. Т. Савенков. Эти любители стали поистине профессионалами. Археологический коллектив Минусинского музея добился разрешения на ведение раскопок, получал финансовую поддержку от Императорской Археологической комиссии (ИАК), Московского археологического общества (МАО), Географического общества, членами и членами-корреспондентами которых они были избраны [45, с. 110]. Подобная картина наблюдалась в Иркутске и Красноярске. С Иркутским музеем и ВСОРГО сотрудничали И. Д. Черский, А. Л. Чекановский, М. П. Овчинников, Н. И. Витковский, в Красноярском музее трудились П. С. Проскуряков, И. Т. Савенков, А. С. Еленев, М. Е. Киборт, А. В. Адрианов, А. Я. Тугаринов, А. П. Ермолаев.

В области палеолита исследователи Сибири в конце XIX в. сделали ряд открытий, которые вывели региональную археологию на общероссийский и европейский уровень. В 1871 г. при строительстве военного госпиталя под Иркутском были обнаружены каменные орудия и изделия из кости. Прибывшие на место строительства геологи И. Д. Черский и А. Л. Чекановский раскопали первую палеолитическую стоянку в России. Находки каменных и костяных изделий из бивня мамонта вместе с остатками плейстоценовой фауны позволили И. Д. Черскому датировать Иркутскую стоянку в рамках плейстоцена. Он назовет это время «средними веками каменного периода» [413, с. 167–172]. Позже исследователь разделил весь каменный век на нижний палеолит, верхний палеолит (средний каменный век) и неолит [414]. Таким образом, как справедливо заметил В. Е. Ларичев, И. Д. Черский с самого начала пра-

вильно датировал стоянку Военный госпиталь верхним палеолитом [202, с. 115]. Кроме того, И. Д. Черским впервые была применена методика комплексного изучения памятников верхнего палеолита на основе археологических, геологических и палеонтологических данных. Он опроверг утвердившийся в науке вывод известного геолога П. А. Кропоткина о том, что большая часть Сибири в плейстоцене находилась под ледниковым панцирем. И. Д. Черский полагал, что ледники имели только локальное распространение, поэтому он был противником теории миграции животных и первобытного человека из Сибири в Европу в ледниковый период и обратной миграции после потепления климата [414]. Однако небольшая публикация в местной печати [413] осталась неизвестной большинству отечественных и зарубежных специалистов. Коллекция материалов, собранная на иркутской стоянке и переданная В. А. Бельцову, вскоре была утеряна [202, с. 32].

В свете вышесказанного обнаружение И. Т. Савенковым стоянки верхнего палеолита на Афонтовой горе в окрестностях Красноярска в 1884 г. имело особое значение для изучения древнекаменного века Северной Азии. Накопление и осмысление артефактов происходило в течение нескольких лет. Раскопки стоянок на Афонтовой горе велись И. Т. Савенковым в 1884–1889 гг., 1892–1893 гг. и в 1914 г. Сейчас эти материалы представляют стоянки – Афонтова гора I, III, IV. Исследователь тщательно изучил геологию четвертичных отложений, топографию, фауну [320]. Доказательством древности находок на Афонтовой горе И. Т. Савенков справедливо считал совместное залегание каменных орудий и костей ископаемых плейстоценовых животных [323]. И. Д. Черский, посетив раскопки Афонтовой горы и определив в составе фауны кости северного оленя, мамонта, собаки и других животных ледникового периода, беспрекословно поддержал точку зрения И. Т. Савенкова о палеолитическом возрасте стоянки [414]. Результаты своих исследований Иван Тимофеевич представил перед участниками Международного антропологического конгресса в Москве в 1892 г. и получил восторженную оценку известного французского археолога Ж. де Бая, который, в отличие от отечественных исследователей, не сомневался в палеолитическом возрасте находок с Афонтовой горы [25, с. 185].

Необходимо отметить, что российские исследователи этого периода хорошо знали зарубежную литературу и последние изыскания иностранных коллег, почти сразу после публикации на родине, переводы многих известных зарубежных работ выходили в России. И. Т. Савенков постоянно ссылается в статьях на работы Г. Мортилье, Дж. Леббока, Э. Тайлора и др. Он был сторонником основателя первобытной археологии Г. де Мортилье и поддерживал его взгляды об эволюционном развитии форм орудий, а также о необходимости подробного изучения геологических условий залегания находок. Особое внимание исследователь уделял истории формирования речных террас [321; 322]. Сравнивая формы каменных орудий из Сибири с западноевропейскими формами, И. Т. Савенков склонялся к мысли о самостоятельном открытии сибирскими аборигенами той или иной техники обработки камня, объясняя сходство форм орудий конвергентностью развития [322, с. 51, 74–76]. Он часто не обнаруживал прямых аналогий орудиям древнекаменного века Сибири в западноевропейской классификации, и это, по справедливому замечанию В.Е. Ларичева, нанесло удар по теории единства закономерностей развития палеолита мира, разработанной Мортилье [202, с. 125]. Среди набора артефактов Афонтовой горы И. Т. Савенков выделил наиболее распространенный вид орудий – «широкие овальные и полулунные скребки», которые он называл по терминологии Мортилье «*coup de poing*» [322, с. 7]. Иван Тимофеевич развивал идеи Э. Тайлора о сохранении (переживании, по Тайлору) традиций в культуре аборигенов на протяжении длительного времени. Он прослеживал «следы переживания древних типов орудий», когда древние мастера при изготовлении некоторых форм орудий из меди и железа использовали в качестве образцов старые типы каменных орудий [322, с. 26, 29, 32]. К сожалению, И. Т. Савенков не оставил в опубликованном виде полного описания и классификации артефактов со стоянок Афонтовой горы. Тем не менее им была предпринята попытка типологической классификации каменного и костяного инвентаря, согласно западноевропейской периодизации палеолита. В. Е. Ларичев отмечал, что описи коллекций и описание зала «Археология» Музея антропологии и этнографии Петербурга, в котором были выставлены афонтовские находки, содержали тщательную классификацию каменных, костяных и ро-

говых орудий [202, с. 121–122]. Каменные орудия Афонтовой горы были разделены на 12 типов, изделия из кости и рога – на 9 типов [264]. Классификация с позиций сегодняшнего дня не выдерживает критики, однако ценность ее в том, что на тот период это было первое описание материала древнекаменного века с попыткой его систематизации.

Еще одним событием, выведшим сибирскую археологию на мировой уровень, стало исследование Томской палеолитической стоянки зоологом, профессором Томского университета Н. Ф. Кащенко [133]. В первую очередь, эти небольшие раскопки были интересны новыми приемами полевого исследования. Н. Ф. Кащенко предложил планиграфический метод раскопок палеолитических стоянок, так называемый метод вскрытия широких площадей. Обнаружив почти целиком скелет мамонта, он определил кратковременность этой стоянки, считая, что это было место забоя, разделки и поедания мамонта. Кости мамонта сопровождалась находками незначительного количества каменных орудий и углей. При вскрытии стоянки Н.Ф. Кащенко использовал квадратную сетку, чтобы четко фиксировать все артефакты, которые на плане раскопа изобразил в цвете [134]. С. А. Васильев обратил внимание на факт поразительной предусмотрительности Н. Ф. Кащенко, который собрал древесные угли, впоследствии по ним была получена радиоуглеродная датировка памятника [51, с. 14].

В конце XIX – начале XX вв. территория исследования палеолитических памятников в Сибири расширяется. В 1880–1890-е гг. в ходе подъемных сборов были обнаружены А. П. Мостицем несколько стоянок на юго-западе Забайкалья, А. К. Кузнецов открыл 23 стоянки каменного века в Восточном Забайкалье. В 1911 г. С. М. Сергеев исследовал стоянку у Переселенческого пункта в Красноярске, а М. Д. Копытов выявил палеолит у с. Фоминского на Алтае. Однако публикаций и теоретического осмысления полученных материалов сделано не было.

Согласно исследованиям В. Е. Ларичева, сведения о сибирском палеолите, благодаря изысканиям И. Д. Черского, И. Т. Савенкова, Н. Ф. Кащенко, становятся известными многим специалистам и попадают в ряд обобщающих монографий, посвященных палеолиту мира [202, с. 127].

Тем не менее, несмотря на все успехи, сибирские исследователи пока не ставят вопрос о генезисе палеолита, не могут решить проблему периодизации и абсолютной хронологии. Уровень науки таков, что подобные проблемы оказались не решаемы не только для первобытной археологии Сибири, но и для первобытной археологии России в целом.

В области неолита наиболее значимыми стали раскопки Китойского могильника, произведенные в 1880–1881 гг. Н. И. Витковским. Как отметил А. П. Окладников, это были первые погребения с неолитическим инвентарем, которые стали известны в России [255, с. 33]. За два года исследований Н. И. Витковским было выявлено 24 неолитических погребения, которые раскапывались с помощью закладки траншей. Необходимо отметить, что это был основной метод раскопок в тот период. Исследователь тщательно фиксировал в дневнике положение скелетов и предметов погребального инвентаря, что затем было отражено в его публикациях. Он обратил внимание на такую особенность погребений Китойского могильника, как отсутствие надмогильных и внутримогильных сооружений. Скелеты, обсыпанные охрой, лежали на небольшой глубине. Шея и лоб погребенного обычно украшались ожерельями, а запястья – браслетами из зубов животных (изюбра, лося, кабана) и когтями птиц. Среди сопроводительного инвентаря захоронений Н. И. Витковским были отмечены также нефритовые топоры, каменные наконечники стрел и копий, ножи, костяные гарпуны и шилья, керамика и другие предметы. Анализируя полученный при раскопках инвентарь и природно-климатические условия жизни древних аборигенов Прибайкалья, исследователь пришел к выводу о том, что главным занятием жителей р. Ангары и р. Китоя была охота и рыбная ловля [57; 58]. Дальнейшие исследования Н. И. Витковского в долине р. Ангары и обнаружение в предместьях Иркутска не только неолитических погребений (Глазковский могильник), но и поселений («Приют») поставили перед исследователями Прибайкалья задачу всестороннего выявления разнотипных памятников неолита и составления археологической карты края [59]. М. П. Овчинников, развивая идеи Н. И. Витковского, впервые сделал предположение о необходимости культурно-хронологического разграничения китойских и глазковских памятников. Также им были сформулированы долгосрочные задачи археологического по-

знания, которые заключались в выяснении этнической принадлежности древних жителей Восточной Сибири, в выявлении путей их передвижения и установления этнических связей, а также в воссоздании древней истории [238, с. 62–76].

В 1883 г. И. Т. Савенков раскопал у стоянки Базаиха под Красноярском погребение финального неолита – раннего энеолита. Кроме каменных и костяных орудий, исследователь обнаружил медный кельт, керамику и костяные скульптурки животных.

И. Т. Савенков разработал одну из первых классификаций каменного инвентаря. По поручению директора Минусинского музея Н. М. Мартьянова, исследователь дал описание каменных орудий и керамики из коллекций Минусинского музея, основу которой составляли неолитические материалы [323]. При описании коллекций он действовал строго выработанным принципам работы: сначала охарактеризовал отдельные местности, где были собраны находки, подробно обрисовав речные террасы. В этом же разделе исследователь указал сведения о находках металлических эпох, чтобы показать «смешанность культур» в Минусинском крае. Затем была дана классификация каменных орудий с описанием основных форм, размеров, техники изготовления, определения породы камня. В отдельную группу была выделена керамика. Вся классификация состояла из 17 групп: 1) каменные топоры и долота; 2) скребки; 3) орудия древних типов из лёсса Афонтовой горы и других местностей (всего описано 6 палеолитических орудий. – Л. К.); 4) каменные наконечники стрел, 5) нуклеусы, пластинки и осколки; 6) каменные вазы и невысокие ступки; 7) шлифовальные и точильные камни; 8) каменные молотки; 9) продырявленные шаровидные молотки или булавы; 10) каменные песты; 11) терки и другие каменные орудия, могущие служить для растирания зерен, соли и др.; 12) ручные жернова; 13) брусочки с дырочками, точильца или подвески; 14) каменные подвески; 15) фрагменты мраморного кольца; 16) напярсла; 17) гончарные изделия [323].

Каменные наконечники стрел И. Т. Савенков разделил на 7 типов и предполагал, что их разнообразие можно объяснить не столько бытовыми потребностями аборигенов, сколько принадлежностью различным народностям и различным стадиям культуры. Тем не менее исследователь выделил наконечники треугольного

**Иван Тимофеевич
Савенков (1846–1914)**

типа как оружие, приспособленное к потребностям войны и охоты [323, с. 42–44].

Основные каменные орудия, собранные в Минусинском округе, были им правильно отнесены к неолитическим, орудия из сел Изых, Батени, Узунжул он датировал палеолитом.

Таким образом, классификация содержала как орудия палеолита, так и неолита. Она получилась очень условная и ныне устарела. Вопрос об относительной древности каменных

орудий И. Т. Савенков рассматривал только в геологическом смысле, в неолите,

как и в палеолите, еще нет абсолютной хронологии.

Так как в основном систематизировался подъемный материал, и исследователь не мог проследить стратиграфию памятников, то в классификации отсутствовала и какая-либо относительная хронология в развитии типов орудий. Несмотря на вышперечисленное, важно то, что исследователь предпринял попытку научного описания и систематизации артефактов, материалы были опубликованы и послужили источником для дальнейших исследований и классификаций.

Кроме того, И. Т. Савенковым были высказаны некоторые идеи о быте и технологии производства каменного инвентаря аборигенов р. Енисея. Он выяснил, что материалом для изготовления каменных орудий в основном служили валунные отложения р. Енисей; копей для добывания камня в Минусинском округе не было. Среди используемых пород камня преобладали кремнистые и яшмовые сланцы. Савенков считал, что аборигены р. Енисей владели всеми известными способами изготовления каменных орудий, но

было слабо развито сверление и полировка орудий. Он настаивал на самостоятельном значении нуклеусов в качестве отбойников или сверл. Изучая назначение описываемых предметов, Савенков пришел к выводу о том, что в Минусинском уезде были орудия для разнообразных потребностей: «кухонные» – скребки, пластинки, осколки; для обработки шкур животных – скребки, ручные рубила; для обработки дерева – топоры, долота; охотничьи и военные – наконечники стрел, боевые топоры, молоты. Большинство орудий, по его мнению, свидетельствовало о мирной жизни аборигенов, обилие каменных наконечников стрел – о «звероловческой стадии культуры». По наблюдениям исследователя, поселения каменного века располагались преимущественно в долине р. Енисей или в долинах его притоков: при устьях небольших рек, на древних мысах, островах, в основном на дюнных холмах и береговых песчаных валах, были окружены лесами или располагались недалеко от лесов [323, с. 73–79]. Труд И. Т. Савенкова оставался единственным в осмыслении проблем каменного века Среднего Енисея до начала работ палеолитического отряда Красноярской экспедиции (1960–1975 гг.).

Таким образом, исследования по неолиту Сибири дали первые представления о круге памятников, находок, о материальной культуре носителей. Процесс накопления источников только начался. Были предприняты первые попытки классификации неолитических материалов и высказаны некоторые соображения о жизни аборигенов Сибири в эпоху неолита. Однако в целом для сибирской археологии характерно то, что на рубеже веков еще не были разработаны критерии выделения неолита, не были созданы периодизации памятников. Тем не менее можно констатировать, что в Иркутске и Красноярске начинают складываться предпосылки для формирования центров по изучению каменного века Северной Азии.

Начало решению проблемы периодизации неолита Сибири будет положено сотрудником МАЭ Б. Э. Петри в 1910-е гг. По заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он выехал в 1912 г. в Иркутский и Верхотенский уезды с целью этнографического изучения бурят и проведения археологических разведок [272]. Экспедиция в археологическом отношении явилась одним из главных открытий Б. Э. Петри. Он обнаружил многослой-

ную неолитическую стоянку рыболовов в бухте Улан-Хада на юго-восточном побережье Мухорского залива оз. Байкал. Исследователь сразу же рассматривал ее как основу для создания культурно-хронологической периодизации неолита в Сибири и для определения преемственности его культур [272, с. 107–108]. Раскопки 1913 г. подтвердили это предположение [273; 266]. В 1916 г. Б. Э. Петри получил специальное задание по сплошному археологическому изучению берегов Байкала и провел разведочные раскопки на Ангаре [266; 267]. Теоретическое осмысление полученных в результате экспедиций материалов будет произведено им в 1920-е гг.

Больших успехов добились сибирские исследователи в изучении памятников бронзового и железного веков. Особенно масштабные раскопки были проведены в Южной Сибири В. В. Радловым, А. В. Адриановым, Д. А. Клеменцом, И. П. Кузнецовым-Красноярским.

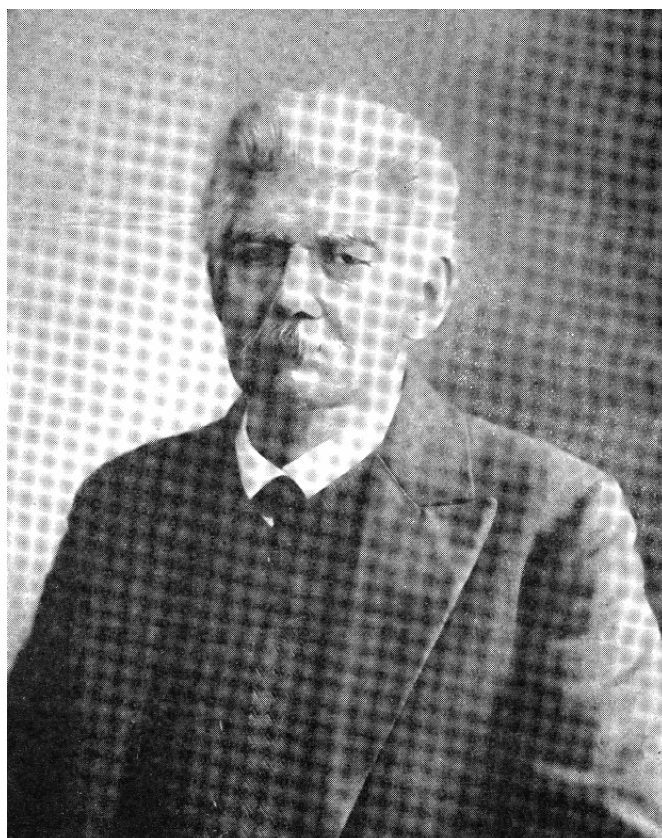
На основе широкого круга археологических источников, предварительно изучив материалы предшественников: Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа [37, с. 12], В. В. Радлов разработал периодизацию археологических памятников Саяно-Алтайского нагорья. Он связал все исследованные им погребальные памятники с четырьмя культурными эпохами Южной Сибири. В качестве основы периодизации В. В. Радлов использовал «систему трех веков» К. Томсена, но исключил из нее эпоху камня, т. к. не изучал памятники каменного века, объединил медный и бронзовый века и разделил эпоху железа на три этапа. Таким образом, периодизация содержала четыре последовательно сменяющие друг друга периода: 1) медь и бронза; 2) древнейший железный; 3) новейший железный; 4) позднейший железный [286, с. 410–480]. Самые ранние из исследованных курганов Енисея, Алтая, Казахстана и Барабинской степи ученый относил к первому, медному или бронзовому периоду; курганы с насыпью из больших камней на Алтае и в Казахстане – к древнейшему железному периоду; небольшие курганы Абаканской степи, называемые местным населением «киргизскими могилами», – к новейшему железному периоду; погребения на Чердате, датируемые XVII в., – к позднейшему железному периоду [286, с. 417].

Медно-бронзовый период, по мнению В. В. Радлова, составлял единую эпоху и отличался разнообразием археологических памятников. Исследователь на основе анализа наземных сооружений предложил классификацию погребений первого периода, состоящую из 5 типов памятников [286, с. 411–414].

В один период были объединены тесинские и сарагашенские курганы тагарской культуры, карасукские могилы [45, с. 109], тем не менее классификация Радлова была более точная, чем предшествующие. Однако объяснения многообразию памятников медно-бронзового периода у исследователя не было. Несмотря на то, что В. В. Радлов придерживался эволюционных взглядов, все-таки он нигде не высказывал идей о развитии предметов от простого к сложному, которые приписываются ему Ю. Г. Белокобыльским и Е. А. Артюх [32, с. 64; 17, с. 92–93].

В. В. Радлов не разграничивал хронологически по степени сложности ни погребения, ни инвентарь медно-бронзового периода. Он классифицировал инвентарь по функциональной принадлежности в следующем порядке: оружие, орудия, предметы конской сбруи, украшения, утварь [286, с. 421–430], и при характеристике каждой категории не выстраивал эволюционных рядов по степени сложности изготовления и орнаментального оформления предметов, вообще не упоминал об эволюции вещей. Характеризуя материальную культуру первого периода, исследователь неоднократно отмечал ее высокий уровень.

В. В. Радлов высказал ряд соображений об этнической принадлежности носителей бронзовой культуры Саяно-Алтая. Перво-

**Василий Васильевич
Радлов (1837–1918)**

начально он полагал, что это были угро-самодийцы, затем, при анализе китайских источников, связал их с легендарным народом биле или гелочи, и в окончательном варианте пришел к выводу, что в древности территорию Южной Сибири населяли енисейцы, немногочисленные потомки которых – ассаны, арины, сагайцы, котты – сохранились на территории среднего Енисея во второй половине XIX в. К началу VI в., по мнению исследователя, основная часть енисейцев была поглощена тюркскими племенами [286, с. 438–440]. В. В. Радлов особо выделил народ, оставивший большие каменные курганы (Катандинский, Берельский). Исследователь считал, что это было пришлое население, проникшее на Южный Алтай с юга в начале железного века. Он ошибочно предположил, что «народы железного века, обитавшие на юге и оставившие большие каменные курганы, были тюрками» [286, с. 463, 477]. К тюркам В. В. Радлов справедливо относил енисейских «киргизов» или потомков рано тюркизованных хакасов, которые постоянно жили в долинах и степях по Верхнему Енисею и Абакану с VI по XVII вв. [286, с. 477].

В. В. Радлов впервые с научными целями раскопал курганы пазырыкской культуры в Берели и Катанде и хронологически отнес их к древнейшему железному периоду [286, с. 443–448]. Этим же периодом он датировал раскопанные курганы раннего средневековья [286, с. 445, 449, 451], так называемые погребения «берельского» (IV–V вв.) [63, с. 55–56] и «катандинского» (VII–VIII вв.) типов [63, с. 61–64; 325, с. 61–62]. В. В. Радлов исследовал и ввел в научный оборот материалы древних стел, средневековых изваяний, средневековых погребений енисейских кыргызов, отнесенных им к новейшему железному веку. Ю. С. Худяков справедливо отмечает, что историческая интерпретация Радлова материалов енисейских кыргызов «надолго определила пути дальнейшего исследования в этой области» [398, с. 9].

В. В. Радлов впервые в сибирской археологии дал общую характеристику хозяйству, занятиям древнего и средневекового населения Южной Сибири. Населения эпохи бронзы, по его мнению, было оседлым, занималось орошаемым земледелием и бронзолитейным производством, широкое распространение также имела охота, а из домашних животных были известны лошади, овцы и ко-

зы [286, с. 437]. Население древнейшего железного периода Радлов относил к кочевникам, занимающимся скотоводством [286, с. 463], у тюркских племен новейшего железного века он также выявил кочевой образ жизни, при котором основой хозяйства было скотоводство. Используя данные китайских летописей, исследователь полагал, что богатые тюрки занимались земледелием, обрабатывая поля близ зимовок с помощью работников [286, с. 472–474].

В. В. Радлов одним из первых в Сибири применил в исследованиях комплексный подход. Он изучал археологические памятники в связи с этнографией и лингвистикой тюркских народов, использовал при восстановлении древней и средневековой истории фольклор и китайские летописи. Ученый привлек к химическому анализу бронзовых и железных предметов специалиста по металлографии Г. Струве и получил данные по составу и сплавам металлов [286, с. 422–423; 464–467].

К заслугам В. В. Радлова относится подготовка и издание атласа рисунков «Сибирские древности» [282; 283; 284; 285]. Этой публикацией был введен в научный оборот широкий круг археологических источников, атлас не потерял своего источниковедческого значения до сих пор.

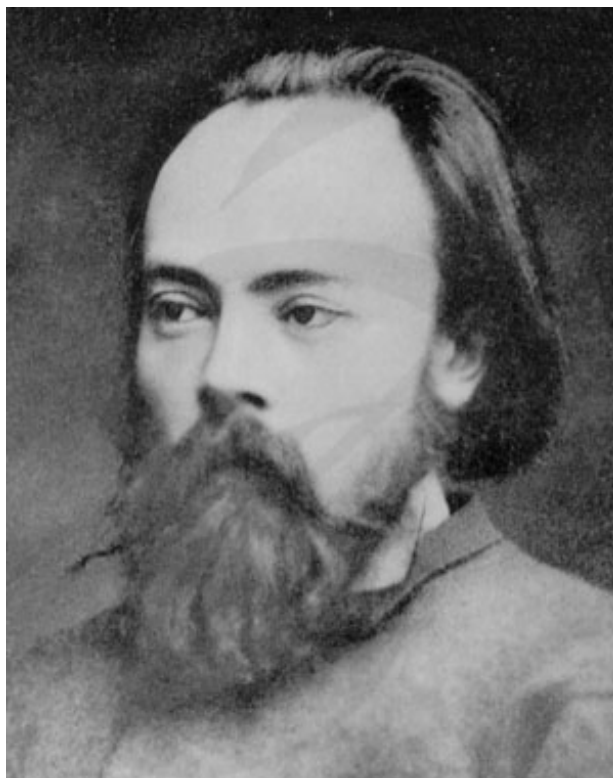
Значительный вклад в осмысление археологических материалов Южной Сибири внес Д. А. Клеменц. В книге «Древности Минусинского музея» им были систематизированы археологические коллекции музея, предложена новая классификация археологических памятников Минусинской котловины, высказаны идеи о развитии древней культуры Южной Сибири в целом [189]. Всего через два года после выхода в свет книги «Aus Sibirien» [433; 434] и через три года занятий археологией Д. А. Клеменц уточнил и дополнил классификацию курганов медно-бронзового периода, созданную В. В. Радловым. Исследователь считал, что она «не обнимает всех известных видов курганов и могил» [189, с. 11]. На основании собственных исследований он выделил 11 типов, которые разделил на две группы: 1) плоские курганы – 6 типов и 2) курганы с насыпями – 5 типов [189, с. 11–14]. Классификация была построена также, как у Радлова, на основе анализа наземных конструкций. Ю. Г. Белокобыльский верно заметил, что «в типологии Д. А. Клеменца нет несуществующих типов памятников», однако она, как и типология

В. В. Радлова, не отражала хронологической последовательности в сооружении погребальных памятников. Клеменц, вслед за Радловым, эпоху бронзы рассматривал как единое целое [32, с. 71].

Современные исследователи отмечают скрупулезную работу Д. А. Клеменца по выявлению и описанию наземных погребальных сооружений, по уровню систематизации материала. По мнению Д. Г. Савинова, он дал «первый, практически исчерпывающий перечень видов памятников, на исследование которых в будущем была ориентирована минусинская археология», почти все из выделенных Д. А. Клеменцом наземных погребальных сооружений могут быть соотнесены с хорошо известными сейчас типами памятников различных археологических культур [328, с. 113].

Идея медленной эволюционной замены каменных орудий на металлические, а бронзовых на железные привела Д. А. Клеменца к тому, что при классификации минусинских древностей он отказался использовать «систему трех веков» К. Томсена и разработанную на ее основе периодизацию В. В. Радлова. Исследователь считал, что в Минусинской котловине каменные орудия продолжали употребляться в бронзовую и железную эпохи, и пока не разработаны критерии классификации каменных и костяных предметов для эпох камня и металлов, использовать «систему трех веков» нельзя [189, с. 52]. Созданный им каталог состоял из девяти отделов: 1) предметы из меди и бронзы; 2) из желтой меди; 3) из золота; 4) из цветных камней; 5) из железа; 6) из чугуна и стали; 7) глиняные горшки и вазы; 8) надмогильные стелы и каменные бабы; 9) гипсовые погребальные маски. Каждый отдел предварял общие сведения о группе предметов, если возможно, о памятниках, в которых обнаружены подобные вещи. В целом написанный труд далеко выходил за отведенные ему рамки каталога. Собственно каталог предваряла первая часть работы, которая по своему характеру была не менее важна, чем вторая.

Д. А. Клеменц, естественник по образованию, был одним из первых в Сибири исследователей, придававших большое значение среде обитания древнего человека. Первобытный человек рассматривался им как часть природы. Поэтому во введении каталога он подробнейшим образом описал физико-географическое состояние Минусинской котловины и пришел к нескольким принципиальным выводам: 1) долина Среднего Енисея представляла собой один из благоприятнейших уголков Сибири, и человек избрал ее для поселения с давних времен; 2) большая часть земель могла кормить только скотоводов-номадов; 3) в Минусинской котловине существовал самостоятельный местный центр культуры, который развивался совершенно изолированно [189, с. 10]. Д. А. Клеменц – сторонник автохтонного поступательного развития племен в Минусинской котловине, отрицал миграции и заимствования [189, с. 63]. Он отмечал преемственность в переходе от культуры эпохи бронзы к культуре эпохи железа, доказательство этой преемственности исследователь наблюдал в переходных от бронзы к железу формах орудий труда и оружия. Он также являлся приверженцем прогрессивного эволюционного развития без скачков и взрывов. Д. А. Клеменц заметил, что «введение выделки железа не произвело сразу крупного переворота в культуре, ремеслах и образе жизни местных жителей, а освоились с новым материалом наши аборигены лишь мало-помалу» [189, с. 63]. Основой развития, по Д. А. Клеменцу, было совершенствование техники и орудий труда. При этом, как эволюционист, признавая концепцию естественного отбора, он был противником абсолютизации идеи о борьбе за существование и считал, что взаимоотношения носителей древних куль-

**Дмитрий Александрович
Клеменц (1848–1914)**

тур развиваются на основе традиций. Этих взглядов Д. А. Клеменц будет придерживаться и далее. В предисловии к русскому изданию книги Г. Шурца «История первобытной культуры» он писал: «Эволюционизм пользуется большой популярностью и из него рядом с великими созданиями немало уродливых созданий вроде извращения идеи о борьбе за существование» [110, с. 6].

В первой части каталога Д. А. Клеменц дал достаточно полное описание типов и форм бронзовых предметов, привел сведения об их химическом анализе, рассмотрел вопрос о назначении и употреблении минусинских бронз. Развивая эволюционные идеи, Д. А. Клеменц наблюдал преемственность форм бронзовых кельтов от каменных топоров. Как отмечено выше, через 10 лет подобные идеи будет поддерживать И. Т. Савенков [323]. Д. А. Клеменц был склонен в двух типах ножей – «кривых» и «прямых» – наблюдать эволюцию технологии изготовления: от массивных, грубых, поэтому более древних «кривых» ножей, к более совершенным, поэтому более поздним «прямым» ножам. В этой идее исследователя можно наблюдать следование эволюционному принципу развития видов от низших форм к высшим. Рассматривая оружие и звериный стиль, Д. А. Клеменц отмечал близость минусинских и скифских форм, которая, по его мнению, была обусловлена конвергенцией развития населения двух регионов. В результате изучения минусинских бронз он считал, что на Саяно-Алтайском нагорье сформировался высокоразвитый северо-азиатский центр бронзолитейного производства, который распространил свое влияние на Западную Сибирь, Урал и Прикамье [189, с. 49–68]. Древнее население Минусинской котловины Д. А. Клеменц отождествлял с предками енисейских остяков (современных кетов) [189, с. 65–67], в чем солидаризировался с гипотезой В. В. Радлова.

Именно Д. А. Клеменц в конце XIX в. сформулировал основные цели археологического познания: «До сих пор археология вращалась только в узкой сравнительно сфере, и ее стремлением было создание картины жизни исчезнувших племен. Но пора и ей выйти из этой сферы и подняться до общей задачи науки о человеке – до создания полного учения об эволюции первобытных обществ, их развитии и упадке, их образовании и трансформации» [55, с. 9].

Одним из этапов археологического познания, по мнению Д. А. Клеменца, было составление археологических карт. Им была подготовлена «Карта Минусинского округа с указанием главнейших археологических памятников», опубликованная в «Сибирских древностях» В. В. Радлова.

Гигантским размахом археологических работ отличалась деятельность **Александра Васильевича Адрианова (1854–1920)**.

Ю. Г. Белокобыльский отметил, что в течение 1883, 1890, 1894–1889 и 1911 гг. им было раскопано более 150 курганов в Минусинской котловине и на Алтае [32, с. 74]. В 1887 и 1889 гг. А. В. Адрианов провел раскопки Томского могильника [4]. В 1915–1916 гг. он исследовал 60 археологических объектов в Туве [11]. Колоссальная работа была проделана А. В. Адриановым по выявлению, изучению, копированию и фотографированию наскальных рисунков Южной Сибири [6; 7; 8; 9; 10]. Свои взгляды на древнюю историю Минусинского края он изложил в небольшом очерке [5]. Исследователь считал природную среду определяющим показателем при зарождении и развитии первобытной культуры. Поэтому благоприятные климатические условия, разнообразие флоры и фауны, плодородие земель, превосходные пастбища, обилие полезных ископаемых – все это, по его мнению, сделало вероятным первоначальное заселение Минусинской котловины человеком.

А. В. Адрианов

Из этого центра первобытная культура распространялась по всей Сибири. А. В. Адрианов, как и И. Т. Савенков, полагал, что первобытные люди жили по берегам среднего Енисея и его притоков, по крайней мере, с эпохи неолита, свидетельством этого стали обна-

руженные неолитические каменные орудия [5, с. 3–4]. Исследователь отмечал, что максимального развития и процветания древние народы достигли в эпоху бронзы. Этот период он назвал курганным, длившимся несколько столетий. Вслед за Й. Р. Аспелиным, А. В. Адрианов считал, что самые древние курганы сооружались 3 тыс. лет назад. Большое количество курганов и погребенных в них указывали, по его мнению, на многочисленность древнего населения.

Вопрос об этнической принадлежности носителей культуры эпохи бронзы исследователь оставил открытым, однако сделал предположение об их южном происхождении, исходя из изображений верблюда и осла, запечатленных в бронзе. Не отрицал он и влияния с востока, на что, по его мнению, указывало употребление олова. Наблюдая в ходе раскопок различное устройство курганов, А. В. Адрианов также не мог решить вопрос о том, сооружались ли они одним народом в разные периоды или принадлежали различным по происхождению народам, но проблему такую поставил [5, с. 4–5].

А. В. Адрианов традиционно, так же, как В. В. Радлов и Д. А. Клеменц, отметил высокоразвитое бронзолитейное производство жителей Минусинской котловины и поддержал точку зрения Д. А. Клеменца о распространении этого производства далеко на запад, до Урала и Волги. К основным занятиям носителей бронзовой культуры он отнес скотоводство, охоту и земледелие, однако полагал, что земледелие было слабо развито. Используя данные китайских источников о применении железа у хунну, А. В. Адрианов предположил, что переход к древнежелезному веку аборигенов Южной Сибири произошел в начале I тыс. н. э. Этот период исследователь характеризовал как время «непрерывных потрясений, передвижение различных племен с юга на север и с востока на запад» [5, с. 5–6]. Развивая точку зрения В. В. Радлова об этнокультурной истории нового железного периода, А. В. Адрианов указал, что основным населением бассейна Верхнего Енисея были хакасы или «киргизы», достигшие наивысшего могущества в IV–VIII вв. Хакасы вели кочевой образ жизни, разводили лошадей, овец, коз, рогатый скот и верблюдов, зажиточные люди занимались земледелием, в том числе орошаемым. Он отметил высокий уровень их культуры,

подтверждаемый многочисленными памятниками с руническими надписями, каменными бабами, изображениями сцен пастушеской жизни на скалах [5, с. 6–7].

И. П. Кузнецов-Красноярский предложил типологию только тех курганов, которые исследовал сам [198], а также классифицировал подъемный материал [199].

Внесли свою лепту в разработку теоретических вопросов сибирской археологии и иностранные ученые. Были развенчаны некоторые устоявшиеся гипотезы. Так, во второй половине XIX в. в отечественной науке безоговорочно господствовали теории М. Кастрена и Й. Р. Аспелина. По лингвистической теории М. Кастрена, прародиной финно-угорских народов являлось Алтае-Саянское нагорье. Следуя за Кастреном, Й. Р. Аспелин считал, что бронзовый век к западу от Урала был генетическим «отпрыском» сибирского и связан с миграцией финно-угорских народов из Азии в Восточную и Северную Европу. В начале XX в. А. М. Тальгрэн отказался от гипотезы Й. Р. Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры бронзового века. Он показал, что бронзовые культуры севера Восточной Европы и Саяно-Алтая самостоятельны и резко отличаются друг от друга не только характером и видом могильных сооружений, но и типом утвари [435]. А. М. Тальгрэну – на основании накопленного обширного материала – удалось доказать, что бронзовый век на северо-востоке Европейской России является не производным от сибирского, что это самостоятельное явление, сформировавшееся на основе местного каменного века под влиянием степных культур южной России [187].

Во второй половине XIX в. меняется методика раскопок археологических памятников в Сибири. Так, например, В. В. Радлов очень редко раскапывал курган «на снос», исследуя насыпь до ее основания, чаще всего это был метод «колодца» и «траншеи», также не всегда он описывал весь ход раскопок [17, с. 125–126]. И. П. Кузнецов-Красноярский производил графическую фиксацию и обмер раскапываемых памятников, а землю, вынимаемую из раскопа, тщательно просеивал [32, с. 76]. А. В. Адрианов копал курганы с помощью шурфов [226, с. 52]. Справедливости ради, необходимо отметить, что в России в тот период траншейный способ раскопок археологических памятников был основным. Однако исследования А. В. Адрианова отличаются полнота и точность описания,

составления планов раскопок с указанием местоположения скелетов и инвентаря. Э. Б. Вадецкая отмечает особую внимательность исследователя при работе с археологическим материалом, в частности, А. В. Адрианов заметил «сожженные человеческие косточки внутри таштыкских манекенов; технологические отличия масок тесинских и таштыкских», а также «кучки аккуратно сложенных костей в могилах» и сделал вывод об обычае перезахоронения [45, с. 116]. Значительный вклад в методику полевых исследований внес Д. А. Клеменц. Его методика отличалась тщательностью и научностью. Именно она станет отправной точкой для последующих исследователей Сибири. Им применяется полная послойная съемка курганной насыпи и заполнения могил с обязательным просеиванием земли. Он фотографировал ход работ, чертил планы и профили курганов на миллиметровой бумаге, собирал для определения специалистами кости человека и животных. М. А. Дэвлет отмечает, что «раскопки Д. А. Клеменца явились первыми и единственными в до-революционный период полевыми исследованиями в Южной Сибири, произведенными на высоком методическом уровне» [110, с. 7].

Впервые в Сибири собран обширный свод источников по петроглифам (В. В. Радлов, Н. И. Попов, И. Т. Савенков, Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов).

И. Т. Савенков обобщил все известные материалы по изобразительному искусству Южной Сибири, широко используя сравнительно-исторический метод исследования петроглифов и изваяний [324]. Объемный труд в 553 страницы с таблицами и изображениями более 1000 писаниц до сих пор производит неизгладимое впечатление. Ю. Г. Белокобыльский подробно разбирает интерпретационные приемы И. Т. Савенкова. Он не соглашается с выводами исследователя о наскальных рисунках как памятниках письменности, однако считает, что его идея о том, что «ни один штрих, ни один рисунок ... не являются случайными», а находят разгадку в религиозно-мифологическом мышлении первобытных людей, одной из главных заслуг И. Т. Савенкова [32, с. 96–109]. К сожалению, сегодня чрезвычайно мала источниковедческая роль труда И. Т. Савенкова. Известная исследовательница наскального искусства М. А. Дэвлет отмечает, что рисунки петроглифов, выполненные И.Т. Савенковым, были неточны даже для того времени и лишь

отдаленно напоминали оригинал. В отношении приемов копирования он значительно отставал от своих современников, пренебрегая методом изготовления эстампажей. Марианна Арташировна, оценивая объемный труд И. Т. Савенкова как шаг назад в осмыслении наскального искусства по сравнению с его ранней работой «К разведочным материалам по археологии среднего Енисея», отмечает схоластические измышления и мудрствования исследователя и приходит к выводу, «что попытка интерпретации петроглифов в отрыве от хронологии и культурной принадлежности была обречена на неудачу» [112, с. 93–95].

Особая роль в изучении петроглифов принадлежала А. В. Адрианову, именно он стал основоположником научного подхода к фиксации наскальных рисунков, разрабатывал новые методы копирования петроглифов. Благодаря его методическим разработкам, исследователи Сибири перешли к точной фиксации изображений путем изготовления эстампажей, фотографирования.

Итак, последняя треть XIX в. в истории сибирской археологии характеризуется накоплением археологических источников. Были открыты первые палеолитические стоянки (Иркутский госпиталь, Афонтова гора, Томская стоянка) и доказана древность существования человека в Сибири, исследован первый неолитический могильник в России (в устье р. Китой). При раскопках памятников эпохи камня были разработаны новые методики исследования (Н. Ф. Кащенко, Н. И. Витковский). Созданы первые классификации орудий эпохи камня (И. Т. Савенков). Исследованы сотни погребений эпохи бронзы и железа в Саяно-Алтайском нагорье. Предпринято создание классификаций погребальных памятников (В. В. Радлов, И. П. Кузнецов-Красноярский), в том числе отражающих всю полноту представленных наземных сооружений в Минусинской котловине (Д. А. Клеменц). Созданы первые классификации археологических коллекций (Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков). Внедрены более совершенные методики раскопок погребальных памятников (Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, А. В. Адрианов). Разработаны научный подход к фиксации наскальных рисунков и новые методы копирования петроглифов (А. В. Адрианов). Сибирскими исследователями предпринимались попытки определения этнической принадлежности археологических памятников (В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов).

В. В. Радловым была высказана идея существования в Южной Сибири единой культуры бронзы, которую отечественные исследователи поддерживают до 1920-х гг. Одной из черт сибирской археологии конца XIX – начала XX вв. стали создание и публикация каталогов музеев. Было положено начало разработке и внедрению комплексного подхода (В. В. Радлов). Создана первая культурно-хронологическая периодизация, отразившая основные тенденции развития культур Южной Сибири от эпохи бронзы до «енисейских кыргызов», но не содержащая всей полноты погребальных памятников региона (В. В. Радлов). Составлена первая археологическая карта памятников Южной Сибири (Д. А. Клеменц). В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А.В. Адрианов приступили к историческим реконструкциям археологических материалов. Сибирские исследователи были сторонниками эволюционизма и придерживались идей об автохтонном, длительном, преемственном развитии культур. Основой прогресса считалось совершенствование техники и орудий труда. Развивая эволюционистские идеи, исследователи сформулировали основные цели археологического познания: подняться до общей задачи науки о человеке – до создания полного учения об эволюции первобытных обществ, их развитии и упадке, их образовании и трансформации (Д. А. Клеменц).

Однако необходимо отметить, что в рассматриваемый период наблюдалась бессистемность в изучении археологических памятников. К началу XX в. в сибирской археологии так и не был завершен процесс классификации комплексов артефактов, не созданы типологические ряды вещей в относительно-хронологической последовательности, соответственно не было выделено археологических культур. Многие важные проблемы просто не рассматривались, например вопрос о генезисе палеолита и неолита, о критериях выделения неолита, не были определены абсолютные даты. Уровень теоретических разработок в сибирской археологии отражал период становления первобытной археологии в России в целом. Однако в отличие от европейской России в Сибири не было создано системы подготовки специалистов-археологов, и важный фактор передачи знаний от учителя к ученику отсутствовал.

Таким образом, завершения процесса становления археологии как науки в Сибири в конце XIX в. не произошло.

Сибирские археологи-любители были объединены вокруг неформальных лидеров, таких, как Н. М. Мартьянов, В. М. Флоринский.

К началу XX в. в Сибири произошла смена поколений археологов [178, с. 226]. В 1892 г. ушли из жизни Н. И. Витковский и И. Д. Черский, а В. В. Радлов и Д. А. Клеменц переехали в Петербург и активно занялись музейным строительством. В. В. Радлов возглавил сначала Азиатский музей, а затем МАЭ. Д. А. Клеменц руководил этнографическим отделом Русского музея. В 1904 г. умер директор Минусинского музея Н.М. Мартьянов, под руководством которого была собрана одна из лучших археологических коллекций Сибири. С наступлением XX в. прекращаются полевые археологические изыскания в Томске, наблюдается угасание деятельности археологического музея университета. Это объясняется тем, что, во-первых, не имелось такого сильного организатора, заинтересованного в деятельности музея, как В. М. Флоринский (в 1898 г. он уезжает из Томска, а в 1899 г. умирает). Во-вторых, в 1899 г. известный сибирский публицист, археолог, этнограф А. В. Адрианов был переведен по службе из Томска в Иркутск, а его возвращение в 1907 г. в Томск было прервано ссылкой 1913–1916 гг. После достаточно продолжительного (1889–1898) и умелого заведования археологическим отделом музея уехал С. К. Кузнецов. Музей с 1898 г. остался без специального работника, отвечающего за археологические коллекции и знающего музейное дело. В 1913 г. археологический музей Томского университета находился в состоянии запущенности, а коллекции – в полном беспорядке [177, с. 31–32]. В 1914 г. умирают Д. А. Клеменц и И. Т. Савенков. Исследователей такой величины, как И. Д. Черский, Н. И. Витковский, В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков, заменить было неким. Безусловно, все эти события способствовали стагнации в археологических исследованиях края.

Корифей отечественной археологии А. А. Спицын перед Первой мировой войной негативно оценил состояние сибирской археологии: «1. В курганах разочаровались (Радлов, Клеменц, Адрианов). 2. Каменный век беден. 3. Медный век однообразен. 4. Могильники Иркутского типа и Базаихи оказались одиночными. Усталость и равнодушие. Покупка вещей. Исследователей не появляется. Раскопок нет. Музеи довольны собой» [256, с. 38].

Тема 3. Методология российской археологии второй половины XIX – начала XX вв.

Российская археология в 1850–1860-е гг. оставалась в пределах «библейской хронологии». История человечества не была сопряжена с естественноисторическим процессом, например, археологические находки не были вписаны в геологический контекст.

В мировой археологии в качестве важной исследовательской задачи были выдвинуты: 1) приёмы и методы определения хронологии археологических памятников и артефактов; 2) периодизация древнейшей истории; 3) построение хронологических систем, основанных на археологических данных.

Российская археология не располагала ещё концептуальным аппаратом, необходимым для решения подобного круга задач. До 1860-х гг. теория в России оставалась на уровне бытописательской парадигмы, согласно которой утверждение божественного происхождения мира логично приводило к принятию божественного происхождения человека, и вопросы о древнейшем возрасте человечества просто не ставились [205, с. 111–112].

В официальных учреждениях – АК, РАО, Императорском Эрмитаже, первобытная археология отсутствовала в качестве самостоятельного направления. Необходимо также отметить, что первобытная археология, в отличие от классической и славяно-русской археологии, позже накопила фонд источников. Памятники каменного века в России были открыты только в 1870-х гг. И вот только тогда необходимость решения проблем первобытной археологии привела к принятию новой эволюционной парадигмы.

В философии автором идеи эволюции считают английского позитивиста Герберта Спенсера (1820–1903). Позитивизм как направление философии сформировался во второй половине XIX в. Основная его идея заключалась в том, что источником всех человеческих знаний являются позитивные, т. е. наблюдаемые факты, показания наших чувств, которые познающий субъект классифицирует, распределяет, организует, привнося в данный ему чувствами материал с помощью психологических или логических операций идею закономерности и порядка.

Однако в археологию эволюционизм как течение пришел из биологии. Благодаря трудам Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871), была выявлена взаимосвязь всех форм жизни, определено единство человеческого рода и убедительно обоснована материалистическая теория развития всего живого на Земле.

Эволюционизм дал ключевое для исследования артефактов понятие “тип” и использовал его в построенных на основе типологического метода хронологических системах для создания археологической версии истории, принципиально новой картины древнейших этапов исторической действительности.

Апогеем эволюционизма в исследовании истории культуры были работы Эдуарда Тайлора «Первобытная культура» (1871) и «Антропология. Введение в изучение человека и цивилизации» (1881). В них был предложен комплекс идей, которые стали методологической основой для объединения этнографии и археологии, антропологии и истории культуры при изучении человеческого общества и культуры на ранних этапах развития.

Основы историко-материалистической концепции первобытного общества были заложены американским историком и этнографом Льюисом Генри Морганом.

В работе «Древнее общество» (1877) он обстоятельно изложил социокультурную периодизацию первобытной истории и показал, как основная социальная ячейка первобытного общества – род – развивается от архаичной (материнской) – к позднейшей патриархальной форме. Л. Г. Морган выдвинул тезис о всемирно-исторической закономерности этого процесса.

Движущей силой развития общества, по Моргану, были изменения в материальной культуре: появление новых форм хозяйства, орудий труда, технологий. Экономические изменения приводили к изменениям в обществе, что знаменовало собой новый этап развития, и послужило критерием периодизации [205, с. 118–121].

В России труд Л. Морганя приобретает широкую популярность. В 1878–1879 гг. публикуются две статьи Д.А. Коропчевского с детальным изложением существенной части сочинения Морганя.

Под влиянием учения Морганя были проведены оригинальные исследования русских ученых В. В. Сокольского, Н. И. Зибера, В. В. Ефимова, М. Ковалевского.

Один из основоположников марксизма Фридрих Энгельс, используя периодизацию Моргана, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) определил место первобытного общества в системе социально-экономических формаций.

Деление истории общества Морганом на три стадии: дикость, варварство, цивилизация, Ф. Энгельс соотнес с формами развития семьи, последовательно сменяющимися друг друга.

Для дикости, по его мнению, были характерны промискуитет, групповой брак с двумя формами семьи – кровнородственная и пуналуальная; для эпохи варварства – парная семья сначала с главенством женщины и материнским родом, затем на стадии разложения первобытных отношений на смену им пришли патриархальная семья и отцовский род.

Главным достижением в исследовании теоретических проблем первобытности стала идея Энгельса об общественном разделении труда, согласно которой каждое новое свершение в экономике приводило к изменению в социальной структуре [426].

Современная Энгельсу наука о первобытности приняла положение о закономерном эволюционном соотношении различных общественных структур, об исторически обусловленном сосуществовании обществ, находящихся на разных ступенях социального развития, о принципиальном единстве исходных стадий этого развития. В конце XIX в. идеи Моргана-Энгельса воспринимались как передовые.

На основе идей эволюции в археологии конца XIX в. был разработан новый методологический подход – палеоэтнологический.

Палеоэтнологическое направление исследований было предложено в 1880-е гг. ведущим российским антропологом Д. Н. Анучиным (1843–1923).

Появление термина «палеоэтнология» связано с именем известного исследователя Фёдора Кондратьевича Волкова (Вовка) (1847–1918), доктора естественных наук Парижского университета, сложившегося в качестве ученого в среде французских палеоэтнологов – ведущей в мире на тот период школы по изучению каменного века.

Ф. К. Волков после окончания естественного отделения Киевского университета несколько лет служил в Контрольной палате и

участвовал в деятельности Юго-Западного Отделения РГО. Был членом украинской националистической организации «Громада». В 1879 г. бежал за границу. После скитаний по Европе, в 1887 г. поселился в Париже и начал заниматься в Антропологической школе, в одном из ведущих центров французской палеоэтнологии. В 1905 г. был удостоен Парижским университетом степени доктора естественных наук. После Первой русской революции получил возможность вернуться в Россию.

По возвращении на родину Ф. К. Волков поступил хранителем этнографического отдела Музея императора Александра III (Русский музей). В 1907 г. был избран приват-доцентом по кафедре географии и антропологии Петербургского университета с поручением разработки курсов по антропологическим дисциплинам: антропологии, доисторической археологии и этнографии.

Федор Кондратьевич Волков (Вовк) (1847–1918)

археологии. Подготовку в палеоэтнологической школе Ф. К. Волкова в начале XX в. пройдут такие в будущем известные исследователи Сибири, как Б. Э. Петри, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов.

Антропологию Ф. К. Волков понимал как науку, состоящую из трех разделов: анатомической антропологии, этнографии, доисторической антропологии или палеоэтнологии, «изучающей происхождение и развитие человечества в физическом и бытовом отношении во времена, предшествовавшие появлению исторических сведений».

Эволюционное естествознание сыграло огромную роль в развитии отечественной палеоэтнологии, впервые сторонники этого направления использовали методы естественных наук для изучения памятников первобытной

Тема 4. Сибирская археология в 1920-е гг.

4.1. Общая характеристика российской и сибирской археологии в 1920-е гг.

18 апреля 1919 г. был принят декрет Советского правительства за подписью В. И. Ленина о создании Российской Академии истории материальной культуры в Петрограде – РАИМК (преемница АК).

С 1926 г. она получила статус Государственной Академии истории материальной культуры – ГАИМК.

В 1924 г. образована Московская секция РАИМК – ГАИМК, первоначально находившаяся в подчиненном Ленинградскому отделению положении.

ГАИМК мыслилась как организация, где должны были осуществляться новые комплексные исследования исторической проблематики докапиталистических обществ с привлечением археологических, этнографических, антропологических и иных источников.

В структуре ГАИМК было 3 отделения: этнологическое, археологическое, художественно-историческое и Институт археологической технологии.

ГАИМК с 1919 по 1934 гг. возглавлял **Николай Яковлевич Марр (1864–1934), востоковед, лингвист, академик (1912).**

Основной вклад в науку внес в области армяно-грузинской филологии, а также исследования кавказских языков, истории, археологии и этнографии Кавказа. Создал «яфетическую теорию», которая в результате дальнейшей разработки переросла в так называемое «новое учение о языке».

Наряду с организационными преобразованиями в центре в 1918–1922 гг. происходит формирование сибирских центров археологии: Иркутск, Томск, Красноярск.

«Характерной чертой времени стало расширение географии распространения вузов и научных учреждений. Война, голод, репрессии и политические пристрастия гнали ученых в регионы, куда раньше они ни за что бы не поехали». Беспрецедентный рост научных учреждений в этот период, это – прежде всего способ выживания науки в период кризиса [191, с. 396, 404].

Н. Я. Марр

1) В 1918 г. по решению Министерства народного просвещения правительства А. В. Колчака был открыт университет в Иркутске.

2) В 1918–1919 гг. резко возрастает количественно и качественно профессорско-преподавательский состав сибирских университетов за счет вывезенных по решению правительства А. В. Колчака ряда факультетов Казанского и Пермского университетов, а также за счет профессоров и доцентов, бежавших от Советов из Центральной России.

3) Для развития археологии большое значение имело резкое увеличение числа краеведческих организаций в стране после окончания гражданской войны.

4.2. Томский научный центр

Возрождение интереса к археологии в Томске обусловлено следующими причинами:

1. В июле 1917 г. Временное правительство принимает Постановление об открытии факультетов в университете: историко-филологического и физико-математического с геолого-географическим (естественным) отделением.

2. В 1918–1919 гг. в Томский университет из археологов и этнографов приезжают Сергей Иванович Руденко, Сергей Александрович Теплоухов, Виктор Фёдорович Смолин, Фёдор Артурович Фиельструп, Алексей Константинович Иванов.

3. Создание кафедры географии на естественном отделении в Томском университете и попытки подготовки палеоэтнологов.

4. В январе 1919 г. был создан Институт исследования Сибири (ИИС), который должен был по замыслу создателей выполнять функцию Академии наук и проводить планомерные научно-практические исследования природы и населения Сибири в целях культурно-экономического развития края и рационального использования его богатств.

Идея создания такого института была выдвинута сибирскими учеными еще в 1917 г. на проходившем в Иркутске первом Общесибирском метеорологическом съезде, однако реализовать ее смогло только правительство А. В. Колчака.

Казанец В. Ф. Смолин принял живейшее участие в учреждении ИИС. И именно с его подачи на съезде по организации института в 1918 г. предлагалось, в первую очередь, открыть отдел истории, археологии и этнографии, который ставил бы своей задачей изучение истории (включая археологию), быта, права, языка, словесности, верований, искусства народов Сибири, охрану памятников старины, документов прошлого и настоящего.

До учреждения Института исследования Сибири предлагалось сформировать Сибирскую Археологическую комиссию, которая бы организовала регистрацию, охрану и систематическое исследование памятников прошлого.

В. Ф. Смолин в докладе на учредительном съезде высказал ряд новых идей об «организации археологического обследования Сибири». Он выделил 3 этапа изучения памятников древности, при этом третий, современный этап Виктор Федорович понимал как время становления и развития археологии в качестве особой отрасли исторической науки с собственной системой методов изучения древних памятников, когда дело исследования археологических объектов является государственным.

В выступлении на съезде Смолин поднял вопрос об археологической этике и правилах археологических исследований. Он отметил, что Сибирь усеяна археологическими памятниками, но отсутствует их правильное изучение, в результате чего происходит гибель последних. Он указывал на необходимость создания специального археологического отдела при ИИС, который бы решал вопросы регистрации памятников древности, их охраны, ведения археологических раскопок, составления археологической карты [346].

В. Ф. Смолин и Ф. А. Фиельstrup, как выпускники историко-филологических факультетов Казанского и Петербургского университетов, смогли устроиться на историко-филологическом факультете Томского университета. Два молодых, подающих надежды исследователя успели поучиться за границей, определиться со своими научными увлечениями и могли в будущем создать блестящую репутацию любому университету страны.

Томский период (1918–1920 гг.) стал самым кратким в деятельности В. Ф. Смолина, но очень насыщенным. Он преподавал в университете и гимназии, заведовал университетским музеем, организовал при историко-филологическом факультете Общество этнографии, истории и археологии, подобное Казанскому, участвовал в создании Томского краевого музея и службы по охране памятников искусства и старины в Томской губернии.

С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, А. К. Иванов, выпускники естественных отделений физико-математических факультетов, ученики Ф. К. Волкова, преподают на геолого-географическом отделении физико-математического факультетата ТГУ.

С. А Теплоухов, С. И. Руденко, М. П. Грязнов в Томске в 1921 г.

В 1919–1920 учебном году С. И. Руденко вел курс общей географии на естественном отделении и практические занятия для тех студентов, которые предполагали специализироваться по географии. Во втором семестре им был разработан и прочитан курс «Введение в этнографию». В 1920–1921 учебном году профессор Руденко читал по кафедре географии и антропологии 3 обязательных курса: общее землеведение, антропология, сравнительная этнография. 8 ноября 1920 г. С. И. Руденко был избран деканом физико-математического факультета.

С. И. Руденко и С. А. Теплоухов, несмотря на финансовые сложности, вели самые успешные при Томском университете полевые исследования. В 1920 г. Томским университетом были командированы в Минусинский край профессор С. И. Руденко, преподаватели С. А. Теплоухов, Ф. А. Фиельструп, препаратор А. Н. Глухов и студенты: М. П. Грязнов, Ю. М. Голубкова в качестве постоянных сотрудников экспедиции. С. И. Руденко изучал Бузуновский и другие могильники скифского времени, а С. А. Теплоухов начал планомерные раскопки и исследование погребений эпохи бронзы и раннего железного века.

В 1921 г. С. И. Руденко приступил к палеоэтнологическим исследованиям в Челябинской и Кустанайской губерниях, а С. А. Теплоухов вместе со студентами М. П. Грязновым, Е. Р. Шнейдером и Е. А. Гуковским продолжил раскопки в Минусинском крае.

4.3. С. А. Теплоухов и развитие палеоэтнологического подхода в археологических исследованиях Сибири

Вклад Сергея Александровича Теплоухова (1888–1934) в становление отечественной археологии огромен, а судьба трагична. В сибирскую археологию он вошел как создатель первой классификации культур эпохи металла. Долгие годы имя репрессированного исследователя замалчивалось, о его жизни и деятельности известно было немного, а о гибели ходили только слухи.

Семейные научные традиции оказали существенное влияние на формирование Теплоухова-исследователя. Интерес к изучению археологии, этнологии, антропологии, в комплексе с естественной историей пришел к нему от деда и дяди. Все представители рода

Теплоуховых сделали карьеру благодаря своим личным способностям и огромному стремлению к знаниям. Их выдвигению не помешало крепостное положение семьи – они были уроженцами Пермской губернии, крепостными графов Строгановых.

Сергей Александрович Теплоухов родился 3 марта 1888 г. в семье окружного лесничего А. А. Теплоухова в селе Ильинском Пермского уезда Пермской губернии. Представители рода Теплоуховых внесли большой вклад в развитие отечественной науки. Традицией в семье было приобретение специальности ученого лесовода. Первым ученым в семье Теплоуховых стал дед Сергея Александровича – Александр Ефимович Теплоухов. После окончания Петербургской школы сельскохозяйственных наук он был отправлен Строгановыми для продолжения образова-

ния в Германию, где блестяще окончил курс Тарандтской лесной академии. Им было написано более 50 научных работ, произведена первая классификация лесов в России и создана структура управления лесами, сохранившаяся до наших дней. А. Е. Теплоухов стал одним из первых краеведов Пермского края. Он положил начало формированию семейной археологической коллекции, которая хранится сейчас в Пермском краеведческом музее. Шесть его работ посвящены археологии, две из которых опубликованы в Германии и Австрии. А. Е. Теплоухов впервые в русской археологии произвел классификацию орнаментов глиняной посуды. Он впервые открыл для науки и начал изучение древних культовых памятников Прикамья, получивших названия «костища». Его дело продолжили сыновья – Александр, окружной лесничий Пермского имения Строгановых, и особенно старший сын Федор, посвятивший изучению

природы и истории Пермского края всю свою жизнь [176, с. 162–167; 177, с. 170–177]. В области археологии Ф. А. Теплоухов продолжал исследовать своеобразные святилища железного века – Гаревское, Ильинское, Усть-Туйское, Панкрашихинское и другие «костища». В результате отец и сын – А. Е. и Ф. А. Теплоуховы проделали колоссальный труд по обработке и систематизации обнаруженного материала. Публикация результатов изысканий выявила особенности этого типа археологических памятников и активизировала дальнейшее их изучение. «Известный российский археолог А. А. Спицын предлагал даже выделить в первобытной истории Прикамья особый хронологический период, названный им «костищенским» (III–VI вв. н. э.)» [208, с. 3]. Ф. А. Теплоухов оставил после себя восемь работ по археологии Пермского края. До сих пор не потерял своего источниковедческого значения атлас рисунков «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых», изданный им в 1902 г. в Петербурге. Предисловие к нему написал А. А. Спицын, высоко оценивший труды Ф. А. Теплоухова: «... по богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место» [365, с. 15].

Сергей Александрович относится к третьему поколению Теплоуховых. В 1900 г. он поступил в Пермское реальное училище, которое в 1907 г. успешно окончил. В 1908 г., после благополучно сданных вступительных экзаменов, С. А. Теплоухов был зачислен в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Его первые исследования связаны с орнитологией, которой он занимался несколько лет до университета под руководством дяди Ф. А. Теплоухова. Однако, как его дед и дядя, Сергей Александрович начинает также увлекаться археологией. После получения зоологической специальности в 1912 г. он приобретает вторую специальность по антропологии и работает при кафедре географии и этнографии в Казанском университете под руководством профессора Б. Ф. Адлера, сторонника палеоэтнологических исследований. Б. Ф. Адлер был учеником крупнейшего русского ученого Д. Н. Анучина, который широко разработал принципы комплексного подхода в изучении таких дисциплин, как

археология, этнография, антропология, география. Бруно Фридрихович не только успешно усвоил, но передал эти принципы своим ученикам, в том числе и С. А. Теплоухову. Б. Ф. Адлер познакомил Теплоухова и с идеями Ф. Ратцеля, основоположника антропогеографии, под руководством которого в Лейпциге писал докторскую диссертацию.

Для антропологической работы С. А. Теплоухов выбирает проблему происхождения финнов. В начале XX в. А. М. Тальгрэн отказался от гипотезы Кастрена-Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры бронзового века и доказал, что бронзовые культуры севера Восточной Европы и Саяно-Алтая самостоятельны и резко отличаются друг от друга не только характером и видом могильных сооружений, но и типом утвари [435]. Профессор Н. Ф. Катанов отверг предположение Кастрена-Аспелина на основании анализа лингвистического материала. То есть к 1913 г. идея о Саяно-Алтайской прародине финнов на археологическом и лингвистическом материале не нашла подтверждения. С. А. Теплоухов хотел проверить эту гипотезу на антропологическом материале, тем более, что семейная коллекция древностей, собранная на Севере европейской России, была ему хорошо знакома и также причислялась к финским находкам. В 1913 г. он был направлен Казанским обществом естествоиспытателей в северо-западную Монголию, Урянхайский край (Тыва) для антропологического анализа и сбора краниологического и этнографического материала среди сойотов (тувинцев. – Л. К.). В результате обработки полученных данных молодой исследователь пришел к заключению, что сойоты стоят гораздо ближе к минусинским тюркам, монголам, чем к какой-либо из групп финских народностей. Из тувинской экспедиции С. А. Теплоухов привез ценные коллекции по этнографии и антропологии, которые составили гордость музея Казанского университета. Кроме удовлетворения научного интереса, эта поездка на лошадях через Минусинскую котловину в Туву поразила обилием и многообразием археологических памятников и бесповоротно определила судьбу и дальнейший характер научных работ С. А. Теплоухова.

Следующее лето 1914 г. Сергей Александрович провел на Среднем Урале, где исследовал памятники «торфяниковой» культуры. Его работоспособность и тщательный отбор материалов уже

тогда обращали на себя внимание старших коллег. Появились у него и небольшие заметки по результатам первых самостоятельных археологических работ [367, с. 17; 368, с. 21].

Успехи С. А. Теплоухова в научной деятельности были отмечены руководством Казанского университета. Он окончил обучение в 1914 г. с дипломом I-ой степени по двум специальностям: зоологии, а также географии и этнографии, и был оставлен для подготовки к профессорской деятельности на кафедре географии и этнографии Казанского университета. Такая подготовка требовала стажировки в столице, и С. А. Теплоухов был отправлен на 3 года в Петербургский университет, в котором занимался географией под руководством профессора П. И. Броунова, и антропологией под руководством профессора Ф. К. Волкова, создателя палеоэтнологической школы в Петербурге.

Обучение у Ф. К. Волкова намного расширило представления С. А. Теплоухова об антропологии. Через несколько лет Сергей Александрович писал: «Если антропологическая систематика рас базируется только на сравнительной анатомии рас, то классификация народностей ... основывается не только на физических особенностях отдельных народов, но также на данных языка, этнографии, как духовной, так и материальной». Круг интересов Теплоухова стал более обширным, его увлекали физическая, систематическая и доисторическая антропологии, он очень серьезно заинтересовался антропогеографией [177, с. 182]. По окончании стажировки в 1917 г. Теплоухов занял место ассистента при кафедре географии и этнографии Казанского университета, а также приобретал опыт преподавательской работы в Институте археологии и этнографии, действовавшем в Казани. В институте он был избран на должность доцента и читал курс антропологии.

В результате октябрьских событий 1917 г. и гражданской войны С. А. Теплоухов оказался сначала в Перми, затем в Томске. В томский период своей деятельности он предстает как сформировавшийся ученый, обладающий всесторонними знаниями и высоким интеллектом. С. А. Теплоухов не оставил теоретических трудов, но все его работы очень глубоки и насыщены по содержанию и дают некоторое, вероятно неполное, представление о его взглядах на древнюю эпоху Сибири.

Первоначально Сергей Александрович решает более тщательно проверить полученные в 1913 г. антропологические результаты. В своих личных записях исследователь отмечает: «... особенно меня интересовали ранние бронзовые культуры, и культуры, предшествующие бронзовой, т. е. того времени, к которому относили выселение финнов из Саяно-Алтайской области» [177, с. 184–185]. По его мнению, материальную культуру должны изучать «натуралисты», так как они лучше других специалистов владеют методами систематизации на практике, легче разбираются в материале вещей, могут определить физико-географические условия развития материальной культуры и в конечном итоге именно им «доступнее типологическая классификация предметов» [177, с. 185]. Предварительно С. А. Теплоухов знакомится с коллекциями Минусинского и Красноярского музеев, с работами своих предшественников, анализирует все наиболее важные публикации по археологии Сибири. Он видит тот огромный пробел – отсутствие «относительной хронологии доисторических культур», который существует в сибирской археологии. Реализация идеи создания классификации древних культур Минусинского края становится главной целью его исследований.

Для выполнения поставленной цели С. А. Теплоухов самостоятельно обследовал ряд стоянок в 1920 г. и выбрал для систематических раскопок район села Батени, участок площадью 6 x 12 км, расположенный в центре Минусинской котловины, на левом берегу Енисея. Разнообразие подъемного материала (керамика, каменные и металлические предметы, относящиеся к различным эпохам) на месте бывших стоянок и благоприятные природно-климатические условия района, пригодные для выпаса скота на «выдувах» даже зимой, определили выбор исследователя. Кроме того, С. А. Теплоухов полагал, что небольшой район исследования, усеянный разнообразными памятниками, обеспечит чистоту эксперимента, так как, по его мнению, «трудно установить относительную классификацию по раскопкам могил различных эпох, произведенным в различных районах». Он опасался, что «особенности местных вариаций затемняют наблюдаемую преемственность в устройстве могил и в некоторых бытовых предметах сменяющихся эпох» [372, с. 58]. Современных исследователей до сих пор удивляет правильность выбора

и разнообразие методических приемов, используемых С. А. Теплоуховым, особенно метода изучения локального района.

Уже первые два сезона исследований дали возможность С. А. Теплоухову разработать основу классификации культур эпохи металла. В научном мире она стала известна после публикаций в 1922 г. [369; 370]. Современные археологи знакомы с ней по более поздним работам [371; 372; 373]. Изыскания С. А. Теплоухова положили начало выделению и монографическому изучению культур Южной Сибири. Материалы экспедиций поступили в археологический музей Томского университета и значительно дополнили коллекции, собранные прежде в Минусинской котловине.

После разгрома армии Колчака и коренной реорганизации системы высшего образования в стране С. А. Теплоухов вслед за С. И. Руденко в 1922 г. переехал в Петроград. Здесь до 1929 г. он преподавал в университете и до ареста в 1933 г. трудился в этнографическом отделе Русского музея.

Разносторонние интересы С. А. Теплоухова, высокий интеллект и признание его заслуг в науке сделали его желанным членом многих обществ. Он был научным сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), состоял членом и принимал участие в работах Антропологического и Русского географического обществ (РГО) в Ленинграде, в обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Монгольской комиссии, Комиссии по изучению четвертичных отложений, Комиссии по изучению племенного состава России при АН СССР.

После переезда в Петроград (с 1924 г. – Ленинград) С. А. Теплоухов продолжал систематические исследования в Минусинском районе. Экспедиции финансировались Русским музеем, ГАИМК и ЛГУ. За 8 лет (1920–1921 гг., 1923–1928 гг.) научных изысканий он раскопал там более 150 погребений эпохи бронзы и раннего железного века, средневековья, несколько стоянок эпохи палеолита и стоянку андроновской культуры. Стоянки эпохи камня в Минусинской котловине им были раскопаны впервые, как и памятники ранней бронзы.

В 1924 г. АН СССР и Совнаркомом С. А. Теплоухов был направлен в Монголию в составе экспедиции П. К. Козлова. Перед Сергеем Александровичем были поставлены археологические зада-

чи, с которыми он великолепно справился. К его заслугам относятся раскопки одного из знаменитых курганов в Ноин-Уле. Детально исследовав памятник, он восстановил погребальный обряд и конструкцию могильных сооружений в Ноин-Улинских курганах и дал первое правильное их хронологическое определение (эпоха Хань). Вещевой комплекс С. А. Теплоухов связал с находками Ю. Д. Талько-Гринцевича в Забайкалье, также обнаружил им аналогии в Минусинской котловине и на Алтае, и таким образом расширил пределы распространения этой культуры от бассейна Амура до бассейна Оби.

В 1926–1927 гг. и в 1929 г. С. А. Теплоухов руководил экспедицией АН СССР в Танну-Тувинскую республику. Он предпринял обширные исследования, выявил и изучил многочисленные памятники разных эпох. Всего в течение трех лет им было исследовано около 180 памятников в более чем 20 пунктах. С. А. Теплоухов придавал большое значение тувинским находкам. Тува расположена к югу от Саянских гор, по которым проходит физико-географическая граница между Северной и Центральной Азией. Изучение ее памятников он считал крайне важным для понимания культурных влияний Центральной Азии на Северную, а также выяснения этнических процессов, происходящих здесь в эпоху палеометалла. По мнению исследователя, в продолжение весьма длительного времени культуры, развивавшиеся в Туве, имели некоторое отличие от культур Минусинской котловины и экономически были теснее связаны с культурами открытых степей Монголии. Одной из целей исследования в Туве была систематизация и классификация археологических памятников и культур. С. А. Теплоухову удалось выделить шесть типов памятников, которые принадлежали шести культурам эпохи металла. Классификация должна была им разрабатываться дальше, уточняться и дополняться [18, с. 14–16].

Главным делом жизни С. А. Теплоухова, конечно, было создание классификации культур Южной Сибири. Культурно-хронологическая схема археологических памятников на Енисее, впервые опубликованная С.А. Теплоуховым в 1922 г., получила окончательное оформление в работе «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края» [373]. Работа над данной пе-

риодизацией продолжалась в течение десяти лет. Значение ее трудно переоценить. Правильно выбранное место раскопок, верно разработанная методика классификации, интуиция и глубокий анализ материала позволили С. А. Теплоухову создать такую схему развития культур, основные положения которой верны до сих пор. Большинство обнаруженных и исследованных С. А. Теплоуховым памятников принадлежало культурам бронзового и раннего железного века, поэтому и классификация культур этого времени получилась более обоснованная и жизнеспособная. Классификация памятников средневековья дана более схематично и подверглась большим изменениям.

На наш взгляд, в отечественной историографии утвердилась не совсем правильная трактовка выделенных С. А. Теплоуховым хронологических групп памятников. Вслед за высказыванием М. П. Грязнова принято считать, что исследователь «разделил памятники Минусинских степей на 12 хронологических групп, которые соответствовали 12 последовательно сменявшим одна другую культурам или ступеням» [97, с. 73]. Если строго придерживаться классификации С. А. Теплоухова, то археологические памятники Минусинских степей были разделены им на 13 хронологических групп, при этом не каждая группа «тянула» на археологическую культуру.

1. Самая древняя палеометаллическая культура названа С. А. Теплоуховым **Афанасьевской** по имени горы близ с. Батени, где впервые был обнаружен могильник этой культуры. Захоронения производились в грунтовых ямах. Умерший лежал в скорченном положении на боку, головой был ориентирован на юго-запад. Надмогильные каменные насыпи сохранились лишь изредка в виде уплощенного круга камней, едва выступающих над поверхностью степи. По мнению С. А. Теплоухова, определяющими элементами немногочисленного погребального инвентаря являлись глиняные сосуды, в основном остродонные яйцевидной формы (плоскодонных сосудов обнаружено немного), покрытые сплошь грубым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом, резьбой и лепкой. Наряду с каменными орудиями появились медные изделия, что дало возможность С. А. Теплоухову отнести афанасьевскую культуру к эпохе энеолита. Об энеолите свидетельствовало и сочетание двух

форм хозяйства: охоты и скотоводства. Основными чертами физического типа погребенных являлись длинноголовость, узкое лицо и горбатый нос, что отличало их от современного населения как Минусинского края, так и прилегающих к нему районов Азии. Происхождение этой культуры С. А. Теплоухов связывал с иранским миром, а следы ее существования видел в находках на Алтае и под Семипалатинском. К востоку от бассейна Енисея и югу от Саянских гор исследователь не находил подтверждений существования афанасьевской культуры [373, с. 42–43].

2. Следующая культура, **Андроновская**, получила свое название по имени д. Андроновой в Ачинском округе, где в 1914 г. директор Красноярского музея А. Я. Тугаринов и член Красноярского подотдела РГО С. М. Сергеев провели раскопки могильника и собрали коллекцию оригинальных находок, в том числе глиняной посуды [384, с. 153–158]. С. А. Теплоухов, используя их находки и материалы собственных раскопок в районе с. Батени, выделил самостоятельную культуру. Андроновские надмогильные сооружения представляют собой небольшие земляные насыпи, окруженные нередко оградкой из камней. Стенки могил обычно были укреплены каменными плитами или деревянным срубом. Скелет лежал на дне в скорченном положении, на боку, ориентирован с юго-запада на северо-восток. Из погребального инвентаря особо выделялись плоскодонные глиняные сосуды двух типов: 1. Грубо сделанные баночные сосуды, иногда сплошь покрытые ямочным, гребенчатым и резным орнаментом. 2. Хорошо профилированные горшковидные сосуды, украшенные геометрическим орнаментом. Сосуды второго типа С. А. Теплоухов считал определяющим элементом андроновской культуры. Основными отраслями хозяйства андроновцев являлись развитое скотоводство и бронзолитейное производство. Сформировалась андроновская культура, по мнению автора периодизации, в первой половине II тыс. до н. э. в степных районах Западной Сибири и Казахстана. Минусинский край явился восточным пределом ее распространения. Теплоухов отметил ее синхронность хвалынской, срубной и другим, сходным с нею культурам европейской части страны: «Все они территориально связаны с областью сплошных степей от Карпат до Монголии и развивались, должно быть, под влиянием южных культурных течений». Физический тип

андроновцев отличался как от предшествующих афанасьевцев, так и представителей последующих культур: карасукской и минусинской курганной [373, с. 43–44].

3. **Карасукская** культура получила свое название по р. Карасук, левому притоку Енисея у с. Батени. Погребальные памятники этой культуры представляли собой кольцевидные или четырехугольные оградки из мелких плиток. Оградки часто примыкали друг к другу, четырехугольные были ориентированы по сторонам света. В центре оградки находилась могильная яма, прикрытая сверху и облицованная по стенам плитами. Умершего хоронили на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Погребальный инвентарь составляли круглодонные сосуды, украшенные желобчатым или резным геометрическим орнаментом, бронзовые коленчатые и кривые ножи, лапчатые подвески, височные кольца. С. А. Теплоухов предполагал, что карасукская культура сформировалась в Минусинском крае около I тыс. до н. э. под влиянием культуры, зародившейся вероятно в пределах современного Китая. Подтверждение центральноазиатскому происхождению карасукской культуры исследователь видел в аналогичных бронзовых изделиях (ножах, кинжалах, лапчатых подвесках, украшениях), обнаруженных в Туве, Забайкалье, Китае. Как и в предшествующий этап развития, скотоводство, особенно овцеводство, являлось основой экономического благосостояния населения [373, с. 44–45].

Минусинская курганная культура получила свое название по месту распространения – Минусинской котловине, где многочисленные курганы, группирующиеся в могильники, занимают обширнейшие территории, что свидетельствовало, по мнению С. А. Теплоухова, о большой населенности края в рассматриваемую эпоху. Оригинальная и мощная, она появилась в начале I тыс. до н. э. [373, с. 45]. В современной науке за этой культурой утвердилось другое наименование, данное ей С. В. Киселевым, – **Тагарская** [138], по названию острова, где А. В. Адриановым были проведены первые раскопки памятников. Для минусинской культуры характерны земляные курганы, окруженные прямоугольными оградами из толстых плит, поставленных на ребро. По углам оград ставились высокие камни. Физический тип населения в основных чертах оставался сходным с физическим типом афанасьевцев и карасукцев. На основе различий в расположении курганов, в устройстве надмо-

гильных сооружений, в характере погребений, а также отличия в погребальном инвентаре С. А. Теплоухов выделил четыре хронологических этапа минусинской курганной культуры [373, с. 46–50].

4. Первому этапу присущи невысокие надмогильные насыпи с квадратной или прямоугольной оградкой, по углам и боковым сторонам которой поставлены высокие камни. В могильных ямах устраивалась прямоугольная погребальная камера из вертикально поставленных плит или сруба из бревен. Дном камеры являлся грунт, а сверху она покрывалась настилом из бревен или плитами, затем засыпалась плитняком, галькой и, наконец, землей. В могиле хоронили одного или несколько покойников – в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов, оружия и украшений. Основной формой сосудов были баночные, со слегка расширяющимися кверху стенками с утолщенным и скошенным наружу венчиком, кроме того, встречались чашки, корчаги, кубки и другие формы. Орнамент небогатый: верхний край сосудов украшался желобками, «жемчужинами» или резными штрихами. При мужских скелетах обнаружены бронзовые ножи, кинжалы, наконечники стрел, секиры (клевцы. – Л. К.); при женских – кожаные мешочки, расшитые сухожильными нитками и содержащие ножи, шилья, иглы, пучки сухожильных ниток. Из украшений в первую очередь распространены полусферические бляшки, биконические бронзовые, а также стеклянные, каменные и пастовые бусы. Зеркала, находящиеся иногда в меховых футлярах, являлись неотъемлемой принадлежностью как мужских, так и женских захоронений.

5. На втором этапе произошли незначительные изменения в устройстве надмогильных сооружений и погребальном инвентаре. Курганы второго этапа, согласно классификации С. А. Теплоухова, крупнее и располагаются реже на могильном поле, чем курганы первого этапа. Деревянные погребальные камеры также были больших размеров, содержали десятки погребенных и покрывались двойным рядом бревен и берестой. Нередки случаи вторичных захоронений. Глиняные сосуды в основном были не орнаментированы, со скошенным внутрь венчиком. Многие предметы (зеркала, шилья, клевцы) изготавливались в уменьшенном размере и потеряли свое практическое назначение. Отличительной чертой второго этапа являлось бурное развитие звериного стиля. Его происхождение

ние С. А. Теплоухов связывал не только с первым этапом минусинской курганной культуры, но и с карасукской. В конце второго этапа С. А. Теплоухов отмечает появление бронзовых котлов на полой ножке с двумя ручками, аналогии которым находятся по всем степям Евразии. В целом сходные черты в инвентаре и стиле украшений предметов минусинской, скифской и ананьинской культур дали возможность исследователю датировать начало второго этапа не позже чем VI в. до н. э.

6. Третьему этапу свойственны одиноко стоящие в степях курганы с крупными насыпями, с большим количеством высоких камней вокруг основания и обширной погребальной камерой из дерева, содержащей десятки скелетов. Зарождается обычай кремации мертвых, чаще всего в самой камере (стенки сильно обуглены). Для погребального инвентаря характерны глиняные сосуды, имитирующие большие бронзовые котлы, миниатюрные «сакральные» бронзовые кинжалы, ножи, клевцы, зеркала, пробойники. На третьем этапе, как считал С. А. Теплоухов, последовало распространение курганной культуры за пределы Минусинской котловины, о чем указывало наличие земляных высоких курганов с идентичным погребальным обрядом и инвентарем в Красноярском, Ачинском и Мариинском округах [373, с. 48]. К концу этого этапа появились железные предметы: клевцы, кинжалы, ножи, копирующие бронзовые. Отличия наблюдаются и в зверином стиле. Украшения изготовлены еще скульптурно, но в основном рельефны только с одной стороны. Глаза животных стали изображаться выпукло. Возник новый мотив в искусстве мелкой пластики: противопоставление животных или их голов друг другу [373, с. 49].

7. Огромные курганы четвертого этапа имели схожие черты внешнего и внутреннего устройства с курганами третьего этапа. Однако их погребальный инвентарь отличался появлением железных изделий сакрального значения и гипсовых масок. Завершается развитие минусинской курганной культуры в начале I тыс. н. э., когда в Центральной Азии наступает эпоха переселения народов. С. А. Теплоухов сделал предположение о том, что с курганами четвертого этапа соседствуют могилы следующего переходного этапа [373, с. 49–50].

8. Могилы **Таштыкского переходного этапа** (свое название этап получил по речке Таштык у с. Батени) группируются в мо-

гильные поля и едва заметны на поверхности. На северо-востоке от могильного поля располагается длинный ряд высоких камней, ориентированный с ССЗ на ЮЮВ. Так же, как в минусинской культуре погребальные камеры изготавливались из бревен и досок, а пол порой покрывался плахами или покойника клали на бересту. Внутри камеры находилось от одного до трех скелетов, в вытянутом положении, на спине, ориентированных чаще всего головой на юго-запад. С. А. Теплоуховым были обнаружены следы сожжения и двухактных погребений. Новыми чертами в погребальном обряде стали мумификация трупов и наложение на их лица гипсовых масок. Глиняные сосуды по форме и по технике исполнения практически ничем не отличаются от предшествующих периодов, но появились новые мотивы орнамента – арки, спирали, выполненные резным или накладным способом [373, с. 50–51].

9. К следующему этапу по классификации С. А. Теплоухова относятся своеобразные **могилы с бюстовыми масками**, датируемые им III–IV вв. н. э. Исследователь отмечал впервые появляющиеся в Минусинском крае надмогильные насыпи из камня. Обычно под такой насыпью находилась погребальная камера из толстых бревен с полом из коры, покрытая сверху также бревнами и корой. В камере у стенок было обнаружено большое количество жженных костей человека, собранных в кучки, а рядом с ними находились бюстовые маски, которые в отличие от предшествующего этапа лепились произвольно. Бюстовые маски, по замечанию С. А. Теплоухова, характеризуют другой физический тип погребенных. Они имели «широкое, иногда плоское лицо, широкий нос, часто с весьма низким переносьем». Кроме того, появляются новые формы сосудов с накладным орнаментом в виде спирали, а также сосуды отличаются по тесту и технике изготовления. С. А. Теплоухов приходит к выводу, что население края в тот период не представляло собой более или менее однородного типа ни в этническом, ни в антропологическом отношении и принадлежало к смешанному типу [373, с. 51, 54].

10. **Десятый** культурный этап, тесно связанный с предшествующим, представляют могильники под названием «**чаа-тас**» (чаа-тас – букв. «камень войны», хакасское название родовых могильников енисейских кыргызов). Для них типичны невысокие круглые насыпи из камня, окруженные высокими камнями. Редки погребе-

ния покойников в неглубоких четырехугольных ямах, чаще хоронили только мелкие жженные кости. Среди погребального инвентаря выделяются высокие узкогорлые сосуды с полосами выдавленного орнамента, изготовленные на гончарном круге из хорошо отмученной глины. С. А. Теплоухов датировал могильники «чаа-тас» V–VII вв. н. э. Он считал, что в Минусинском крае в это время более или менее прочно обосновались кыргызы [373, с. 54–55].

11. С покорением енисейских кыргызов тюрками в VII в. С. А. Теплоухов связывал наступление **нового** этапа. Археологически он характеризуется единичными могилами с высокой каменной насыпью. В грунтовой могиле, обнаруженной С. А. Теплоуховым в седловине на р. Таштык, находился скелет человека, лежащий на спине, ориентированный головой на северо-запад, а рядом с ним, в юго-западной части ямы, покоился скелет лошади. Погребальный инвентарь состоял из железных трехлопастных наконечников стрел, железных и бронзовых пряжек с язычком, костяных орнаментированных накладок на колчан, железных стремян и др. Погребение с конем свойственно кочевникам и явилось новым типом могил для Минусинского края. С. А. Теплоухов предположил, «что описанная могила принадлежит представителю алтайских турков (тюрков. – Л. К.), появившихся в VII в. в Минусинском крае» [373, с. 55].

12. Грунтовые могилы **двенадцатого** этапа сгруппированы в могильники и прикрыты небольшими каменными насыпями. В могилах обнаружены как погребения с конем, так и без коня. Погребальный инвентарь представлен как старыми формами, так и новыми, в том числе железными и костяными пряжками, застежками от упряжи или пут, медными обкладками сосудов, железными теслами и удилами, а также некоторыми украшениями китайского происхождения. Каменные изваяния этого времени изображают подпоясанных мужчин, держащих в руках сосуд. Археологические памятники этого этапа С. А. Теплоухов соотносил с бурной историей Южной Сибири: с покорением енисейских кыргызов уйгурами в VIII в., а затем возвышением кыргызов в IX–X вв. [373, с. 55].

13. К **последнему** этапу (XI–XII вв.), выделенному С. А. Теплоуховым, принадлежал могильник на Сарагашинском спуске, недалеко от с. Батени. «Под плитами в грунтовых ямах, иногда в обкладке из тонких досок, находились одиночные скелеты, положен-

ные на спину». Из погребального инвентаря С. А. Теплоухов особо выделил железные свистящие наконечники стрел и железные удила с большими кольцами [373, с. 58].

Более поздних погребений в Минусинских степях С. А. Теплоухов не обнаружил, но сделал предположение, «что если и устраивались погребения покойников в земле, то над могилами не делали насыпей, могущих сохраниться до нашего времени». Подтверждением этого послужили раскопанные С. А. Теплоуховым в 1927 г. под Красноярском 3 богатые могилы, датированные им XII–XIV вв. В Туве он исследовал могилы XVII–XVIII вв. Поэтому считал, что, «принимая во внимание все произведенные на Енисее палеоэтнологические исследования, намечается полная схема смены культур, начиная с эпохи древнего камня до современных» [373, с. 58].

Для создания культурно-хронологической периодизации эпохи металла в Минусинском крае С. А. Теплоухов взял за основу погребения, так как материал с дюнных стоянок был сильно развеян и перемешан, хотя, по возможности, исследователь старался учитывать и его. Тем не менее чаще всего именно погребальный инвентарь давал возможность «расшифровать» основное количество дюнных находок. При ясном понимании С. А. Теплоуховым того, что «... погребальный инвентарь какой-либо эпохи не исчерпывает всей соответствующей материальной культуры», он, однако, считал его «... одним из главных элементов при установлении руководящих форм отдельных культур и этапов» [372, с. 61].

Работая над классификацией культур, С. А. Теплоухов пользуется терминами «культура» и «этап», иногда взаимозаменяя их. Его понимание этих терминов и вызвало дискуссию среди исследователей [32, с. 133–134; 47, с. 16–17; 34, с. 71]. Термин «культура» Сергей Александрович использует как «классификационную единицу», ее подразделение называет «этапом» [372, с. 61]. Под археологической культурой С. А. Теплоухов прежде всего понимал материальную культуру, с помощью которой можно охарактеризовать определенную эпоху в истории развития древних обществ. Главными критериями выделения археологической культуры для С. А. Теплоухова явились конструкции могильных сооружений и связанные с ними комплексы погребального инвентаря [373, с. 42]. С. А. Теплоухов указывал: «... более определенно мы можем говорить о «культурах», ... когда имеем дело не с отдельными разрозненными на-

ходками и фактами, а с целым комплексом предметов, найденных в одном месте [374, стб. 405]. Ученый, выявив особые типы могил, именно благодаря тщательному анализу содержащихся в них предметов, связал погребальные памятники во времени в последовательные ряды. Особую роль при выделении археологической культуры С. А. Теплоухов придавал формам и орнаментам глиняных сосудов. Как справедливо отметил В. В. Бобров, керамика в классификации С. А. Теплоухова имела «диагностирующее значение» [34, с. 71]. Систематизируя типы погребальных памятников на определенной территории, он учитывал антропологический тип древнего населения, оставившего их, т. е. антропологический тип древнего населения также являлся основным критерием для выделения археологической культуры.

Обнаружив некоторую преемственность в погребальном обряде и выявив общий антропологический тип населения на протяжении всей эпохи бронзы, «близкий к иранцам», С. А. Теплоухов [372, с. 57] сделал предположение о единой бронзовой культуре в Минусинском крае, прошедшей ряд этапов. Это было предположение, требующее проверки, и сам исследователь неоднократно на это указывал. В 1922 г. С. А. Теплоухов отмечал, что вместо термина «культура» для первых четырех культур термин «культурный этап» может быть вернее, так как рассматриваемые могильники могут принадлежать, по-видимому, одной и той же народности, но по времени различным эпохам [369, с. 28]. То есть первоначально С. А. Теплоухов предполагал, что первые 4 культуры развивались автохтонно. Чуть позже он с сомнением писал: «... было бы, быть может, более справедливо считать всю минусинскую бронзу единой культурой, так как выделенные культурные этапы преемственно связаны между собой, тем более, что и физический тип населения был, по-видимому, однороден в своей массе. Однако некоторая осторожность заставляет меня пока воздержаться от такого обобщения. Ранние этапы бронзовой культуры, по-видимому, были распространены на более широкой территории, и поэтому пока не будут установлены вне пределов Минусинского края – в Западной Сибири и на Востоке – существенные местные отличия, до тех пор, мне кажется, нельзя говорить с полной уверенностью об однородности или обособленности минусинской бронзовой культуры целиком» [372, с. 61–62]. На наш взгляд, к моменту написания послед-

ней работы, посвященной классификации культур [373], у С. А. Теплоухова было еще больше оснований сомневаться в единой бронзовой культуре в Минусинском крае. Появились новые археологические материалы с соседних территорий, добытые раскопками С. А. Теплоухова в Туве, С. И. Руденко и М. П. Грязнова на Алтае. Более глубокое изучение антропологических источников из Минусинского района также дало возможность исследователю говорить о различных археологических культурах эпохи бронзы. Если в начале 1920 гг. Теплоухов отмечал единый европеоидный антропологический тип населения для всех культур эпохи бронзы, то в конце 1920-х гг. на большем антропологическом материале он указывал на существование локальных отличий физического типа населения. Это ясно видно при сравнении его ранних записей с последним вариантом работы. Первоначальные суждения: «... что касается физического типа различных культур, то насколько позволяет судить добытый и известный краниологический материал, он сохраняет везде черты большого сходства определенного типа, начиная с неолитического времени и кончая поздней бронзой. Отсюда можно сделать заключение, что население Минусинского края, быть может, автохтонное, жило, по-видимому, вопреки сбивчивым китайским летописям долгое время без влияния какой-либо крови на физический тип со стороны других народностей. Только, по-видимому, в железный век здесь появляются пришлые народности» [177, с. 187]. В работе «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края» [373] С. А. Теплоухов, сравнивая антропологический тип населения эпохи бронзы, приходит к выводу: «Физический вид погребенных (андроновской культуры. – Л. К.), судя по черепам, обнаруживает некоторые отличия от типа населения, как предшествующей афанасьевской, так и последующих, более поздних эпох: карасукской и минусинской курганной» [373, с. 44]. А так как антропологический тип населения С. А. Теплоухов считал одним из признаков археологической культуры, то, в отличие от ранних работ [369; 372], термин «культурный этап» для культур эпохи бронзы он не употребляет. «Культурный этап» является для С. А. Теплоухова составляющей культуры, и единая бронзовая культура не может уже объединять отдельные этапы с разным антропологическим типом населения. Сложнее дело обстояло со средневековыми памятниками. Их было раскопано недостаточно

для того, чтобы с полным основанием можно было выделить культуры, поэтому С. А. Теплоухов только наметил отдельные культурные этапы, где средневековые материалы обрели относительную хронологию и этническую привязку. Как указывалось выше, в целом в классификации С. А. Теплоухова выделено 13 культурных этапов и культур.

Имея основательную подготовку в области естественных наук, являясь сторонником палеоэтнологических концепций, С. А. Теплоухов постепенно направил свои научные интересы на изучение человека и среды, в которой развивалась материальная культура. Палеоэтнология, по мнению ученого, изучала доисторическое прошлое человечества. В ее состав входили археология, этнография и антропология. Каждый из разделов имел свои цели и объект исследования, предметом исследования у всех трех наук был человек. Только с помощью комплексных палеоэтнологических исследований в Азии, считал С. А. Теплоухов, можно решить «... такие основные вопросы, как происхождение человека, переселение народов, возникновение и распространение тех или иных культур и культурных влияний, их смену» [373, с. 41].

Как ученого натуралиста и географа внимание С. А. Теплоухова привлекала разнообразная ландшафтная зона Минусинского края. Он рассматривал этот район как контактный и считал его изучение «ключом к пониманию древних культур всей Северной Азии» [373, с. 41–42]. Большое значение исследователь придавал природным условиям, в которых развивались первобытные культуры. В Минусинском крае он отмечал наличие очень благоприятных сырьевых ресурсов: «Обильные зверем и птицей уголья, прекрасные пастбища, плодородные почвы, ... богатые металлические рудники» [372, с. 57]. Так, раннее развитие бронзовой культуры на юге в Минусинском крае С. А. Теплоухов объяснял наличием больших запасов руды. Он считал, что в Южной Сибири «... человек скоро перешел от камня к культурам палеометалла и поэтому не выработал высокого искусства шлифовки каменных орудий, тогда как живущие на севере народности из-за недостатка металла чуть не до исторических времен жили с каменной культурой, развивая непрерывно шлифовальное искусство и специфическую неолитическую керамику» [177, с. 189]. Увлекаясь со студенческих лет антропогеографией, С. А. Теплоухов неоднократно подчеркивает определяю-

щее значение географической среды на развитие исторического процесса в целом и древнего общества в частности. Во-первых, он полагал, что необычайное разнообразие окружающей среды в Минусинской котловине гарантировало население от тяжелых последствий колебаний климата. Во-вторых, С. А. Теплоухов считал, что «горы и леса, хорошо знакомые местному населению, не являлись непреодолимым препятствием для частичной иммиграции в минусинскую котловину отдельных элементов культуры и для сношения минусинцев с окружающим миром». Тем не менее исследователь предполагал, что в ранние эпохи естественные границы были труднопреодолимы для «массовых переселений народов и проникновения чуждых культур целиком» [372, с. 57]. В-третьих, ученый рассматривал древнего человека составляющей частью природы и отмечал влияние природных факторов на формирование стратификации общества. В-четвертых, в контексте идей антропогеографии С. А. Теплоухов определял и причины миграций. В обнаруженных нами архивных материалах есть следующие строки: «В то время как за Саянами, в изолированной природными условиями Минусинской котловине, развивается, как на острове, богатая культура поздней бронзы с коллективным строем (культура, быть может, «динлинов» китайских летописей), в степных районах Средней Азии (включая и внешнюю Монголию) мы видим иную картину. Народности, жившие в степях, взяли на себя, по-видимому, роль посредников в меновой торговле между южными цивилизованными странами, владевшими металлическими изделиями, и народностями лесов Северной Азии, доставлявшими пушнину. Богатство, а затем и власть, сосредоточились у отдельных лиц; так возникло, должно быть, ханское родовое управление у степных кочевников, наводнявших беспрерывно, в продолжение тысячелетия Европу, и разносивших на громадную территорию многие предметы быта. Есть некоторые основания предполагать, что причинами миграции народов были периодические изменения в климатических условиях Азии» [177, с. 190]. Иногда среди археологов бытует мнение, что если работа не опубликована, то, возможно, автор считал свои идеи «не оформившимися», «сырыми». Мы не можем сказать подобного про суждения С. А. Теплоухова. Он и в опубликованных статьях отмечал, что «... в благоприятных условиях Европы детализировались те культурно-исторические процессы, которые, возникая в

Азии, в зависимости, по-видимому, от изменений физико-географических условий, охватывали громадные пространства всего обширного материка» [373, с. 41]. Согласно этому тезису, развитие степных племен Европы и Азии ученый рассматривал как единый исторический процесс, оставляя первенство в развитии культуры за Азией. Область проживания отдельных этносов С. А. Теплоухов ставил в зависимость от географических границ района: «С естественно-историческими районами совпадают и культурно-бытовые зоны. Как бы ни были велики колебания этнических границ в различные моменты жизни народов Северной и Центральной Азии, они всегда, в конце концов, останавливались на географических границах» [373, с. 41–42].

Анализируя взгляды С. А. Теплоухова, отечественные археологи называют его эволюционистом. А. И. Мартынов считает, что он стоял на позициях прогрессивного эволюционизма [220, с. 201], Ю. Г. Белокобыльский также без сомнений записывает его в последовательные эволюционисты [32, с. 144–145]. В. И. Матющенко справедливо отмечал, что при построении классификации на начальном этапе познавательной работы идея эволюции культур была просто неизбежна, «... когда сознательно исключаются из процесса познания все явления, осложняющие картину исторического процесса, приглушая и сглаживая основную, генеральную линию» [225, с. 114–115]. Как было отмечено выше, палеоэтнологические исследования не только не были противоположны изысканиям эволюционистов, но и являлись их составляющей. Однако палеоэтнологические воззрения были намного шире и глубже эволюционной методологии. Более того, в начале XX в. в российской науке чистый эволюционизм уже изжил себя, слишком просто он объяснял все изменения. С. А. Теплоухов не рассматривал развитие общества только как однолинейный поступательный процесс. Эволюционно-палеоэтнологические концепции С. А. Теплоухова связаны с идеей единства человеческого рода, с взглядами на историю как непрерывный, в целом прогрессивный процесс развития общества. Но из этого вовсе не следует принятие им позиции, что общество и культура могут развиваться автоматически без внешних стимулов, не прерывая своего развития в конкретном частном случае. Поэтому трудно согласиться с выводом Ю. Г. Белокобыльского о том, что С. А. Теплоухов поддерживал идею В. В. Радлова о единой мину-

синской культуре эпохи бронзы, а выделенные им афанасьевская, андроновская, карасукская, минусинская курганная культуры и таштыкский этап нужно воспринимать как этапы в ее развитии [32, с. 149]. Само развитие эпохи бронзы в Минусинском крае начинается, по мнению ученого, с проникновением сюда из «иранского мира» афанасьевской культуры. Андроновская культура, с одной стороны, имеет преемственность в погребальном обряде и инвентаре с предшествующей афанасьевской, а с другой стороны, отличается от нее как по погребальному обряду и инвентарю (отмечено при выделении культуры особое значение керамики – хорошо профилированных горшковидных сосудов, украшенных геометрическим орнаментом), так и по антропологическому типу населения. Теплоухов прослеживает связи андроновской культуры с сейминской, хвалынской и срубной культурами, которые сложились под влиянием южных традиций [373, с. 43]. Носители же карасукской культуры, по мнению исследователя, имели общий антропологический тип с носителями афанасьевской и последующей курганной культурами, но карасукская культура появилась в Минусинском крае с юго-востока и, как предполагал С. А. Теплоухов, испытывала центрально-азиатское и китайское влияние. Она не выходила к западу от Енисея за пределы меридианов Томска [373, с. 44]. Ученый отмечал, что и андроновская, и минусинская курганная культуры развиваются параллельно с культурами открытых степей Евразии в русле единого исторического процесса [373, с. 43, с. 45]. Такое развитие культур эпохи бронзы не исключает их самобытности и самостоятельности. Признание преемственности в развитии культур в целом характерно для взглядов сибирских исследователей, и оно основано на эволюционизме. Тем не менее при анализе развития культур в Минусинском крае С. А. Теплоухов учитывал влияние извне из разных центров, прерывистость в развитии единого антропологического типа населения, и эти взгляды не укладываются в рамки только последовательного эволюционизма. Исследователь признавал влияние миграционных процессов на смену культур в начале I тыс. н. э., а также воздействие на местные культуры других культур через торговые контакты [373, с. 49–50]. С. А. Теплоухов видел появление новых элементов в обряде погребения в период раннего средневековья вследствие военных контактов и покорения одного этноса другим [373, с. 55]. Признавая неравномерность раз-

вития обществ во времени на отдельных территориях как разных ступеней их эволюции, он не отрицал идеи диффузионистов о разнообразии развития локальных культур. Ученый использовал в своей работе термин, заимствованный у сторонников культурно-исторической школы. Речь идет о «восточном культурном круге» [373, с. 44].

С. А. Теплоухов взял все позитивные моменты из теории археологической науки того времени. Свои построения по первобытной истории он основывал на комплексных палеоэтнологических исследованиях, используя данные многих естественных наук для интерпретации археологических источников. С помощью эволюционной теории без абсолютизации постепенного поступательного развития С. А. Теплоухов смог установить схему смены одной археологической культуры другой более развитой, не отрицая влияния извне, контактов с соседними территориями и миграционных процессов, всегда учитывая географическое положение изучаемого района и природно-климатическое воздействие на историю и культуру древних жителей края.

Идей палеоэтнологии он придерживался и после ареста своего друга и старшего товарища С. И. Руденко, под руководством которого работал в этнографическом отделе Русского музея [182]. Летом 1930 г. в Русском музее была организована дискуссия о роли С. И. Руденко в этнографии и влиянии на работу музея. В этой дискуссии, длившейся в течение 1931–1932 гг., руководство музея пыталось принудить коллектив этнографического отдела к критике взглядов и деятельности С. И. Руденко и его учителя Ф. К. Волкова, а также разоблачению первого как врага народа. Каждому сотруднику давалась отдельная работа С. И. Руденко, на примере которой он и должен был развенчать взгляды бывшего заведующего на одном из заседаний методологического совещания этнографического отдела музея. С. А. Теплоухов, как и некоторые другие, сопротивлялся этому и в результате попал в списки защитников, ему не давали возможности открыть палеоэтнологическую выставку в музее, которую он считал итогом своей 10-летней научной деятельности в Минусинском крае и соседних регионах. Только одобрение выставки наркомом просвещения РСФСР А. С. Бубновым спасло ее от закрытия [182]. Методическая разработка к выставке дополняет наши представления о взглядах С. А. Теплоухова. Так, например, в по-

строенной им экспозиции были проведены этнокультурные связи между археологическими материалами Ноин-Улы и «бытовыми коллекциями» бурят и монголов из фондов музея.

К сожалению, в 1933 г. С. А. Теплоухов был репрессирован, а о его идеях забыли на несколько десятилетий. А ведь «культурно-бытовые зоны» Теплоухова были предвестниками понятия «хозяйственно-культурные типы» [207, с. 3–17]. Многолетние археологические исследования Д. Г. Савинова на территории Минусинской котловины не только убедили в правильности предположений С. А. Теплоухова о зависимости развития археологических культур от природно-климатических условий, но и привели к постановке и решению проблемы взаимосвязи географических особенностей отдельного региона и процессов культурогенеза, происходивших на его территории. В результате Д. Г. Савинов предложил новое понятие «культурно-экологическая область» [331, с. 5–6; 332, с. 213–215]. «Экологический» подход С. А. Теплоухова дал импульс для комплексного изучения экологии и культуры раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири [334, с. 5; 332, с. 211–225].

Итак, к началу 1930-х гг. С. А. Теплоухов был лучшим знатком археологии Сибири. Итогом его палеоэтнологических исследований стало получение очень ценных результатов для всей сибирской археологии: 1) открыты неизвестные для этого района памятники раннего бронзового века; 2) в результате раскопок более 400 погребений были выделены 13 культурно-исторических этапов для Минусинского района и 6 этапов – для Тувы; 3) определена последовательность и намечена хронология этих этапов; 4) установлены взаимосвязи между этапами и влияние на них со стороны ближних и дальних соседей; 5) в ряде культур и культурно-исторических этапов выявлен антропологический тип населения. Таким образом, была создана классификация древних культур Минусинского края эпохи металла, которой и сегодня пользуются сибирские археологи. Она стала основой для создания классификаций соседних регионов. Классификация культур эпохи металла Тувы требовала доработки и опубликована не была.

К сожалению, Сергей Александрович не успел написать крупных трудов, тем не менее его небольшие по сегодняшним меркам работы заставляют отечественных исследователей до сих пор гово-

речь о них. У С. А. Теплоухова была редкая способность, в одну короткую фразу, небольшой тезис вложить глубокий смысл, что дает пищу для размышлений современным археологам. С. А. Теплоухов был ученым высокого интеллекта и глубоких знаний. Он блестяще использовал междисциплинарные исследования, столь популярные сегодня. Результаты его научных исследований ожидают еще долгое существование. Безмерно жаль, что его жизнь оборвалась на взлете научной деятельности, он смог бы сделать еще так много.

4.4. Иркутская школа археологии

Иркутск в 1920-е гг. представлял собой крупный этнографический центр. В университете работали известные профессора – М. К. Азадовский, Г. С. Виноградов, Н. Н. Козьмин, лингвист П. Я. Черных, географ К. Н. Миротворцев [341, с. 67–68].

Создание иркутской археологической школы связано с именем известного палеоэтнолога, сотрудника МАЭ Б. Э. Петри.

Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937) – создатель научной школы в Иркутске, происходил из шведского рода Олая Петри (XVI в.). Его дед Юлиус являлся управляющим крупнейших имений русской знати, в том числе поместий княгини Вяземской.

Отец, Эдуард Юльевич Петри (1854–1899), учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, но был отчислен с 4-го курса за политическую неблагонадежность, вследствие чего уехал за границу, где и продолжил свое образование. В 1880 г. Бернским университетом ему была присвоена степень доктора медицины, а с 1883 г. он стал преподавать на кафедре географии и антропологии этого же университета.

В 1887 г. Э. Ю. Петри вернулся из Швейцарии в Россию и был назначен профессором кафедры географии и этнографии Петербургского университета.

Именно Э. Ю. Петри в стенах университета начал чтение лекций по первобытной археологии в рамках общего курса антропологии, а также проводил раскопки курганов в Оренбургской области. С 1894 г. он был председателем Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете [376, с. 111–115]. Таким образом, с именем Э. Ю. Петри можно связывать начало

палеоэтнологического образования в Санкт-Петербургском университете. Э. Ю. Петри рано умер, и опекуном всей семьи (у Бернгарда был младший брат Георгий) стал директор Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (МАЭ), академик В. В. Радлов. После смерти мужа, лишившись средств к существованию, Евгения Львовна Петри поступила на службу в МАЭ, в котором она вскоре получила место заведующей отделом Океании [341, с. 59].

Научные интересы семьи и близкого окружения сыграли решающую роль в выборе профессии и формировании взглядов

**Бернгард Эдуардович Петри
(1884–1937)**

Б. Э. Петри. Он учился на кафедре

географии и этнографии естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, где в свое время преподавал его отец, а с 1899 г. до 1903 г. – Д. А. Коропчевский, ученик А. П. Богданова. После окончания университета, с 1910 по 1917 гг., Петри работал сотрудником МАЭ и трижды (1912, 1913, 1916 гг.) выезжал в сибирские экспедиции. Целями исследований молодого ученого стали этнографическое изучение бурят и проведение археологических разведок в Западном Прибайкалье.

Первая экспедиция в археологическом отношении явилась одним из главных открытий Б. Э. Петри. Он обнаружил многослойную неолитическую стоянку рыболовов в бухте Улан-Хада на юго-восточном побережье Мухорского залива оз. Байкал. Петри рассматривал ее как основу для создания культурно-хронологической периодизации неолита в Сибири и для определения преемственности его культур. Раскопки 1913 г. подтвердили это предположение.

И в настоящее время многослойное поселение Улан-Хада не потеряло своего значения в качестве опорного памятника для периодизации древней истории Прибайкалья. Оно является уникаль-

ным как по количеству находок, так и по полноте охвата во временном диапазоне – от финального мезолита до периода раннего железного века.

В 1916 г. Б. Э. Петри получил специальное задание по сплошному археологическому изучению берегов Байкала и провел разведочные раскопки на Ангаре.

Во время гражданской войны Б. Э. Петри по стечению обстоятельств поселился в Иркутске. Весной 1918 г., приехав вместе с женой, уроженкой г. Иркутска, к ее родителям за своим сыном, он был отрезан линией фронта и вынужден был искать работу. Благо, что в Иркутске в этом году открылся университет, и Петри нашел применение своим знаниям и интересам.

Иркутский период (1918–1937 гг.) стал одним из ярких и трагичных в деятельности Б. Э. Петри. Он работал в университете сначала приват-доцентом, потом профессором на кафедре истории первобытной культуры (затем переименованной в кафедру этнографии) историко-филологического факультета.

Б. Э. Петри был создателем музея этнографии, кабинета археологии и этнографии туземных народов Сибири, организатором студенческого научного кружка «народоведение», переименованного далее в «краеведение». Одна из главных заслуг Бернгарда Эдуардовича – создание школы археологов с собственной методологией исследования, методикой раскопок, с организацией полевых работ и системой подготовки научных кадров. Его учениками были такие известные в будущем ученые, как М. М. Герасимов, Г. П. Соосновский, А. П. Окладников, Г. Ф. Дебец, П. П. Хороших, С. Н. Лаптев, И. И. Веселов, О. И. Толстихина, Е. И. Титов и др.

4.5. Палеоэтнологические взгляды Б. Э. Петри

Согласно представлениям Б. Э. Петри, предметом изучения трех органически связанных между собой дисциплин – физической антропологии, археологии и этнографии – был человек. Объект исследования у каждой из дисциплин был свой – антропологические, археологические и этнографические источники. Главной задачей палеоэтнологии, по мнению исследователя, было восстановление доисторического (первобытного) прошлого человечества по трем видам источников.

Комплексный подход давал возможность не только реконструировать образ жизни первобытного человека, но и воссоздать его этнический облик и определить его связь с современными аборигенами.

Археологические источники были основополагающими в доисторический (бесписьменный) период, с появлением письменных источников начинался исторический период [271, с. 69–70].

Для культурно-хронологических реконструкций Б. Э. Петри использовал «систему трех веков» К. Томсена, усиленную для палеолита периодизацией Мортилье-Брейля (ориньяк, солютре, мадлен, азиль), а все эпохи по примеру В. А. Городцова разделил на периоды (у Городцова – ранняя, средняя, поздняя поры) [69].

В основу периодизации был положен археологический материал – камень, бронза, железо, а также изменения в технике изготовления орудий. Так, при рассмотрении материалов сибирского палеолита Б. Э. Петри синхронизировал Афонтову гору с ранним мадленом, Верхоленскую гору – с поздним мадленом [269].

Б. Э. Петри руководствовался палеоэтнологическим принципом: человек – часть природы, и ее изменения приводят к изменению образа жизни человека. Разработав методические указания для исследования поселений, он требовал от своих учеников подробного физико-географического описания местности с описанием окрестных гор, рек, озер, инсоляции, господствующего ветра и следов его деятельности. Для характеристики образа жизни первобытного человека Петри настоятельно рекомендовал собрать всю информацию о рыбных и охотничьих угодьях, о топях, об их расположении относительно поселения, о возможности ловли рыбы неводом; а также выявить места, где брали воду, камень, глину [268]. Таким образом, Б. Э. Петри считал важным исследовать памятник в природном контексте и учил своих студентов получать массу дополнительной информации, которая помогала реконструировать прошлое древнего человека.

При изучении палеолита в первую очередь Петри интересовал вопрос о ледниковом периоде в Сибири. Он, вслед за И. Д. Черским, полагал, что в Сибири не было ледникового периода в собственном смысле слова, а существовали отдельные территории, покрытые ледяным панцирем [269, с. 4–5]. Б. Э. Петри предполагал, что первобытный человек появился в Сибири в послеледниковый

период, примерно одновременно с мамонтом, который служил основным предметом его охоты. Одну из главных задач в изучении палеолита Сибири он видел в поисках останков такого человека [268, с. 5–6].

Изменение образа жизни первобытного человека от бродячего охотника к оседлому рыболову Петри связывал с потеплением климата, изменением растительного и животного мира в конце четвертичной эпохи. Археологически это изменение он зафиксировал как переход от палеолита к неолиту.

Неолит Прибайкалья, по мнению исследователя, сформировался на местной основе, т. е. был автохтонным, население эпохи неолита было прежним.

Исследования Петри в Прибайкалье, дали возможность использовать созданную им стратиграфическую колонку Улан-Хады для культурно-хронологической периодизации неолита всей Сибири. Неолит он разделил на три эпохи: 1) поздний неолит; 2) средний неолит; 3) новый неолит. В свою очередь, поздний неолит был поделен на раннюю стадию, которая содержала XI слой стоянки Улан-Хада, и позднюю стадию, содержащую X слой.

Самый нижний горизонт (XI слой) Петри определил как бескерамический и, по существу, впервые поставил вопрос о существовании переходного периода от палеолита к неолиту. Он впервые синхронизировал раннюю стадию позднего неолита Сибири с культурой маглемозе мезолита североевропейской равнины, выдвинув в качестве критериев этого периода отсутствие в комплексе керамики, шлифовальных орудий и наконечников стрел [270, с. 3–12].

Поздняя стадия позднего неолита (X слой стоянки Улан-Хада) исследователь сравнивал со стадией датских кухонных куч, которые характеризуются появлением керамики. Средний неолит Сибири представлен, по мнению Петри, горизонтами с III по IX, критериями его выделения служило появление стрел, орнаментированной керамики, шлифовальных орудий. Новый неолит Сибири был выделен автором периодизации на основании I и II слоев поселения Улан-Хада, содержащих изделия, демонстрирующие совершенство кремневой техники, в том числе микролиты, а также орудия из нефрита и меди [270, с. 18–19]. Б. Э. Петри, как и С. А. Теплоухов, определяющим показателем культуры считал керамику [270, с. 18].

Все попытки Б. Э. Петри обнаружить в Прибайкалье собственно культуру эпохи бронзы не увенчались успехом. Ни на одной стоянке, содержащей бронзовые предметы, не было найдено ни шлаков, ни форм, которые позволили бы говорить о выплавке меди из руды. В погребениях также, наряду с бронзовыми вещами, были обнаружены каменные изделия. Эти данные приводят ученого к мысли о привозном характере бронзовых предметов с юга Минусинских степей или из степей Забайкалья и Монголии [271, с. 45–46].

Природно-климатические условия (тайга), по мнению Б. Э. Петри, замедлили развитие первобытного человека в Прибайкалье. Граница леса послужила непреодолимой преградой для проникновения в северные районы скотоводческой бронзовой культуры [270, с. 34]. Б. Э. Петри констатировал длительное существование неолита, отсутствие эпохи бронзы и смену неолита железным веком, когда автохтонное население было вытеснено новыми племенами – кочевниками Центральной Азии [271, с. 45–54].

Первая культура железного века Сибири, зафиксированная Петри по поселениям, – культура «курумчинских кузнецов». Он считал, что поселения более объективно отражают историческую реальность.

Ареал культуры курумчинских кузнецов охватывал верховья Лены, верховья Ангары до Балаганска, Тункинскую котловину, побережье Байкала и низовья Селенги.

Устанавливая историко-хронологическую принадлежность культуры курумчинских кузнецов, ученый видел в основном населении, оставившем эти памятники, «конный скотоводческий народ», большинство которого вело кочевой образ жизни. Кузнецы же, следуя своему ремеслу, жили оседло, снабжая своих сородичей металлическими изделиями и получая взамен продукты питания. По мнению исследователя, культура «курумчинских кузнецов» очень сходна с культурой якутов. Поэтому Б. Э. Петри делает необоснованное предположение, «...что неизвестный народ – «курумчинские кузнецы» – не кто иной, как предки якутов» [271, с. 62–63].

Б. Э. Петри не определил хронологические рамки этой культуры, но считал, что она соответствует «ранней железной эпохе». Ее окончание он связывал с наступлением «поздней железной эпохи» и приходом в Прибайкалье нового населения – «монголо-

бурят». В это время, по его мнению, в Прибайкалье жили несколько народов тюрко-монгольской ветви, и каждый народ имел свой обряд погребения. Каких-либо других типологических или культурно-хронологических разработок на основе материалов железного века Б. Э. Петри сделано не было.

Б. Э. Петри, используя этнографические материалы для восстановления первобытной истории Прибайкалья, не отождествлял напрямую археологические культуры и современные этносы региона. Как справедливо отметил Н. А. Савельев: «Б. Э. Петри считал, что археологические комплексы, в отличие от этнографических, являются, по сути дела, этнически немymi (протоэтническими)» [319, с. 78].

В 1921 г. Б. Э. Петри говорил о себе: «Я ... натуралист по образованию и дарвинист по методам исследования» [341, с. 61].

Итак, методологической основой археологических изысканий Б. Э. Петри были палеоэтнологические концепции и комплексный подход, а деятельность Б. Э. Петри являлась символом интеграции наук. Для Б. Э. Петри, как и для всех сторонников палеоэтнологии, был характерен эволюционный взгляд на развитие культуры, но уже с отрицанием тезиса о полном тождестве исторических путей разных народов. Сегодня на новом уровне отечественная археология возвращается к комплексному и междисциплинарному подходам и интеграции наук, в исследованиях археологов отмечается роль географического фактора и экологии. В Сибири в 1920-е гг. у истоков этих идей стояли Б. Э. Петри и С. А. Теплоухов.

4.6. Красноярск – научный центр

Годы военного лихолетья свели в 1918–1919 гг. в одном музее сразу четырех исследователей: дипломированного археолога Н. К. Ауэрбаха; добровольного сотрудника археологического отдела МАЭ, окончившего Петроградское коммерческое училище Г. П. Сосновского; первооткрывателя Афонтовой горы-П В. И. Громова; австрийского профессора геологии, географии, антропологии и археологии Г. Мергарта.

Валериан Иннокентьевич Громов (1896–1978) – уроженец г. Троицкосавска, бывший студент Киевского университета, призванный на фронт в 1916 г., бывший выборный командир батальонной разведки, в 1918 г. мобилизованный в армию Колчака – был

хорошо известен как страстный собиратель палеонтологических остатков и первооткрыватель Афонтовой горы–II. Он несколько лет подряд участвовал в раскопках Н. К. Ауэрбаха.

Геро Курт Мергарт фон Бернегг (1886–1959) родился в семье австрийского офицера в Брегенце, где учился первоначально в народной школе, потом в гимназии, затем в привилегированном иезуитском колледже и в 1906 г. сдал экзамены с отличием на аттестат зрелости. После военной службы в 1907 г. Г. Мергарт поступил в Мюнхенский университет на факультет естественных наук, прослушал курс лекций по геологии, географии и «доистории» в университетах Вены и Цюриха и в 1913 году получил ученую степень по геологии как основному предмету и географии, антропологии и «доистории» как сопутствующим.

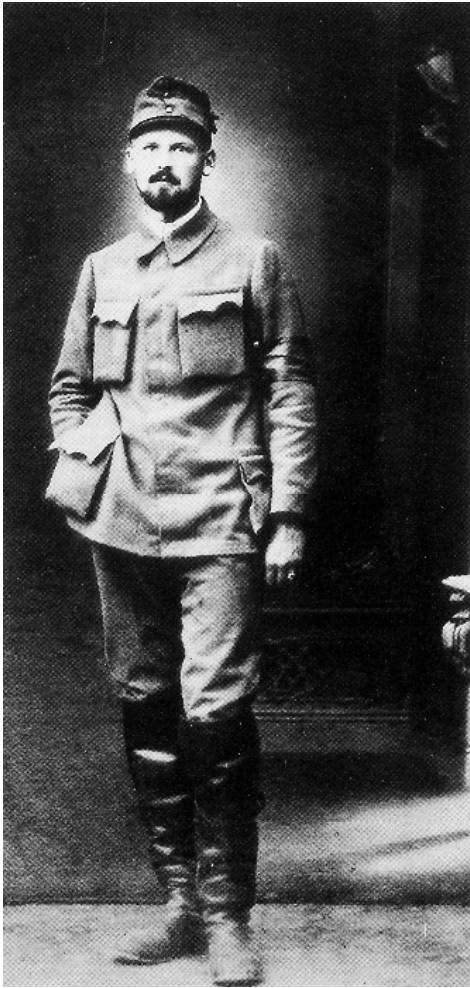
Красноярский краеведческий музей. 1924 г. Сидят (слева направо): Г. И. Боровка (?), С. А. Теплоухов, В. А. Городцов, А. Я. Тугаринов; стоят (слева направо): Г. П. Сосновский, В. И. Громов, Л. М. Нурк, Н. К. Ауэрбах, К. С. Чехович, Г. В. Протопопова. Фотография сделана во время поездки В. А. Городцова в Сибирь и хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея.

В начале XX в., на основе идей неопозитивизма, в западноевропейской этнологии и «доистории» сформировались антиэволюционистские школы: антропогеографии в Германии, культурно-историческая в Австрии, школа крайнего диффузионизма в Англии [3, с. 69]. Все они выступали с попытками опровержения всякого рода «эволюционистских схем». Теоретической платформой этих учений служила неокантианская философия, в частности, концепция неокантианца Г. Риккерта, согласно которой провозглашалась идея об отсутствии закономерностей в истории, а всякое историческое явление считалось самостоятельным в своем развитии.

Методологические принципы культурно-исторической школы изложены немецким этнографом Ф. Гребнером в книге «Метод этнологии». Он был одним из создателей теории культурных кругов. По Ф. Гребнеру, каждое явление культуры возникает однажды, в одном месте, а потом только распространяется из первоначального центра. «Культурный круг» не развивается во времени, а лишь взаимодействует с другими «кругами» в географическом пространстве. Если культура перенесена в иные природные условия, ее развитие пойдет по другому пути и из взаимодействия старых культур могут возникнуть новые. Эти идеи нашли отражение в теории культурных миграций [196, с. 569].

Таким образом, сторонники культурно-исторической школы считали, что история человечества предстает как ряд культурных кругов, в основании которого лежит изначальная, исходная культура. Итак, эволюционистскому пониманию общества как поступательно развивающегося явления они противопоставляли статичное понятие культурного ареала, история культуры в котором сводилась к внешним заимствованиям. В конечном итоге понятие культурного ареала привело к культурному релятивизму. Господствующие в начале XX в. в Европе антиэволюционистские направления в науке оказали решающее значение на формирование взглядов Г. Мергарта.

Свою профессиональную деятельность Г. Мергарт начал ассистентом Института антропологии и доистории в Мюнхенском университете у Иоганна Ранке. Г. Мергарт в своей биографии из академических учителей называл только учёных естественных наук: Р. Гертвинга (зоология), В. Рентгена (физика), А. Гейма и Ф. Зюса

(геология). По «доистории» его учителями были Х. Обермайер и П. Райнеке [430, S. 332–335].

К началу Первой мировой войны Г. Мергарт как лейтенант запаса австро-венгерской армии был мобилизован на военную службу, а в 1915 г. он попал в плен и был отправлен в Сибирь.

В 1916 г. Мергарт, находясь в лагере для военнопленных в Канске, получил разрешение свободно перемещаться по городу и его окрестностям. Специалист, истосковавшийся по исследованиям, с этого времени он начинает приходить в недавно созданный Канский музей и работать в нем.

Мергарт приводит в порядок археологические коллекции периода неолита, а затем в летнее время обследует стоянки первобытного человека. Осенью

1919 г. Г. Мергарт был переведен в

Г. Мергарт в Марбурге Красноярск заведующим археологическим отделом музея Приенисейского края.

Директор музея А. Я. Тугаринов отмечал: «...Музей мог предложить названому лицу лишь самое минимальное содержание, едва обеспечивающее питание. Будучи специалистом по доисторической археологии, доктор посвятил свои работы пересмотру, фактической проверке и попутной реставрации всех соответственных коллекций, особенно остановив своё внимание на керамике. В частности, в одной из первых его работ был подбор коллекций по местному палеолиту» [12, с. 4].

Приступив к работе в музее, Г. Мергарт познакомился с музейными фондами и систематизировал необработанные археологические коллекции. Как специалист высокого класса он решил помочь Красноярскому музею в определении археологических памятников края и составлении перспективного плана работ в Енисейской губернии [166; 428; 429].

С ранней весны и до осени 1920 г. доктор Мергарт вместе с сотрудниками музея производил обследование Красноярского, Минусинского и Енисейского уездов.

В апреле 1920 г. Мергарт совместно с Г. П. Сосновским провели археологические разведки в окрестностях г. Красноярска и осмотрели Афонтову гору и Ладейское городище. В мае исследователи посетили стоянки Базаиха, Монастырская, Военный городок. Особенно плодотворной была археологическая разведка от Минусинска до Красноярска.

Наиболее древние горизонты на открытых памятниках – Аешки, Кокорево, Лигостаево, Бузуново, Лепёшкино, Борки, Потрошилово – датировались немецким ученым эпохой палеолита.

На поселениях у Бузуново, Лепешкино, Борки, Потрошилово, Лугавского, Батени, Шушь, Биря, Тагарское озеро, Комарково, Означенное, Каменка верхние культурные горизонты залежали непосредственно под дерном и были датированы эпохами бронзы, железа и средневековья. Тогда же Мергарт и Сосновский скопировали петроглифы на плитах могильника Туран, на скалах Тепсей и Георгиевской горы на р. Тубе. В ходе разведки Мергартом были раскопаны погребение у с. Лугавское и два тагарских кургана близ улуса Откина. Две поздние могилы XVII–XVIII вв. участники маршрута исследовали у д. Означенной [210, с. 144–145].

Итак, Мергарт изучил и систематизировал музейные коллекции, провел совместно с сотрудниками музея широкие рекогносцировочные работы и уже в 1920 г. высказал некоторые соображения о развитии отдельных археологических периодов Сибири.

1. Г. Мергарт подтвердил факт существования палеолита в Минусинском и Красноярском уездах. Он обнаружил ряд палеолитических стоянок в Минусинской котловине: у д. Бузуново, Лепешкино, Батени, Аешки и др., изучил их стратиграфию и оценил все лессовые отложения долины Енисея как одновременные и однородные.

Первоначально Г. Мергарт полагал, что палеолит в Приенисейском крае был развит в несколько отличной от европейского форме, однако позже он писал о заимствовании части элементов палеолитической культуры населением Северной Азии из Европы [431, S. 142–148].

2. Г. Мергарт считал, что в Минусинской котловине отсутствует неолит. Центром неолитической культуры, по мнению Мергарта, являлся Ангарский край, влияние оттуда стало определяющим при формировании неолита на севере Енисейской губернии. В средней части губернии неолит развивался в иной форме.

3. Г. Мергарт одним из первых определил, что в Красноярском и Канском уездах существовала особая, отличная от Минусинского культурного очага, культура бронзы.

4. Минусинскую бронзовую культуру он считал единственной высокоразвитой из культур Северной Азии. К сожалению, в состав памятников минусинской бронзовой культуры он включил материалы не только поздней бронзы, но и железа. Уже через год С. А. Теплоухов разделит археологические памятники и находки, причисленные Г. Мергартом к одной культуре, между тремя культурами: карасукской, минусинской курганной (тагарской) и таштыкской.

5. Период железа, менее изученный, начинался со смешения элементов древнего бронзового века с новой утварью и новой техникой и продолжался без перерыва и без быстрых и резких изменений до исторического периода.

6. Мергарт обратил внимание местных исследователей на некоторые пробелы в изучении археологических памятников региона. Музей Красноярского края был беден находками из Ачинского уезда и Ангарского края. Ученый считал необходимым в первую очередь исследовать эти контактные районы, по которым осуществлялись передвижения племен.

7. Г. Мергарт указал на чрезмерную централизацию системы хранения археологических коллекций, когда содержимое раскопанных памятников отправлялось в центральные музеи и «растворялось» там в массе материалов. По мнению ученого, археологические материалы необходимо собирать в местных музеях и использовать в Сибири для научно-просветительских целей [230, с. 32–35].

Кроме того, он считал неизбежным следствием централизованной системы хранения и изучения древностей неясность в целом комплексе вопросов:

1. Каково соотношение между культурами каменного и бронзового веков в Сибири?

2. В чем кроется причина «гибели» минусинской бронзовой культуры?

3. Каковы способ, обстоятельства и время вытеснения бронзового века железным в Енисейской губернии?

4. Как происходила смена культурных течений при переходе от раннего железного века к развитому, а также существует ли связь железных культур с «современными туземцами Енисейского края» [230].

Понятие «культура» Г. Мергарт не пытался связать ни с антропологическим типом населения, ни с определенным этносом. С одной стороны, в развитии культуры ученый выделил определенные периоды: ранний, развитый, поздний, а с другой – не придавая решающего значения ее эволюции, не видел экономических и социальных факторов в развитии. Сибирские культуры Г. Мергарт рассматривал как далекие провинции, развивающиеся только в результате диффузии из Передней и Центральной Азии или Европы. Слабость теоретических взглядов Г. Мергарта в объяснении развития древних культур Сибири исключительно заимствованиями достижений более цивилизованного мира.

Однако, с другой стороны, кропотливое определение связей между соседними и дальними культурами, прослеживание диффузии и заимствований конкретных элементов культуры поставили на повестку дня перед отечественными учеными вопрос о реально существующих в истории общества явлениях.

Уехав на родину, Г. Мергарт не оставляет изучение сибирских материалов и некоторые из поставленных проблем решает в монографии «Бронзовый век на Енисее» [432].

В сентябре 1921 г. Г. Мергарт возвращается на родину и узнает, что его уволили с государственной службы Баварии как иностранца, что он лишен наследства и пенсии по инвалидности, так как числится в списках погибших. Только в 1924 г. Г. Мергарт получает доцентуру в Инсбруке, где одновременно занимается систематизацией фондов музея Фердинанда [430, S. 338–339].

В 1927 г. он был приглашен в Римско-Германский музей в Майнце, затем, в этом же году, последовало его назначение на должность заведующего впервые созданной в Германии кафедры доистории в Марбурге.

В 1930-е гг. Мергарт вступает в конфликт с властями, его нравственные убеждения противоречат идеологии фашизма, а глубокие знания не позволяют ему согласиться с фашистскими идеями некоторых специалистов по доистории. Он отрицает связь доистории с расовым вопросом, стремится противопоставить

Геро Курт Мергарт фон Бернегг (1886–1959)

доисторию как неполитическую науку

политической науке – истории. Мергарт заступался за еврейских ученых. В результате он был отправлен нацистами в годичный отпуск, а впоследствии уволен. Лишь после капитуляции Германии по окончании Второй мировой войны он был восстановлен в правах, а также в качестве университетского профессора.

К сожалению, «железный занавес» в России, да и политическая ситуация в Германии в 1930-е гг., не позволили Г. Мергарту дальше сотрудничать с российскими археологами и изучать сибирские древности. Тем не менее он успел в короткий период деятельности в Сибири (1919–1921 гг.) оказать немалое влияние на развитие отечественной археологии, познакомив сибирских исследователей с совершенно иными взглядами на культурно-исторический процесс в древности на территории Северной Азии.

Н. К. Ауэрбах (1892–1930) происходил из семьи горного инженера, управляющего золотосплавочной лабораторией в Красноярске, получил классическое гимназическое образование, окончил юридический факультет Московского университета и археологическое отделение Московского археологического института, ученик В. А. Городцова. В 1914 г., после сдачи государственных экзаменов на юридическом факультете в университете и представления сочи-

нения «Наказание фальшивомонетчиков в России до царствования Петра I», Н. К. Ауэрбах получил диплом 1-й степени.

В этом же году он защитил в археологическом институте диссертацию на тему «Наконечники каменных стрел урочища Бор близ г. Красноярска» и получил звание «ученого археолога».

Будучи освобожден от военной службы по сильной близорукости, Н. К. Ауэрбах поступил во Всероссийский союз городов и являлся старшим доверенным союза при Московской складочной таможне, заведующим с 1914 по 1915 гг. выдачей медикаментов и перевязочных средств. В 1916 г. он перевелся во Всероссийский Земский союз и работал в Минске в Комитете Западного фронта в отделе детских столовых. После Октября 1917 г. Ауэрбах продолжал служить в Земском союзе до начала 1918 г., когда Минск оказался под угрозой взятия неприятелем, он выехал в Красноярск.

В 1918 г. Н. К. Ауэрбах был избран членом распорядительного комитета Красноярского отдела РГО и принят на работу в качестве сотрудника краевого музея.

В 1921–1926 гг. Н. К. Ауэрбах заведовал отделом доисторической археологии музея Приенисейского края и состоял членом коллегии музея на общественных началах, «в порядке добровольчества». Зарабатывать на жизнь приходилось преподаванием в школах и техникумах Красноярска [72, с. 31–32].

В 1923 г. – в честь 40-летия открытия И. Т. Савенковым палеолита на Енисее, ВСОРГО и его Средне-Сибирское отделение РГО выделяют средства на изучение древнейших памятников у Красноярска. Появляется возможность не только вести разведывательные раскопки, но и широкие стационарные. Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и В. И. Громов в 1923–1925 гг. исследовали поселения на Афонтовой горе и ряд других стоянок.

В 1923 г. вскрыто 38 кв. м площади поселения Афонтовая гора-II на глубину до 13 м. Нижний горизонт стоянки содержал большое количество крупных костей быков, северных оленей, лошадей, бивни мамонтов, многочисленные изделия из камня. В. Е. Ларичев справедливо заметил, что «еще никто из тех, кто занимался изучением североазиатского палеолита, не обладал такой огромной коллекцией обработанного камня» [203, с. 155]. Всего за

3 года работ было вскрыто 200 кв. м. на Афонтовой горе-II и 130 кв. м. на Афонтовой горе-III.

Работы на Афонтовой горе имели международное значение. Важность исследований обусловлена тем, что раскопки дали картину палеолитического местонахождения *in situ*. Впервые стало возможным представить конструктивное своеобразие древнейшего в Азии жилища человека эпохи палеолита.

Исследование памятника подтвердило заключение Г. П. Сосновского о многослойности Афонтовой горы и о выделении разновременных палеолитических горизонтов. Сенсационные находки привлекли внимание российских археологов. Место раскопок посетили В. А. Городцов, Б. С. Жуков, С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов.

Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский на раскопках стоянки Бирюса в 1927 г. (Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея).

В 1926 г. Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов уезжают из Красноярска. Громов поступил в аспирантуру ГАИМК, Ауэрбах был приглашен в Новосибирск ученым секретарем вновь образованного Общества изучения Сибири (ОИС). Несмотря на отъезд, Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов еще продолжали вести раскопки под Красноярском. В 1926–1927 гг. они провели исследования Военного го-

родка и Бирюсинской стоянки, на которой было выявлено 5 культурных горизонтов эпохи железа, неолита и палеолита.

В 1927 г. Г. П. Сосновский провел исследования в Красноярском крае. В 1928 г. исследователи организовали геолого-археологическую экспедицию по Енисею, открыли новую стоянку на Каче и провели раскопки на Афонтовой горе.

В 1920-е В. И. Громов, Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский высказали принципиальные соображения о развитии палеолита Сибири, которые стали отправной точкой для последующих исследований.

В. И. Громов, на основе геологических и палеонтологических материалов, предложил периодизацию сибирского палеолита, в которой различал три разновременные группы стоянок: 1) на древних террасах не ниже 15 м с древней фауной (мамонт, песец и др.) – Афонтова гора III и II (нижний горизонт), Кокорево, Батени, Бугач, Мальта; 2) на менее древних террасах 9–12 м высотой, без мамонта и песца, – Переселенческий пункт, Бирюса (третий – пятый горизонты), Кокорево (Забочка), Бузуново; 3) на значительной высоте от современного уровня Енисея, с менее древней фауной (бык, лошадь, косуля) – Афонтова гора II (верхний горизонт), IV, Бирюса (второй слой), Гремячий ключ и Верхоленская гора [71].

Это была первая региональная периодизация североазиатского палеолита, независимая от европейских классификаций культур верхнего палеолита [203, с. 224].

Н. К. Ауэрбах рассматривал сибирский палеолит как особую фазу североазиатского, в котором встречается инвентарь, не характерный для европейских стоянок. Древнекаменный век Сибири, содержащий по меркам западноевропейского палеолита разновременные артефакты, он анализировал как единый комплекс, наделенный архаическими изделиями [24; 27].

Н. К. Ауэрбаху и Г. П. Сосновскому, доказавшим единство палеолита Северной Азии, удалось установить и некоторые локальные отличия в инвентаре стоянок по Енисею, Ангаре, Селенге. Например, на Ангаре исследователями отмечены орудия, похожие на лавролистные наконечники и многочисленные двухсторонние скребки, не характерные для стоянок Енисея, а на Енисее – орудия, близкие к ручным рубилам, не встречающиеся на Ангаре. Особо

была выделена стоянка Мальта с индустрией и фауной не типичной для других стоянок Сибири [24; 26; 28; 348].

После отъезда Н. К. Ауэрбаха и В. И. Громова Красноярский музей не остался без археолога, сюда приехал В. Г. Карцов. Но Красноярск, как археологический центр, потерял свои позиции, деятельности одного археолога было недостаточно, чтобы вести широкие археологические исследования. Распался археологический кружок при музее. В 1930 г. В. Г. Карцов, после скорострительной смерти Н. К. Ауэрбаха, лишился поддержки ОИС. В 1931 г. общество было ликвидировано как организация, не выполняющая установки партии и правительства и чрезмерно увлекающаяся археологическими исследованиями.

В археологическом отношении В. Г. Карцов восполнил пробел, существующий в исследованиях предшественников, и обратил внимание на памятники эпох бронзы и железа, которые до него изучались значительно меньше, чем памятники каменного века.

Тема 5. Сибирская археология в 1930-х – начале 1950-х гг.

5.1. Общее состояние сибирской археологии в 1930-х – начале 1950-х гг.

Реорганизация образования, происходившая на протяжении 1920-х гг., негативно отразилась на всей сибирской археологии 1930-х – начале 1950-х гг.

В огромном регионе не было до 1940 г. ни одного университета, готовившего археологов или историков.

С 1929 по 1937 гг. была уничтожена вся краеведческая археология в Сибири. Краеведы с собственным видением происходящих событий нарушали своими сведениями намеченную линию развития страны, и их данные были не нужны.

В 1930 г. ВСОРГО был переименован в Краевое общество по изучению производительных сил Восточной Сибири и переориентирован только на изучение экономики и географии края. Затем, в 1937 г., и это общество было распущено.

В 1931 г. было ликвидировано ОИС.

В начале 1930-х гг. по всей стране была произведена чистка многих музеев от якобы укрывающихся там «белогвардейских элементов». Пострадали и исследователи, занимающиеся сибирской археологией.

В 1937 г. Б. Э. Петри был арестован и расстрелян. Расстрелян директор Иркутского музея Н. Я. Ходукин, а сотрудник этого музея П. П. Хороших сослан. В октябре 1937 г. были арестованы и расстреляны директор Минусинского музея А. В. Харчевников, археолог А. И. Махалов, старейший сотрудник музея Н. И. Тропин и другие – всего 8 человек. Расстреляны директор Томского краевого музея М. Б. Шатилов, директор Бийского музея А. П. Марков, заведующий музеем истории материальной культуры (археологии и этнографии) ТГУ А. К. Иванов. Собирался «компромат» на заведующего Ойротским музеем С. М. Сергеева и заведующего Ачинским музеем П. Е. Чернявского. В 1934 г. В. Г. Карцов уехал из Красноярска в Москву.

Известно, что жена В. Г. Карцова, ученица В. А. Городцова, С. В. Романовская также была арестована [389, с. 197, 208].

В 1930 г. был арестован С. И. Руденко и отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала. В 1933 г. обрушились репрессии на сотрудников этнографического отдела Русского музея С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова, Ф. А. Фиельструп, Р. П. Митусову и др. С. А. Теплоухов, Ф. А. Фиельструп погибли в тюрьме; Р. П. Митусова и М. П. Грязнов были сосланы (позже Р. П. Митусова была расстреляна). В 1938 г. был арестован и погиб Е. Р. Шнейдер.

Из профессиональных археологов в сибирских музеях остались В. П. Левашева (Минусинский музей) и С. М. Сергеев (Бийский музей), правда, им тоже приходилось вести борьбу за существование. После того, как у Левашевой были расстреляны муж и отец в 1937 г., ее уволили с работы, выселили из квартиры с двумя маленькими детьми. Однако она не сдалась, боролась и была восстановлена на работе.

Томский краевой музей практически не ведет археологические исследования. Только в 1938–1939 гг. сотрудник музея Н. А. Чернышев проводит археологические разведки вокруг Томска в радиусе более 100 км.

Обнаруженные 100 памятников наносятся на археологическую карту края, но в отчете отсутствуют как подробное описание памятников, так и какие-либо культурные и хронологические привязки. Такие рекогносцировочные работы показательны для сибирских музеев в 1930-е гг. На более обширные и значительные исследования они не имели ни сил (кадров), ни средств. Если и появлялись в сибирских музеях специалисты высокого уровня, то часто они даже не успевали себя проявить. Так случилось с Р. П. Митусовой, антропологом, этнографом, археологом, ученицей Ф. К. Волкова, и С. И. Руденко, которая в 1920-е гг. проводила широкие палеоэтнологические исследования в Обь-Тазовском районе.

В 1935 г. она поселилась после ссылки по делу Русского музея в Кемерово и была назначена директором Кемеровского краеведческого музея, однако уже в 1937 г. она снова была арестована и приговорена «тройкой» НКВД к расстрелу. Выхолощенные, скудные отчеты 1930-х гг. о работе сибирских музеев производят угнетающее впечатление. Музеи владели жалким существованием. Многие из них лишились знающих специалистов, отсутствовала помощь от общественности, по сути дела, краеведческое движение было подавлено. Строгие правила строительства экспозиции по «марксистским» законам – «от первобытного коммунизма к светлому будущему», – делали похожими один музей на другой.

Незначительное финансирование провинциальных музеев, отсутствие собственных помещений у многих из них довершают то трагическое положение, в котором они оказались. Практически все сибирские музеи, кроме Минусинского и Ойротского (совр. Горно-Алтайск), к середине 1930-х гг. лишились археологов, что часто приводило к гибели в научном плане многих археологических коллекций. Археологические исследования проводились крайне эпизодически и носили рекогносцировочный характер. Если музеи и выполняли задания ГАИМК-ИИМК, то только по сплошному археологическому обследованию и составлению археологической карты своего края.

Уничтожение провинциальных археологических центров означало ликвидацию базы для развития археологии в Сибири. Попытка координации археологических исследований через краеведческие организации также не увенчалась успехом. Государство,

формирующееся как тоталитарная система, к началу 1930-х годов подавило краеведческое движение. Произошла монополизация науки центром, что подорвало развитие провинциальной науки в Сибири на несколько десятилетий. Центральных экспедиций было явно недостаточно для изучения такого огромного региона.

Были уничтожены в ходе репрессий или отстранены от дел специалисты, которые смогли бы не только сохранить богатые археологические коллекции музеев Сибири, но и приумножить и теоретически осмыслить накопленное. Для восстановления научного потенциала и воссоздания сибирских археологических центров понадобились многие годы.

Не помогло быстро исправить ситуацию и решение партии и правительства о восстановлении преподавания истории в школах. В 1934 г. исторические факультеты были открыты только в МГУ и ЛГУ. В сибирских университетах историческое образование было возрождено в 1940 г.

Томскому университету повезло больше, чем Иркутскому. В Томск были сосланы археолог, профессор К. Э. Гриневич и филолог, профессор А. П. Дульзон, первый преподавал в университете, второй – в пединституте. Однако Великая Отечественная война отодвинула подготовку историков еще на несколько лет. Систематические исследования в Томской области они начали в конце войны. В 1944–1946 гг. была проведена комплексная экспедиция по изучению урочища Басандайка близ г. Томска [31]. Вокруг К. Э. Гриневича и А. П. Дульзона стала складываться молодая группа единомышленников, однако в 1948 г. была проведена очередная «чистка»: К. Э. Гриневич, видимо, попал в последний момент в ряды кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и был уволен из университета [226, с. 121]. А. П. Дульзон продолжил исследования памятников позднего средневековья в низовьях р. Чулым и на правом берегу Оби в 1950-е гг. и пришел к выводам о тюркизации Томского Приобья в эпоху средневековья. Главные задачи в области археологии он видел в решении проблем этногенеза коренных народов Сибири [108; 109].

Возобновление исследований в Красноярском крае связано с именем Э. Р. Рыгдылона, который в 1945–1949 гг. проводит небольшие, в основном рекогносцировочные работы на юге. С 1947 г.

по 1964 гг. в Минусинской котловине проводит раскопки археолог Абаканского музея А. Н. Липский.

В Иркутске научная жизнь едва теплилась. После отъезда ряда исследователей и проведенных репрессий в городе не осталось археологов. «Вернувшиеся с фронта израненные Э. Р. Рыгдылон и В. И. Арембовский часто тяжело болели. В. И. Подгорбунский стал доцентом географического факультета ИГУ и переключился на геологию и географию» [320, с. 93].

П. П. Хороших в конце 1940-х гг. смог вернуться из западно-сибирской ссылки в Иркутск и практически стал единственным археологом и этнографом в городе. Он занимался сбором подъемных материалов, открытием новых памятников, однако самостоятельных раскопок не вел. Его интересы были сосредоточены на пещерах Сибири. В результате исследования пещер им будут обнаружены стоянки от палеолита до эпохи железа, анализ материалов которых будет обобщен в кандидатской диссертации «Пещерные стоянки Сибири как исторический источник», защищенной в 1955 г. [392; 393; 394; 395; 396; 397].

Все масштабные, систематические и планомерные исследования ведутся в Сибири учеными из Москвы и Ленинграда: С. В. Киселевым, Г. П. Сосновским, А. П. Окладниковым, С. И. Руденко, М. П. Грязновым и В. Н. Чернецовым. К началу 1950-х гг. ими были проведены следующие экспедиции:

1) Саяно-Алтайская – 1930–1932, 1934–1940, 1941, 1945–1946 гг. (С. В. Киселев);

2) Ангарская – 1932–1934, 1936, 1937, 1939, 1940; Ленская – 1940–1945 гг.; Колымская – 1946 г.; Бурят-Монгольская – 1947–1950 гг. (А. П. Окладников);

3) Енисейская экспедиция – 1928–1929 гг., Бурят-Монгольская экспедиция – 1928–1929 гг., Бийская – 1935–1936 гг. (Г. П. Сосновский);

4) Алтайская – 1939 г., Верхнеобская – 1946, 1947, 1949 гг. (М. П. Грязнов);

5) Северобарабинская – 1945 г., Мангазейская – 1946 г., Западносибирская – 1948–1952 гг. (В. Н. Чернецов);

6) Чукотская – 1945–1946 гг., Улаганская – 1947 г., Горноалтайская – 1948–1950 гг. (С. И. Руденко).

Благодаря этим исследованиям, у их авторов появятся новые идеи и концепции по проблемам археологии Сибири. Именно эти изыскания сформируют основные направления современных археологических исследований в Сибири. В 1930-е гг. меняется и парадигма исследований в истории в целом и в археологии в частности. Методологической основой теоретических разработок археологов официально становится марксизм.

5.2. Марксизм как новая методология науки

В историографии времен СССР начало 30-х гг. XX столетия характеризуется как «... время полной и окончательной победы марксистско-ленинской теории и методологии в советской исторической науке» [13, с. 25]. В советской археологической литературе период со второй половины 1920-х до начала 1930-х гг. оценивался как время внедрения в археологию принципов исторического материализма [222, с. 19] и считалось, что «... уже в первое десятилетие советской власти высшей школой были подготовлены первые кадры археологов, владеющих основами марксистской концепции развития исторического процесса» [279, с. 76]. Вся история отечественной археологии говорит нам о том, что это было не так. На наш взгляд, в 1920-е гг. марксистского направления в археологии просто не существовало. Ученые промарксистского толка лишь пытались сформулировать некоторые принципы, которые можно было бы считать марксистскими в археологии. Как уже было отмечено, подготовку археологов осуществляли прежние специалисты дореволюционных школ. Правда, уже с начала 1920-х гг. государство пытается сделать учебный процесс независимым от влияния старых «буржуазных» ученых. В 1920 г. в вузах началась организация рабочих факультетов и подготовка специалистов из пролетарских слоев населения, что, в свою очередь, потребовало упрощения и замены прежних курсов. 12 марта 1921 года СНК опубликовал постановление «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Были созданы комиссии из числа преподавателей и студентов, которые должны были в короткий срок изменить учебные планы и программы [379, с. 117–153]. В 1919–1921 гг. проходит реорганизация гу-

манитарных факультетов. Во многих университетах закрываются исторические, филологические и юридические факультеты и открываются факультеты общественных наук (ФОН) [64, с. 22–24; 279, с. 68–69]. На новых гуманитарных факультетах – ФОНах – не читаются из-за практической ненужности курсы античной и средневековой истории и литературы, древние языки и вводятся новые циклы лекций: «Исторический материализм», «Капитализм и пролетарская революция», «Развитие общественных форм» и т. д. [379, с. 117–153]. Однако, в отличие от старых разработанных курсов, новые только формировались, читались часто не учеными, а партийными лидерами, и больше были похожи на агитацию и пропаганду еще не устоявшихся и теоретически не оформившихся большевистских взглядов на исторический процесс. Что такое «марксизм в науке» никто из ученых не понимал. Подобное положение наблюдалось не только в археологии, но и в других исторических науках.

Ю. Слезкин, анализируя процесс создания в России марксистского направления в этнографии, отмечает: «Среди противоборствующих течений и теорий не видно было марксизма. Существовали этнографы-марксисты, но не существовало марксистской этнографии ... В научных изданиях было мало марксизма, а в научных обществах – мало марксистов. Число юных иконоборцев росло, но в 1928 г. они не имели ни своей организации, ни теоретической платформы (и по-прежнему изучали этногеографию)» [344, с. 115].

На современном этапе ученые иначе оценивают развитие методологии исторической науки в 1920–1930-е гг. в целом [194, с. 3–5] и археологии в частности. М. В. Аникович полагает, что этот «... период следует трактовать, как неудавшуюся попытку рассмотреть и решить важнейшие методологические проблемы археологии, ... исходя из философских установок марксизма. Основной причиной неудачи явилось ... то вредное влияние, которое оказывал сталинизм как социально-экономическая и политическая система на организацию и развитие науки в СССР» [16, с. 30]. Л. С. Клейн справедливо считает, что «советская археология, в сущности, никогда не была марксистской. Она не была ни единственно марксистской, ни только марксистской, ни строго марксистской. Часто она была весьма далекой от марксизма, во многих частях не нуждалась в нем,

а в некоторых утверждениях противоречила или, по крайней мере, никак из него не вытекала» [188, с. 71]. А. А. Формозов решительно оценивает перелом на рубеже 1920–1930-х гг. как трагедию в истории советской археологии [387, с. 81]. В этом с ним можно согласиться. Как было отмечено выше, для развития археологической науки в Сибири в 1930-е гг. были уничтожены практически все условия.

Переломные моменты истории очень многозначны по своему содержанию. Отметим наиболее важные предпосылки формирования марксистских взглядов в археологии. С одной стороны, произошедшие революционные изменения в стране вели к отказу от старых традиций и поиску новых идей. Безусловно, должна была появиться и категория исследователей-новаторов. С другой стороны, молодое советское государство с помощью силы и пропаганды пыталось привести население страны к единому мнению. И в этом вопросе в первую очередь важно было осуществить унификацию мышления ученых. Большевистское правительство нуждалось прежде всего в развитии экономики, техники, оборонной промышленности, поэтому поддерживало науки, связанные с этими отраслями. Гуманитарные науки могли привлечь к себе внимание, только перейдя «на марксистские рельсы», пропагандируя идеи большевизма.

Вышеперечисленные факторы способствовали выдвижению яфетической (по имени Яфета, третьего сына библейского Ноя) теории Н. Я. Марра в качестве марксистской, хотя, как отмечает В. М. Алпатов, в 1927 г. он еще не был знаком с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса [14, с. 68]. Содействовала распространению идей Н. Я. Марра их созвучность эпохе, например тезисы о классовости языка, о скрещении языков и, в дальнейшем, о слиянии всех национальных языков в один общий – «единый всемирный язык новой системы, доселе не существовавшей» [14, с. 17–18, 58, 93]. О «стихийном марксизме» Н. Я. Марра начали говорить историки из его окружения в 1927 г. С 1928 г. Н. Я. Марр активно включает в свои статьи цитаты из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а позднее и И. В. Сталина. Теперь он уверенно заявляет: «Материалистический метод яфетической теории – метод диалектического материализма и исторического материализма, т. е. тот же марксист-

ский метод, но конкретизированный специальным исследованием на языковом материале и на материалах, связанных с языком явлений не только вообще речевой, но и материальной и социальной культуры» [14, с. 68]. Посвятивший монографию феномену Н. Я. Марра, В. М. Алпатов, обращая внимание на научную несостоятельность его учения, отметил: «Марризм прикрывался не только никому не ведомым «новым мышлением». Много лет создавалась завеса из деклараций, натяжек и произвольно подобранных цитат, которая должна была поддерживать репутацию «нового учения о языке» как марксистского языкознания» [14, с. 68]. Н. Я. Марр очень быстро подхватил идею о марксистской сути своего учения и вскоре сообщил: «Яфетическая теория, обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры» [399, с. 177]. Как верно заметил С. В. Цыб, на практике это означало установление тесной связи между языкознанием и археологией [399, с. 178]. В археологию яфетическая теория внедрилась в качестве «теории стадильности» в начале 1930-х гг., но сделал это не Марр, а его ученики и последователи. «Экспансию теории ... стимулировало то, что Н. Я. Марр, занимавшийся и археологией, возглавлял с 1919 по 1934 г. ведущее археологическое учреждение страны – Академию истории материальной культуры. Исходя из «яфетического учения» академика Марра о революционных трансформациях языка, ведущие теоретики «теории стадильности» в археологии стали трактовать даже явные случаи смены народов как стадильные трансформации одного и того же населения. Древнейшее население страны превратилось в неподвижную, автохтонную массу, по временам переживавшую на базе перестроек техники невероятные культурные и языковые превращения: киммерийцы-яфетиды становились скифами-иранцами, те – готами-германцами, а затем славянами» [188, с. 21]. Разработчики теории стадильности в первую очередь исходили из автохтонного развития древней истории, когда смена стадий происходила за счет скачков [233]. Н. Я. Марр был противником выделения культурных комплексов в археологии, связывая их с идеей существования отдельных этносов, что противоречило его идеи исторического развития языков, согласно которой все многообразие племенных диалектов через последовательное

скрещивание приходит к единству. Он отрицательно относился к палеоэтнологическому принципу связи доистории и естествознания. Вообще, археологии и этнографии Н. Я. Марр отводил роль вспомогательных наук, которые снабжали источниками историю материальной культуры [214; 215; 216]. Поэтому он называет маски пазырыкского кургана «препаратами, специально изготовленными для иллюстрации известных языковедных положений» [213, с. 324].

Кроме теории стадильности, марксизм в археологию «вошел» через работу Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Ф. Энгельс, используя периодизацию Морганов, определил в ней место первобытного общества в системе социально-экономических формаций. Деление истории общества Морганом на три стадии: дикость, варварство, цивилизация, Ф. Энгельс соотнес с формами развития семьи, последовательно сменяющимися друг друга. Для дикости, по его мнению, были характерны промискуитет, групповой брак с двумя формами семьи – кровнородственная и пуналуальная; для эпохи варварства – парная семья сначала с главенством женщины и материнским родом, затем на стадии разложения первобытных отношений на смену им пришли патриархальная семья и отцовский род [426, с. 28–90].

Главным достижением в исследовании теоретических проблем первобытности стала идея Ф. Энгельса об общественном разделении труда, согласно которой каждое новое свершение в экономике приводило к изменению в социальной структуре. Как отметил Г. С. Лебедев: «Современная Энгельсу наука о первобытности приняла положение о закономерном эволюционном соотношении различных общественных структур, об исторически обусловленном сосуществовании обществ, находящихся на разных ступенях социального развития, о принципиальном единстве исходных стадий этого развития» [205, с. 122].

Поиски новых идей вели и молодые исследователи. Как известно, первая попытка использования методов марксизма в археологии была предпринята московскими аспирантами В. А. Городцова – А. В. Арциховским, А. Я. Брюсовым, С. В. Киселевым, А. П. Смирновым во второй половине 1920-х гг. [20; 41; 139; 345]. Ученики В. А. Городцова посещали семинары историка-марксиста В. М. Фриче по социологии и подготовили самостоятельные докла-

ды на основе археологических источников в духе социологизаторства. С. В. Киселев выступил на одном из заседаний с докладом «Поселение». За теоретическую основу своих разработок он взял тезис В. А. Городцова: «Орудия труда являются настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед к большему совершенству. Отсюда можно сделать вывод, что улучшения форм орудий труда является положительным признаком улучшения всего быта, улучшения в приготовлении жилищ, одежды, пищи, а все это тесно связывается с усовершенствованием разума и культивированием всей духовной деятельности вообще» [69, с. 148]. Этот тезис как нельзя лучше, по мнению исследователя, подтверждал положение К. Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [139, с. 35]. Несмотря на то, что работа «Поселение» носила социологический характер, она имела положительное значение. Это была первая обобщающая сводка в России по вопросу развития поселений в истории человечества, правда, достаточно схематичная. С. В. Киселев проследил развитие поселений от самых ранних видов жилищ бродячих охотников до появления городов, исходя из следующих принципов: тип поселения, природно-климатические условия проживания, наличие определенного орудийного набора, характер хозяйственной деятельности людей, количество проживающих и характер отношений между ними [139]. Главный вывод изысканий С. В. Киселева подтверждал положение В. А. Городцова и сводился к тезису о том, что тип поселения связан с совершенствованием земледельческой техники и зависит от социально-экономических изменений [139, с. 63].

В 1929 г. А. В. Арциховский от имени своих молодых коллег выступил с докладом о новых методах в археологии. Предложенный ими «метод восхождения» предполагал реконструкцию истории древних обществ на основании орудий труда, которые приравнивались к производительным силам. По-марксистки, от уровня развития производительных сил (правда, очень суживая это понятие до орудий труда) они переходили к воссозданию производственных отношений, а затем – к характеристике общественно-экономической формации в целом. [21]. После доклада А. В. Арциховского дискуссия разгорелась вокруг предмета археологии, а ос-

новой теме доклада – новому методу «марксистской археологии», «методу восхождения» их старшие коллеги уделили незначительное внимание. Группа же молодых ученых пыталась рассмотреть археологию как историческую науку и видела главную задачу археологии в «восстановлении по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций», в добывании «материала для социологических обобщений» [21, с. 136].

Кроме того, следует заметить, что в дискуссиях 1929–1933 гг. мы наблюдаем не только отрицание археологии как самостоятельной науки и ее замену историей материальной культуры, но и, начиная с 1930-х гг., резкую критику всех теоретических основ прошлой дореволюционной науки. Только в одной статье авторов нового метода – А. В. Арциховского, С. В. Киселева, А. П. Смирнова «Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» были резкие нападки на позиции эволюционистов, на палеоэтнологию и этнологию, однозначное причисление феномена миграций к великодержавному шовинизму [23, с. 47]. В начале 1930-х гг. уже ярко обозначается тенденция к единомыслию в науке. Всем ученым необходимо было либо принять новую методологическую основу – марксизм, или перейти в стан «врагов». В 1931 г. заместитель председателя ГАИМК С. Н. Быковский писал: «Для тех, кто марксистки мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснение и убеждение» [43, с. 20]. Конечно, такая резкая реакция на многообразие научных концепций была не только и не столько инициативой отдельных исследователей. Такова была позиция руководства государства, стремившегося к установлению тоталитарного режима, а для этого необходимо было первоначально подготовить общественное сознание и, в первую очередь, насадить единомыслие среди ученых, чем и занималось государство как тоталитарная система в 1930-е гг. Многие неугодные режиму были подвергнуты репрессиям.

Ученики В. А. Городцова быстро почувствовали надвигающуюся угрозу. Поэтому, после признания археологии «буржуазной вещеведческой наукой», не имеющей самостоятельного значения, авторам нового, марксистского метода пришлось отречься от него [23, с. 46–48]. Не существует археологии как самостоятельной нау-

ки, не может быть и марксистского метода восхождения в археологии.

В целом внедрение марксизма в науку шло очень поспешно, не естественным путем в ходе дискуссий и споров со сторонниками старых теоретических позиций, а с помощью идеологического диктата и в очень короткий срок. Несмотря на старания молодых археологов овладеть марксизмом, теоретического осмысления этого учения не произошло, не было дано его научной оценки. Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина изучались без критики, так как любое высказывание классиков марксизма было возведено в ранг непреложной истины, требующей от археологов только конкретных примеров, подтверждающих ее. На наш взгляд, также необходимо учитывать и то, что в России в целом и в Сибири, в частности, шло накопление источниковой базы по археологии. Перед археологами ставилась задача написания истории древних обществ, а археологический материал не позволял выйти на уровень широких исторических интерпретаций. Поэтому все ограничивалось цитированием, в первую очередь, труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и некоторых других работ классиков марксизма.

Одним из первых исследователей в сибирской археологии, который пытался на археологическом материале написать древнюю историю Южной Сибири с позиций марксизма, был С. В. Киселев. В 1933 г. выходит его работа «Разложение рода и феодализма на Енисее», охватывающая огромный период – от раннего бронзового века и до колонизации русскими Минусинского края [141]. В этой брошюре использована классификация культур С. А. Теплоухова и схема развития родового общества Ф. Энгельса.

Безусловно, работа грешит схематизмом. Многие положения просто постулированы без доказательств, или вместо подтверждения постулатов археологическим материалом приводилась цитата классика марксизма. Наряду с общими замечаниями можно выделить и частные. Желая подчеркнуть роль первого общественного разделения труда для развития хозяйства и общества древности, С. В. Киселев подстраивает небольшой по объему археологический материал под схему Ф. Энгельса и голословно утверждает об отделении афанасьевских скотоводов «... от остальной массы варва-

ров». Руководствуясь «теорией стадиальности», С. В. Киселев отказался от признания миграций в историческом процессе. Это привело его к прослеживанию автохтонного развития общества на всем протяжении древней и средневековой истории в Минусинском крае в целом и к отрицанию «колониационного движения» с запада на Енисей в андроновское время в частности [141, с. 10–11]. Исследователь пытался, сообразно теории исторического материализма, проследить взаимосвязь производительных сил и производственных отношений. Явно, сущность этой взаимосвязи ему самому не всегда была ясна, так как, по мнению С. В. Киселева, «... земледелие распространилось на Енисее при определенных социально-хозяйственных условиях, в результате противоречивого развития скотоводческого рода, который, в итоге роста своих производительных сил (стада в первую очередь), породил условия, воспрепятствовавшие дальнейшему развитию этих сил в прежней форме. При этом становится ясным, почему земледелие здесь широко применяется уже в значительно развитом виде: только в этом виде – мотыжно-поливной системе – оно могло внести существенный корректив в базис енисейских родов в начале I тысячелетия до н. э. в целом ряде случаев в моменты, похожие на рассматриваемый, скотоводы, не переходя к более интенсивному земледельческому производству, стремились ликвидировать противоречия на старой хозяйственной базе, расширяя ее путем привлечения «первого рабского труда, труда военнопленных» [141, с. 17–18]. Недостатки этой работы не ограничиваются сделанными замечаниями. Но к статье С. В. Киселева необходимо подходить не с позиций сегодняшнего дня, а анализируя ситуацию тех лет. В целом это была первая попытка реконструкции экономики и общества Минусинского края в эпохи древности и средневековья на основе археологических данных. Впервые на основе археологических источников Сибири ставились задачи: проследить изменения родовой организации от материнского рода к патриархальным отношениям, выяснить основные отрасли хозяйства в различные эпохи и проследить пути их изменения. С. В. Киселев, применяя метод исторического материализма, определил, какое отражение в обществе нашли изменения в экономике. Исторические реконструкции ученого говорили больше, чем позволял археологический материал. Но в тех

положениях, где не нужно было пользоваться марксистскими штампами, были высказаны здравые суждения, нашедшие подтверждения в будущем, например об отражении земледельческих культов в мировоззрении и искусстве андроновцев [141, с. 10]. С. В. Киселевым были также предприняты попытки проследить развитие ремесел и выделить отдельные производства. Им была поставлена проблема имущественной и социальной дифференциации древнего населения, проживающего по берегам Енисея, выяснено, что погребения эпохи бронзы являлись кладбищами отдельных родовых групп, в тагарскую эпоху происходит переход к семейным захоронениям [141, с. 9–21] и некоторые другие положения.

В результате многолетней работы Саяно-Алтайской экспедиции была значительно увеличена источниковедческая база и С. В. Киселев, имея опыт, пусть не всегда положительный в интерпретации археологического материала, смог написать свой главный труд «Древняя история Южной Сибири» [160; 162], где сумел избежать многих догм и ошибок, допущенных в работе 1933 г.

В 1930-е гг. вышли еще две работы, написанные с позиций марксизма, – книга В. Г. Карцова «Народы Сибири» [132] и брошюра В. П. Левашевой «Из далекого прошлого южной части Красноярского края» [206]. Первая публикация представляла собою очерки прошлого, содержащие обзор археологических памятников Сибири от палеолита до XVII в., при этом автор использовал все известные материалы Саяно-Алтайского региона. Вторая работа написана на основе археологического материала, хранящегося в Минусинском музее, и также освещает огромный период от эпохи палеолита до XVII в. Книга В. Г. Карцова носит просветительский характер и знакомит читателя с историей Южной Сибири на новом археологическом материале и при умелом его использовании в качестве исторического источника. Работа В. П. Левашевой также направлена на популяризацию истории своего края. Авторы обеих работ не избежали схем Энгельса, что характерно в 1930-е гг. для многих публикаций по древней истории. Тем не менее исследователям необходимо было вводить в научный оборот новые материалы, и они использовали существующие правила игры. ГАИМКом была поставлена задача привнесения историзма в археологию, и исследователи ее выполняли, заодно и приобретали опыт написа-

ния истории на основе археологических источников, пусть и не всегда положительный. В. П. Левашева, исходя из научных знаний той поры и собственных исследований [167; 177, с. 127–143], представила всю историю юга Красноярского края в качестве трех периодов: каменного, медно-бронзового и железного. Каменный век, в свою очередь, был поделен на палеолит (15–10 тыс. лет тому назад), неолит (8–4 тыс. лет тому назад) и переходный этап от неолита к эпохе бронзы – афанасьевская культура (2 тыс. до н. э.). Медно-бронзовая эпоха включала андроновскую культуру (середина 2 тыс. до н. э.), карасукскую культуру (начало 1 тыс. до н. э.) и переходную от бронзы к железу – тагарскую культуру (VII в. до н. э. – II в. н. э.). Эпоха раннего железа была датирована В. П. Левашевой II–VII вв. Далее она предлагала рассматривать хакасское государство как единый период существования средневековых памятников VII–XIII вв. и отдельно выделяла кыргызские (хакасские) княжества XIII–XVII вв. [206]. Таким образом, исследовательница пересмотрела ряд этапов периодизации С. А. Теплоухова. В работе давалась краткая характеристика уровня развития хозяйства и общества каждого периода. Те периоды, которые были представлены погребальными памятниками, снабжались описанием обряда погребения и инвентаря. Итак, можно отметить, что исследователи археологии Сибири не останавливались только на исторической составляющей и известных археологических материалах, а вводили в научный оборот данные собственных изысканий.

При анализе работ 1930-х гг. необходимо учитывать следующий факт. Если во второй половине 1920-х гг. молодые сотрудники РАНИОН пытались внедрить марксизм в археологию, то после дискуссии начала 1930-х гг. и решения Всероссийского археолого-этнографического совещания 1932 г. об упразднении археологии как самостоятельной и даже как вспомогательной науки [44, с. 7–11], официально стали применять марксистские методы к древней истории. В целом использование марксистских методов в археологии в дальнейшем происходило в русле развития отечественной исторической науки. Однако, как будет показано ниже, не все археологи-сибиреведы использовали марксистскую риторику и догмы исторического материализма.

Безусловно, после официального признания ненужности археологии, она как наука сильно пострадала. А. А. Формозов отмечал: «Прекратились публикации результатов раскопок. Резко упала отчетность об археологических исследованиях. За начало 30-х годов в архивах Института археологии АН СССР почти нет полноценных отчетов. Есть лишь отписки в 2–3 странички, в которых, как правило, говорится приблизительно следующее: изучались памятники архаической формации, свидетельствующие о разложении родового строя. Археологам навязывались заранее составленные выводы, избавлявшие их тем самым от кропотливой полевой и камеральной работы. А поскольку многие приходят в археологию ради романтики полевых исследований, а не ради скрупулезного анализа результатов раскопок, то опасная тенденция нашла свое развитие» [387, с. 78].

Тем не менее на полевые исследования запрет наложен не был. В 1930-е гг. они продолжались как по всей стране, так и в Сибири, но велись, главным образом, исследователями из центра. Из археологов-профессионалов, занимающихся изучением археологии Сибири, писали и публиковали свои статьи в этот период в основном С. В. Киселев, Г. П. Сосновский, А. П. Окладников, М. П. Грязнов, которые по-разному относились к установкам марксизма, принятого отечественной наукой. В целом же в Сибири прослеживается общая тенденция, характерная для всей страны: практически все работы, вышедшие в 1930-е гг. и посвященные социально-экономическим вопросам древней истории, несли на себе отпечаток социологии, схематизма и вульгарного историзма [22; 42; 119; 132; 141; 197; 206; 382]. При мощном давлении тоталитарного режима, без свободного выражения различных точек зрения и научной дискуссии трудно было бы ожидать иного результата. Попытка быстрого и решительного внедрения марксизма в историческую науку часто заставляла ученых братья за задачи, неразрешимые в тот период времени, например попытки исторических реконструкций в археологии. Ставить такие задачи было необходимо, но решить их на незначительном археологическом материале было невозможно. На наш взгляд, это задача сегодняшнего дня.

Таким образом, марксизм в сибирскую археологию 1930-х гг. проник в виде теории стадильности и цитат из классиков марксиз-

ма. Ученым приходилось много говорить о марксизме, но мыслить марксистскими категориями они не умели, да и археологические материалы особо не давали пищи для таких размышлений. Работы, написанные в 1930-е гг., имели и положительное значение, так как в них впервые ставились задачи широких исторических реконструкций на основе археологических источников. При использовании археологами нового для них учения, в какой-то мере и отрицательный результат имел положительное значение для будущих исследований. Извращенность некоторых идей исторического материализма была так ярко видна, что это позволило в последующие годы избежать грубых ошибок, допущенных в публикациях 1930-х гг. [162; 256]. В 1940–1950-е гг. в трудах археологов-сибиреведов уже не наблюдается идей «вульгарного марксизма», схематизма и социологизаторства. В начале 1940-х гг. активно археологией начинает заниматься В. Н. Чернецов, в конце 1940-е гг. – С. И. Руденко, чьи взгляды никогда не были ориентированы на марксизм.

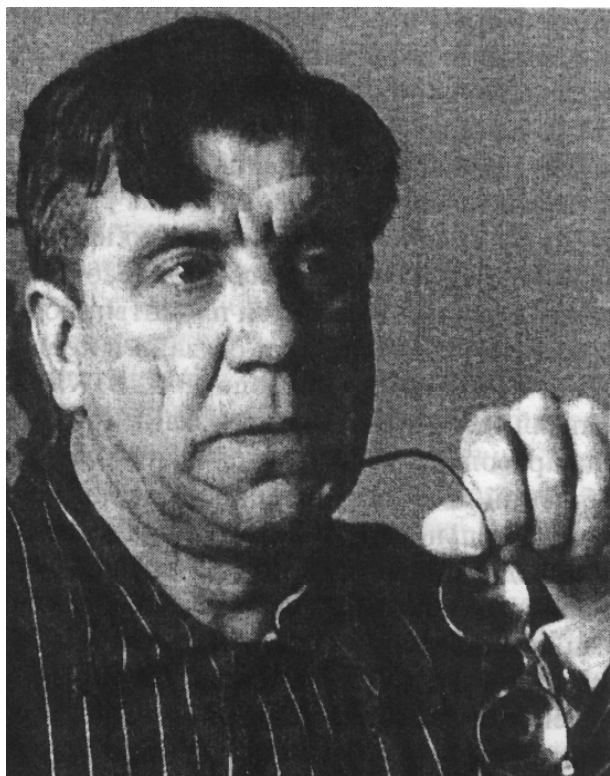
Общее складывается из частного, и поэтому для воссоздания цельной картины развития науки, определения тенденций ее развития полезно обратиться к творчеству ведущих ученых 1930-х – 1950-х гг., которые своими изысканиями и теоретическими разработками определили многие направления развития современной сибирской археологии.

5.3. Взгляды С. В. Киселева на исторический процесс в древности

Главным районом исследований Сергея Владимировича Киселева (1905–1962) – одного из корифеев и крупных организаторов советской археологии, была территория Южной Сибири, в изучении археологических памятников которой он открыл новую страницу. Им была пересмотрена и методология использования археологических источников.

С. В. Киселев родился под Москвой, в Мытищах в семье техника вагоностроительного завода и домашней учительницы. В 1915 г. он был зачислен во 2-ю Московскую гимназию, одну из лучших в городе, отличавшуюся демократизмом и особым вниманием к гуманитарным наукам. И не удивительно, что уже в школь-

ные годы у С. В. Киселева появилась склонность к истории [232, с. 11].

**Сергей Владимирович
Киселев (1905–1962)**

«Древние сосуды эпохи бронзы и железа из собрания ГИМ», после окончания МГУ – диссертацию. В 1926 г. Сергей Владимирович был принят в аспирантуру научно-исследовательского института археологии и искусствоведения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В. А. Городцов – признанный к тому времени мэтр молодой советской археологии: председатель Археологического отдела Главнауки, руководитель Московского археологического института и археологического отдела Института археологии и искусствоведения РАНИОН. Его опубликованные курсы лекций «Первобытная археология» [67] и «Бытовая археология» [68], «Археология. Т. 1. Каменный период» [69] были настольными книгами для подготовки археологов. По мнению Г. С. Лебедева, «в систематическом виде В. А. Городцов ... дал первую в русской научной литературе развернутую “археологическую версию” мирового культурно-исторического процесса, в котором вполне определенное место нашли основные археологические культуры, к тому времени выде-

В 1923 г. С. В. Киселев поступил в Московский государственный университет на историко-археологическое отделение факультета общественных наук [202, с. 7]. Большое влияние на формирование будущего исследователя оказали такие известные ученые-историки, как Ю. В. Готье, Д. М. Петрушевский, С. В. Бахрушин. Но главное воздействие в формировании взглядов С. В. Киселева имели идеи его научного руководителя, выдающегося русского ученого В. А. Городцова [201, с. 20].

С. В. Киселев под его руководством писал дипломную работу

ленные на территории Российского государства и получившие обобщенные, но принципиально в основном верные характеристики» [205, с. 254–255]. Он разработал типологический метод в археологии, основанный на «естественно-историческом видовом методе», с четким делением археологических материалов на категории, группы, отделы и типы [70, с. 3–6]. Значение деятельности ученого было велико. А. Д. Пряхин связывает с его именем первую попытку в отечественной науке представить археологию в качестве дисциплины, имеющей свою теорию и функции [279, с. 57]. Н. И. Платонова отмечает «глубинное родство концепции В. А. Городцова с социологическим подходом классиков позитивизма», что «облегчило восприятие его учениками марксизма» и социологического подхода [275, с. 209]. Ученики В. А. Городцова, работающие в Сибири, следовали типологическому методу учителя. Особенно ярко это проявилось в исследованиях В. П. Левашевой [167], развивал его идеи и С. В. Киселев. Как было отмечено выше, ученики В. А. Городцова посещали семинары историка-марксиста В. М. Фриче по социологии и выступали с собственными разработками, которые грешили социологизмом и схематизмом. Таким образом, к периоду самостоятельных археологических исследований С. В. Киселев был вооружен марксистскими взглядами.

В Сибирь С. В. Киселев тоже поехал по рекомендации своего учителя В. А. Городцова, который проводил в жизнь идею сплошного археологического обследования страны и в первую очередь малоизученных регионов. Будучи аспирантом, С. В. Киселев в 1928 г. на свои средства отправился в Минусинский район. В то время Общество изучения Сибири поставило перед сибирскими музеями задачу планомерного регионального описания археологических памятников с целью их системной регистрации, составления карт расположения и охраны от разрушений. Для проведения этой работы Минусинский музей пригласил С. В. Киселева [111, с. 34–39; 114, с. 240–242]. Результатом разведки по трем маршрутам стало обнаружение 17 курганов афанасьевской культуры, около 500 карасукских могил, 945 тагарских курганов и других памятников. Была предпринята попытка изучения Шалаболинских петроглифов, а также выяснено, что наибольшее количество памятников расположено вдоль рек, где разновременные погребения соседст-

вуют друг с другом, степные же пространства заняты исключительно тагарскими курганами. Исследования были продолжены в 1929 г. [140]. В 1930 г. С. В. Киселев по материалам своих изысканий в Минусинской котловине защищает кандидатскую диссертацию «Минусинский неометалл» и его зачисляют в штат отдела феодализма ГИМ и сектора археологии Института археологии и искусствознания, а в 1932 г. он был назначен ученым секретарем Московского отделения ГАИМК.

После первой поездки в Сибирь С. В. Киселев ежегодно в течение 12 лет исследовал археологические памятники Саяно-Алтайского нагорья (1928–1929 гг. – Минусинская экспедиция; 1930–1932, 1934–1940 гг. – Саяно-Алтайская экспедиция). В его работе активное участие принимала жена и соратница Л. А. Евтюхова. Планомерными и систематическими исследованиями С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой была создана огромная источниковая база по археологии и древней истории Южной Сибири от энеолита до средневековья, несоизмеримая по количеству с предшествующей работой отдельных археологов. Сотрудники Саяно-Алтайской экспедиции зафиксировали более 6000 памятников бронзового и железного веков, более 400 из которых тщательно исследовали. Центральные (ГИМ и ГЭ) и сибирские (Минусинский, Бийский, Горно-Алтайский) музеи впервые получили массовые археологические материалы из погребальных комплексов, классифицированных типологически и хронологически. Особенно много было получено сведений о памятниках карасукской культуры, раннего железного века и средневековья [170; 175]. В исследованиях он использовал классификацию культур, созданную С. А. Теплоуховым, тем не менее собранный им материал позволил во многих случаях дополнить работу последнего, наполнить отдельные хронологические периоды древней истории Южной Сибири новым содержанием. С. В. Киселев создал типологии инвентаря и классификации памятников по отдельным археологическим культурам. Итогом многолетних работ стала фундаментальная монография «Древняя история Южной Сибири», блестяще защищенная в 1946 г. в качестве докторской диссертации. В 1947 г. данный труд был удостоен Ломоносовской, а в 1949 г. – Государственной премии [202, с. 9; 231, с. 120]. Поэтому сегодня несколько странно читать о том, что «Использование

С. В. Киселевым практически в неизменном виде разработок других ученых вполне закономерно, поскольку его работа «Древняя история Южной Сибири» носила преимущественно обзорный и обобщающий характер» [54, с. 138].

Древнюю историю Южной Сибири С. В. Киселев представлял как три больших периода: древность, гунно-сарматское время и сложение государств. Каждый из периодов разделен на эпохи: древность – южносибирский неолит, афанасьевская эпоха, андроновская эпоха, карасукская эпоха, тагарская эпоха; гунно-сарматское время – пазырыкская эпоха Алтая и таштыкская эпоха на Енисее; сложение государств – Алтай в V–X вв. н. э. и енисейские кыргызы (хакасы). Термин «археологическая культура» он использует наряду с термином «эпоха», но последний считает предпочтительней. Употребление термина «эпоха» взамен термина «археологическая культура» характерно для исторических дисциплин 1930–1950-х гг. и связано с критикой дореволюционной российской науки. «Эпохи характеризуют развитие существовавших сообществ людей в определенных социально-экономических условиях и обстановке, сложившейся в данное время и в данном месте» – отмечал С. В. Киселев [162, с. 4]. Автор монографии в каждой из эпох наряду с описанием археологических материалов давал характеристику хозяйства и общества той поры. Вся историческая часть работы написана с позиций марксизма. Однако фундаментальный труд представляет не только историографический интерес, С. В. Киселевым были высказаны ряд принципиальных соображений, которые стали отправной точкой для дальнейших исследований.

С. В. Киселев впервые остро поставил вопрос о южносибирском неолите, о поисках неолитических памятников в Минусинской котловине [162, с. 13–22]. Он создал более широкое представление об афанасьевской культуре, ее происхождении и связях. С. В. Киселев считал, что она сформировалась на основе местной позднеолитической культуры, но при этом имела связи с юго-западом, с энеолитом Средней Азии времен Анау и Суз [146; 159; 162, с. 59]. Исследователь отмечал, что в афанасьевскую эпоху при ведущей роли охоты и рыболовства было положено начало занятию скотоводством [162, с. 45–49].

По мнению С. В. Киселева, андроновские памятники представляли новый этап развития общества в Сибири, при котором основой хозяйства было земледелие. Исследователь полагал, что в андроновскую эпоху нужно говорить не о простом «проникновении на Енисей уже сложившихся где-то на неопределенном западе андроновцев, а широком внедрении на всем пространстве от Енисея до Урала новых, очевидно родственных между собою, этнических групп». С. А. Киселев нашел более широкие аналогии андроновским находкам в Хорезме, Семиречьи, Иссык-Куле. Он развивал идею С. А. Теплоухова о связях между андроновскими и срубными памятниками. Исследователь датировал начало распространения андроновских памятников – XVII–XVI вв. до н. э. [142; 150; 162, с. 99–105].

Массовый археологический материал был получен С. В. Киселевым по карасукской культуре. Ее происхождение он ошибочно связывал с Северным Китаем. С. В. Киселев отмечал увеличение численности населения в карасукскую эпоху, археологически выразившееся в кладбищах от ста и более могил. Он считал причиной роста населения совершенствование производства и распространение стадного скотоводства. С. В. Киселев предложил датировать памятники карасукской культуры XII–VII вв. до н. э. [147; 148; 162, с. 106–183].

С. В. Киселевым была дана своя периодизация минусинской курганной культуры, которая получила название тагарской, а первоначальные даты отличались от датировок С. А. Теплоухова. Первая стадия датировалась X–VII вв. до н. э., вторая – VII–IV вв. до н. э., третья – III в. до н. э. – рубежом нашей эры [138]. В последующем С. В. Киселев пересмотрел свою точку зрения на хронологию тагарской культуры и определил ее хронологические рамки: VII в. до н. э. – рубеж нашей эры [162, с. 184–286]. Современные радиоуглеродные методы датирования снова позволяют удревнить начальную фазу тагарской культуры до X–IX вв. до н. э. [115, с. 93–216]. В то же время многочисленные раскопки тагарских погребений дали возможность С. В. Киселеву говорить о сосуществовании четырех основных типов тагарских курганов [162, с. 199], выделенных С. А. Теплоуховым [373, с. 47]. Исследователь открыл тагарское поселение у с. Усть-Ерба и описал жилища древнего населе-

ния, используя в качестве дополнительного исторического источника наскальные изображения Боярской писаницы. Он пришел к выводу, что «поселки, состоящие из отдельных домиков, как бы соответствуют могильникам из нескольких десятков семейных курганов». Исследователь определил в качестве основных отраслей производства в тагарскую эпоху мотыжное земледелие с остатками древних оросительных систем, скотоводство и меднолитейное ремесло с развитой специализацией [162, с. 251–258].

С. В. Киселев, развивая идеи С. А. Теплоухова, отмечал, с одной стороны, между тагарской и таштыкской культурами теснейшую генетическую связь, основанную на сходстве погребального обряда и инвентаря [162, с. 284, 466], а с другой – указывал на большие изменения, произошедшие в этническом составе населения в таштыкскую эпоху, связанные с проникновением монголоидных элементов на Средний Енисей [162, с. 472–474]. Спорные моменты исследователь усматривал при анализе таштыкских погребений. Так, таштыкские грунтовые могилы и могилы с насыпями и каменными кольцевыми кладками С. А. Теплоухов считал разновременными [373, с. 50–51]. С. В. Киселев при анализе более многочисленного материала пришел к выводу, что эта разница не хронологическая, а социальная. В грунтовых могилах хоронили рядовое население, а в склепах – богатую аристократию, военную знать [149, с. 250, 162, с. 409]. Одновременное существование грунтовых таштыкских могил и погребений с масками в каменных кольцах Киселев подтверждал и находками с Лугавской стоянки, где в одном слое были обнаружены керамика, типичная для грунтовых таштыкских могил, и заготовка костяного резака, характерная для таштыкских склепов с масками [161, с. 89–90]. В современных исследованиях Э. Б. Вадецкая поддерживает точку зрения С. А. Теплоухова о разной хронологии этих двух типов памятников и считает, что «грунтовые могильники и могильники со склепами объединяются в единую культуру... условно» [48, с. 65–75, 121–128]. Впервые С. В. Киселев дал характеристику таштыкских погребальных масок [144], указал местоположение их в склепах [160, с. 251]. Э. Б. Вадецкая отмечает, что в науке она надолго закрепилась, поскольку была основана на источниковедческом анализе и выглядела убедительной [49, с. 233]. Л. А. Евтюхова впервые развернуто

охарактеризовала таштыкские и кыргызские каменные курганы на Енисее [116]. На основании найденных Саяно-Алтайской экспедицией материалов были установлены хронологические рамки таштыкской культуры – II в. до н. э. – V в. н. э. [118, с. 21]. Позже С. В. Киселев, используя аналогии с ноин-улинскими, хуннскими и сарматскими материалами, начало таштыкской эпохи определил I в. до н. э. – началом н. э., при этом констатируя, что «вопрос о длительности таштыкской эпохи едва ли может получить сейчас полное и уточненное разрешение». Однако следующий этап – кыргызская культура – по его мнению, окончательно сложилась к VII–VIII вв. н. э. Таким образом, исследователь предполагал, что смена культур произошла в V–VI вв. [162, с. 466–468, 566]. Он определил принадлежность таштыкских памятников к широкому кругу хунно-сарматских культур Сибири и Центральной Азии [162, с. 325, 478].

В Хакасско-Минусинском районе С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой были открыты и изучены ставшие «опорными» кыргызские погребения у с. Малые Копены, у с. Тесь, Уйбатский чаатас, кыргызское поселение у с. Малые Копены и др. Впервые Киселевым была поставлена задача изучения процесса формирования у енисейских кыргызов (хакасов) классового строя и государства.

С. В. Киселев детально разработал проблему происхождения культуры енисейских кыргызов. Он развил идею С. А. Теплоухова о тесной связи между таштыкской и древнекыргызской культурами, основанной на обряде трупосожжения: «Обряд погребения, аналогии в керамике и погребальных сооружениях с более ранними таштыкскими заставляют предполагать, что обнаруженные нами погребения, являясь поздне-таштыкскими, по-видимому, относятся ко времени до V в., и в них мы находим, наконец, связь между классическим «таштыком» и эпохой каменных курганов, культурой тюркских племен, объединенных в орхонских памятниках именем «кыргыз» [149, с. 250; 155, с. 306–308]. Параллельно с изучением богатых таштыкских погребений впервые произведены обширные раскопки крупных курганов кыргызской знати. Значительное количество раскопанных древнехакасских курганов показало, что ритуал и конструкция погребальных сооружений непосредственно продолжают таштыкские традиции. Доказательство преемственности между пышными погребениями таштыкской родовой аристократии и

богатыми могилами кыргызов С. В. Киселев видел и в инвентаре [152, с. 256].

В результате исследования могильников типа чаа-тас было создано обширное собрание источников по наименее изученному периоду истории Минусинского края (I тыс. н. э.), когда, по мнению С. В. Киселева, шло формирование хакасского этноса [155, с. 306–308]. Он пришел к выводу, что таштыкская культура послужила основой для сложения древнехакасской (кыргызской) культуры. Полученные результаты, с одной стороны, позволили С. В. Киселеву опровергнуть давно бытовавшую точку зрения об обособленности развития Минусинского края и провести параллели в историческом развитии отдельных регионов (Саяны, Алтай, Монголия), с другой стороны, подкрепили тезис об автохтонности основной массы хакасского народа [162, с. 559–635]. Исследователь пересмотрел предложенную С. А. Теплоуховым датировку памятников чаа-тас (V–VII вв.), и отнес их к VI–VIII вв. [162, с. 566, 577–587, 599].

С. В. Киселевым впервые в отечественной археологии была дана подробная характеристика хозяйства енисейских кыргызов, в котором сочетались различные виды занятий: скотоводство, земледелие, ремесло, торговля [162, с. 568–593], таким образом, исследователь характеризовал его комплексность. Торговым связям енисейских кыргызов он посвятил специальную статью, в которой отметил, что крепнущая связь металлообрабатывающих ремесел с обменом делала их самостоятельной и очень важной отраслью хозяйства [157, с. 94]. С. В. Киселев не просто зафиксировал разнообразие хозяйственных занятий аборигенов Южной Сибири в зависимости от природного окружения, но его «Древняя история» – «это первая работа, в которой дается качественная оценка различных культурно-хозяйственных типов в пределах севера Центральной Азии и Южной Сибири» [333, с. 43–44]. Впервые С. В. Киселев, синтезируя археологические и исторические источники, восстановил картину общественного и государственного строя кыргызов, при котором народ еще не находился в полной зависимости от представителей аристократии [156]. Если В. В. Радлов отождествлял «эль» с народом, то С. В. Киселев считал, что «эль» – организация степной аристократии, возглавляемая каганом кыргызов [162,

с. 593–596]. Отдельные главы работы посвящены духовной культуре кыргызов [162, с. 604–635].

С. В. Киселев перевел и опубликовал древнетюркские надписи, хранящиеся в Минусинском музее, за что получил отрицательную рецензию А. Н. Бернштама [153; 33].

Д. Г. Савинов отмечает, что С. В. Киселев первым поставил «вопрос о близости культуры енисейских кыргызов IX–X вв. и еще малоисследованных тогда материалов Северного Алтая, известных, главным образом, по раскопкам у с. Сростки (сросткинская культура)» [330, с. 136].

Исследования С. В. Киселева на Алтае дали возможность представить древнее прошлое региона от эпохи энеолита до средневековья включительно. Фактом исключительной научной значимости оказались раскопки семи афанасьевских курганов в окрестностях с. Курота на Алтае. Нижний культурный пласт бронзовой эпохи на Алтае был изучен крайне слабо, и раскопки С. В. Киселева помогли восполнить этот пробел. Исследователь выявил генетическую связь между афанасьевской и андроновской культурами Алтая. Особенности карасукских погребений Алтая свидетельствовали, по его мнению, о более тесной связи с андроновским прошлым, чем это было зафиксировано на Енисее. В результате ученый сделал предположение о том, что на Алтае, в противоположность Минусинской котловине, осталось господствующим старое андроновское население [162, с. 91, 156].

С. В. Киселев поддержал оценку М. П. Грязновым майэмирского этапа как особого в древней истории алтайских племен, но предложил выделить майэмирскую культуру, состоящую из двух стадий. Для первой стадии (VII–VI вв. до н. э.) характерны формы инвентаря, близкие древнетагарским, погребения с конем и отсутствие железа [158, с. 160; 162, с. 291]. Ко второй стадии (V–IV вв. до н. э.) Киселев отнес находки у с. Туэкта и Вавилонка, изготовленные из железа, и отметил проникновение из Тувы и Монголии новых этнических групп, характеризующихся монголоидными чертами [158, с. 169–171; 162, с. 300–301]. С. В. Киселев отрицал одновременность памятников второй стадии майэмирской культуры и пазырыкских памятников (V–III вв. до н. э.) периодизации М. П. Грязнова. Ряд памятников, таких, как Пазырык-I, Катанда,

Берель, Шибе, датированных С. И. Руденко (V–IV вв. до н. э.) и М. П. Грязновым скифским временем, С. В. Киселев ошибочно отнес к гунно-сарматскому времени (III–I вв. до н. э.) [151, с. 237; 162, с. 327–392]. Датировку этих памятников исследователь обосновывал аналогиями Аму-Дарьинскому кладу, хуннским, сарматским, таштыкским и ханьским находкам [162, с. 389–392]. По поводу точного времени сооружения курганов Пазырыкской группы до сих пор ведутся дискуссии [217; 219; 420], а современные методики датирования археологических памятников несколько сближают точки зрения оппонентов. Согласование данных радиоуглеродного анализа с калибровочной кривой, использование дендроопределений дает дату сооружения курганов Пазырык-I, II – около 300 г. до н. э. [115, с. 64–92].

С 1934 г. С. В. Киселев исследовал древнетюркские оградки с изваяниями в урочище Кулада на р. Каракол [143, с. 98]. Одной из самых масштабных была программа работ на Чуйском тракте в 1935 г. [145, с. 282–284; 154, с. 298–304]. С. В. Киселев, как и С. А. Теплоухов, обращал внимание на природно-климатические условия проживания древних людей, поэтому им была выбрана в качестве района раскопок Курайская степь. Широкие работы в долине среднего течения р. Чуи были предприняты в связи с тем, что в этой благоприятной в природном отношении местности имелись большие возможности для экстенсивного скотоводства в древности и средневековье. Район был богат самыми разнообразными археологическими памятниками и пересечен в ряде мест древними оросительными каналами. С. В. Киселев полагал, что эта территория была более связана с югом, со степями верхней Чуи, смыкающимися со степными пространствами северо-западной Монголии. Изучение связей между Алтаем и центрально-азиатским югом С. В. Киселев считал одной из первоочередных задач отечественной археологии.

После раскопок у с. Туэкта С. В. Киселев пришел к выводу, что древнетюркские курганы различались не столько хронологически, сколько по социальному статусу погребенных. Исследователь предположил, что данная дифференциация сопоставима с традиционным древнетюркским делением на аристократию, свободный вооруженный народ и бесправный слой рабов [151, с. 238; 162,

с. 500–509]. Подобный пример является типичным для социальных построений 1930-х – начала 1950-х гг., но это не умаляет других достоинств работ С. В. Киселева.

Специальная глава монографии посвящена алтайским тюркам. Бедность письменных свидетельств об алтайских тюрках VIII–X вв. увеличивала ценность археологических памятников, исследованных С. В. Киселевым. Он первым выделил 3 хронологические группы погребальных сооружений средневековья на Алтае, провел сравнительный анализ материальной культуры орхонских и алтайских тюрков [162, с. 488–558]. В конечном итоге С. В. Киселев не только ввел в научный оборот новые археологические материалы, полученные им при раскопках, но и произвел одну из первых исторических реконструкций жизни средневековых номадов Южной Сибири.

Последние изыскания С. В. Киселева в Сибири также стали выдающимся открытием. В 1954–1956 гг. он исследовал Большой Салбыкский курган тагарской культуры IV–III вв. до н. э. [163, с. 56–58]. Несмотря на то, что курган оказался разграбленным, монументальность и сложность его конструкции поставили исследователей перед необходимостью пересмотреть имеющиеся знания об уровне развития его создателей.

Вклад С. В. Киселева в изучение памятников бронзового и железного веков Сибири в 1930–1950-е гг. был самым значительным из всех исследований, проводимых в этот период. Обширные новые материалы позволили ему создать первую историко-археологическую периодизацию Южной Сибири. Исследования С. В. Киселева сыграли первостепенную роль в деле накопления источников, их исторической интерпретации и формирования основы для последующего археологического и исторического изучения Сибири, а его фундаментальный труд «Древняя история Южной Сибири» не потеряла своего научного значения до сих пор.

5.4. Г. П. Сосновский: исследования и идеи

Георгий Петрович Сосновский (1899–1941) – незаурядный исследователь, изучавший широкий спектр археологических проблем Северной и Центральной Азии, один из первооткрывателей сибирского палеолита, прожил короткую, но яркую жизнь, к сожалению, несколько забыт современными историографами [169; 180; 183].

Г. П. Сосновский родился в местечке Бежица Брянского уезда Орловской губернии в семье конторского служащего, личного почетного гражданина. Отец до и после революции работал по одной профессии: счетоводом, или бухгалтером. Он не перенес тягот гражданской войны, заболел тифом и умер. О матери известно то, что она после революции трудилась зубным врачом, затем по инвалидности вышла на пенсию.

Среднее образование Г. П. Сосновский получил в Петроградском коммерческом училище в Лесном, где обучался с 1909 г. по 1918 г. В старших классах он увлекся археологией: в 1917–1918 гг. стал работать в качестве добровольного сотрудника в археологическом отделе Музея антропологии и этнографии под руководством Б. Э. Петри, производил археологические разведки, в том числе в 1917 г. обнаружил на берегу Сестрорецкого разлива у Тарховки неолитическую стоянку. Окончание коммерческого училища пришлось на март 1918 г., – на начало гражданской войны в России. В марте 1918 г. войска Антанты высадились в Мурманске, в Петрограде была чрезвычайно тяжелая ситуация. Возможно, крайне опасная обстановка в городе и отсутствие работы подтолкнули Г. П. Сосновского на поездку в Западную Сибирь. Он начал свою трудовую деятельность на Ивановском золотом руднике Ачинского округа в качестве конторского служащего. Видимо, активно проявил себя в общественной жизни, т. к. в мае 1918 г. Г. П. Сосновский был избран в члены Совета рабочих депутатов рудника.

По дороге в Ачинск Г. П. Сосновский познакомился с Н. К. Ауэрбахом, и они запланировали совместные археологические исследования на Енисее летом 1918 г. Однако этой научной поездке не суждено было состояться. Приближение белой армии Колчака, объявление всеобщей мобилизации, в результате которой Г. П. Сосновский был отправлен в Иркутск, отодвинуло совместные изыскания на один год [56, с. 104–105].

В 1919 г. Г. П. Сосновский поселился в Красноярске и устроился работать научно-техническим сотрудником музея Приенисейского края (Красноярского. – Л. К.). Сибирский период жизни и деятельности станет решающим в формировании его как археолога. Он работал под началом доктора Мергарта, учился у Б. Э. Петри, вел совместные исследования с Н. К. Ауэрбахом и В. И. Грозовым.

Интерес Г. П. Сосновского к археологии в годы учебы в Иркутском университете (1920–1926) был углублен и закреплён службой в качестве хранителя археологического отдела Иркутского музея и систематической полевой работой по заданиям Иркутского и Красноярского музеев.

Г. П. Сосновский с особым рвением и энтузиазмом занимался археологией. Основными районами его исследований в годы учебы являлись Прибайкалье, окрестности Красноярска и Минусинский край. Круг интересов Г. П. Сосновского не ограничивался изучением палеолитических памятников. Он исследовал памятники бронзового и раннего железного века. Уже в студенческие годы Сосновский выступает серьезным исследователем. Свою судьбу он связывает только с археологией и стремится к получению универсального образования. Старший товарищ Г. П. Сосновского Н. К. Ауэрбах ходатайствовал о нем перед В. А. Городцовым: «Нравится мне этот молодой человек, фанатик археологии. Ведя полуголодное существование в эти тяжелые годы революции, он не только не бросил любимое дело, но, наоборот, приобрел много знаний, восприняв и от Мергарта и от Петри. Его мечта поработать под Вашим руководством. ... Я знаю, что Вы не откажете Сосновскому и поделитесь с ним своим многолетним опытом, своей колоссальной эрудицией» [177, с. 63–64].

Попасть в аспирантуру к В. А. Городцову не удалось, однако, Г. П. Сосновский в 1926 г. поступил в аспирантуру Антропологиче-

ского института при I МГУ. Его научным руководителем стал Б. С. Жуков, сторонник, как и Б. Э. Петри, палеоэтнологических взглядов. Г.П. Сосновский всегда готов был учиться. Он прослушал в 1926–1927 гг. читаемые на антропологическом отделении МГУ лекции: Б. С. Жукова – курс общей палеоэтнологии и курс палеоэтнологии Восточной Европы, В. В. Бунака – курс общей антропологии, Б. А. Куфтина – курс сравнительного народоведения; присутствовал на проводимых Б.С. Жуковым практических занятиях: на малом и большом палеоэтнологических практикумах. Он готов был получать дополнительные знания в любой форме. Осенью 1926 г. Г. П. Сосновский посещает на музейных курсах, организованных Главнаукой в Москве, цикл лекций Б. С. Жукова по сбору палеоэтнологических материалов и их хранению в музеях. Летом 1927 г. в качестве аспиранта-практиканта он принимал участие в раскопках палеолитической стоянки у с. Супоньева в окрестностях г. Брянска и исследовал стоянки с микролитической индустрией под Ялтой на южном берегу Крыма.

Г. П. Сосновского не устраивала жизнь в Москве, сложные бытовые условия, отсутствие работы и дружеских связей тяготили. Он стремился переехать в Ленинград. Ему помогает в этом П. П. Ефименко, организовав поручительство таких известных археологов, как А. А. Спицын и А. А. Миллер. В результате осенью 1927 г. Сосновский был принят старшим научным сотрудником ГАИМК. К сожалению, аспирантуру он так и не закончил, после двух лет обучения в 1928 г. ушел от Б. С. Жукова.

В ГАИМК перед Г. П. Сосновским открываются новые возможности. В 1928–1929 гг. Монгольской комиссией АН СССР и ГАИМК по инициативе Бурят-Монгольского научного общества и Бурят-Монгольского ученого комитета были организованы археологические работы в Бурятии. Начальником экспедиции был назначен Г. П. Сосновский. Основной задачей экспедиции было общее ознакомление с памятниками прошлого и сбор материала для классификации древних культур Забайкалья. Районом обследования был избран бассейн р. Селенги на территории Верхнеудинского, Троицкосавского и Селенгинского районов Бурят-Монгольской АССР [19, с. 178–180]. За два года работ сотрудники экспедиции проделали путь около 700 км, раскопали 153 погребения, 3 стоянки,

1 древнее укрепление, 1 пещеру и собрали подъемный материал с 15 дюнных стоянок [357, с. 318]. Был получен материал, вносящий много нового в понимание древней истории края. На обследованной территории обнаружены следы пребывания древнего человека в различные времена, начиная от каменного века и до позднего железного века. Особая заслуга Г. П. Сосновского состояла в том, что он установил палеолитический возраст забайкальских находок и открыл тем самым новую область распространения палеолита Северной Азии. Большой интерес представляли находки на берегу р. Селенги: обломков скорлупы яиц страуса, открытие могильника переходного времени от камня к металлу, погребений бронзового периода, впервые выявленных для Забайкалья, новые находки предметов скифского времени, раскопки памятников гуннского времени и могильников средневековья. Также были произведены наблюдения над морфологией могильных сооружений различных типов и прослежено их географическое распространение.

Г. П. Сосновский создал предварительную классификацию погребальных памятников эпохи металла, выделив 2 типа: круглые каменные могилы эпохи бронзы и «плиточные» могилы раннего железного века. «Плиточные» могилы, в свою очередь, исследователь подразделил на 3 вида: 1) могилы с прямоугольной оградой из плит, заметно выступающей над поверхностью земли; по углам более высокие камни – «маяки»; 2) могилы с более низкой четырехугольной оградой, окруженной плоской каменной насыпью (так называемые «прямоугольные могилы»); 3) могилы с плоской каменной насыпью, имеющей вогнутые стороны, с краями, обрамленными невысокими плитами. Угловые камни бывают более крупного размера (так называемые «фигурные могилы») [363, с. 274]. Анализ погребального инвентаря позволил отнести первый вид плиточных могил – к VII–IV вв. до н. э. [361, с. 36] или чуть позже к VI–III вв. до н. э. [363, с. 308]; погребения второго и третьего видов к III–II вв. до н. э. [361, с. 36–40; 363, с. 308].

Кроме того, в 1929 г. Г. П. Сосновским была предпринята поездка в низовья реки Джиды для осмотра мест раскопок Ю. Д. Талько-Гринцевича у Дерестуйских улусов и определения типов могильных сооружений, встречающихся в этом районе. Была произведена разведка и в ряде других мест.

Исследования 1928–1929 гг. позволили уточнить датировку памятников гуннского времени в Забайкалье, выявить черты сходства и различия между погребениями гуннов в различных районах Забайкалья, а также Северной Монголии. Так, Ю. Д. Талько-Гринцевич датировал Дерестуйские погребения V–VI вв. н. э. [366, с. 97–98]. Г. П. Сосновский считал, что время их сооружения – вторая половина I в. до н. э. – первая половина I в. н. э. [355, с. 168–173]. Эту дату подтвердили находки шелковых тканей в погребениях Ильмовой пади, аналогичные китайским тканям эпохи Хань из Ноин-Улы.

Г. П. Сосновский определил этническую принадлежность забайкальских древних кладбищ типа Ильмовой пади (погребения в срубках) как гуннские. Он писал, что «...могилы Ильмовой пади, так же, как и богатые курганы Ноин-Улы, относятся ко времени упадка гуннского племенного союза; они отражают китаизацию верхушки гуннского общества и указывают на широкое проникновение китайских изделий в быт северных кочевников около начала н. э.» [358, с. 24]. Ценный материал был им получен при раскопках Нижне-Иволгинского городища у г. Верхнеудинска (совр. Улан-Удэ). Комплекс вещей с городища оказался идентичен инвентарю гуннских могил в Забайкалье и Северной Монголии. Это дало возможность исследователю датировать его I в. до н. э. – I в. н. э. Материалы поселения позволили судить автору раскопок об уровне жизни населения и развитии хозяйства. Главным занятием жителей Нижней Иволги было скотоводство, промышляли также охотой и рыбной ловлей, прямые доказательства наличия земледелия отсутствовали. Однако, по мнению Г. П. Сосновского, обнаруженные в могилах Ильмовой пади и Ноин-Улы зерна проса косвенно подтверждали наличие земледелия у жителей Нижне-Иволгинского городища. На прочную оседлость его обитателей, считал исследователь, указывали тип постоянных поселений, состав стада с преобладанием малоподвижного крупного рогатого скота, косвенные данные – присутствие среди предметов домашнего инвентаря глиняных сосудов. Анализ материалов поселения позволил Г. П. Сосновскому говорить о широкой обработке продуктов скотоводства (прядение шерсти, выделка кож, изготовление сыра), керамическом производ-

стве, плотничестве, изготовлении костяных изделий, древней металлургии и других ремеслах [353, с. 150–156].

Изучение раскопанных памятников сделало возможным судить об общественном развитии древнего населения Забайкалья. Правда, здесь Г. П. Сосновский не избежал схематизма, характерного для археологии и всей исторической науки 1930-х гг. По сравнению с 1920 гг. несколько изменились его взгляды на роль миграций и культурных влияний. Его высказывания по этому поводу стали более категоричными: «Мы видим, что древнее население на территории Бурятии прошло через те же этапы общественного развития, как и в других местах Евразии, и нет повода утверждать, что миграция и культурные влияния определили развитие общества. Несомненно, это развитие протекало имманентно. Мы здесь имеем с древних времен автохтонное население, которое никуда не уходило, но, развивая свою технику, переходило на более высокий этап своего развития» [357, с. 318–320].

Интересен взгляд Г. П. Сосновского на происхождение звериного стиля. Он считал, что не нужно искать ни географический центр происхождения искусства древних кочевников, ни народ, создавший звериный стиль и распространивший его по Евразии. При общности хозяйственных условий и социально-экономической организации в различных древних обществах, находившихся на одинаковой стадии исторического развития, могли создаваться идентичные формы материальной культуры и близкие представления в идеологии, которые находили свое выражение и в предметах изобразительной деятельности [355, с. 175]. Также Г. П. Сосновский полагал, что изделия, выполненные в «зверином стиле», нужно рассматривать не как предметы чистого искусства, а изучать их сложную семантику. Являясь принадлежностью погребального ритуала, они имели магическое значение, отражали мировоззрение древнего населения и социальную среду возникновения [355, с. 175]. Сейчас подобный взгляд на предметы звериного стиля является общепринятым.

Г. П. Сосновский раньше С. В. Киселева пытался проверить периодизацию культур С. А. Теплоухова. В результате собственных раскопок таштыкской могилы у д. Черновой и изучения материалов раскопок А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова в Северной Монго-

лии, перед ученым встал вопрос о датировании Оглахтинского могильника и других погребений таштыкского типа. По находкам китайских шелковых тканей, гипсовых погребальных масок, железных орудий труда, глазчатых бус и других вещей Г. П. Сосновский отнес эти погребения к I в. до н. э. – I в. н. э. и нашел им аналогии в Северной Монголии, Забайкалье, на Алтае [350, с. 34–39]. Г. П. Сосновский всегда рассматривал археологический материал в качестве исторического источника и, по возможности, пытался восстановить жизнь и быт древнего населения. Так, согласно его мнению, основным занятием населения, оставившего Оглахтинский и другие грунтовые могильники таштыкского типа, было земледелие в соединении со скотоводством при оседлом образе жизни. Ученого интересовал вопрос, что же произошло с полукочевым населением скифского времени? В результате анализа известных материалов Г. П. Сосновский пришел к выводу о сосуществовании земледельцев и оседлых скотоводов, оставивших грунтовые могилы первого таштыкского этапа, со скотоводами-полукочевниками последней стадии минусинской курганной культуры (по классификации С. А. Теплоухова). За одновременность существования грунтовых таштыкских могил с поздними курганами минусинского типа, содержащими маски, высказывался уже С. А. Теплоухов [373, с. 50]. По мнению Г. П. Сосновского, его предложение необходимо дополнить указанием на возможность объяснения разницы в наружных признаках и некоторых деталях внутреннего устройства погребальных сооружений и отчасти способа захоронения в могилах этих двух типов не только хронологическими отличиями, но и социально-экономическими. Эту идею затем разовьет С. В. Киселев [149, с. 250]. Тем не менее Г. П. Сосновский первый предположил, что таштыкские грунтовые могилы представляют рядовые погребения, принадлежащие членам скотоводческих и земледельческих общин. Громадные же каменные и земляные курганы этой эпохи, расположенные в долине Верхнего Енисея (Тува), и в меньшем числе на территории Минусинского края, свидетельствуют о привилегированном общественном положении тех, для кого они сооружались. Г. П. Сосновский считал, что в первые века н. э. как в Центральной Азии, так и на берегах Енисея идет процесс становления классового общества [350, с. 39–41]. О том, что события, про-

исходящие в древности в Центральной Азии, отразились на истории Южной Сибири, Г. П. Сосновский, как и С. А. Теплоухов, не сомневался.

В первой половине 1930-х гг. Г. П. Сосновский работал в группе ИКС (история кочевого скотоводства) [64, с. 52; 122; 337] и в группе архаического земледелия, [336], созданных в архаическом секторе ГАИМК. Работы не были доведены до конца, а результаты опубликованы фрагментарно, однако интерес Г. П. Сосновского к этой теме не угас. Им были собраны и опубликованы материалы по истории скотоводства в Сибири [359], он продолжал собирать материалы по кочевому скотоводству Забайкалья, по поливному земледелию Южной Сибири.

Г. П. Сосновский самостоятельно разрабатывал проблему древнейших производств. Его интересовал вопрос развития ремесел в древней Сибири. После обнаружения остатков шерстяных изделий в андроновском могильнике около улуса Орак и около д. Андроновой им были изучены способы изготовления тканей, качество материала и способ окраски нитей; дана характеристика одежды древних жителей Южной Сибири [352, с. 92–96]. Исследовал Г. П. Сосновский и вопросы истории добычи и использования олова, а также распространения производства бронзовых орудий и оружия в Сибири [351; 126]. Ученый собирал материалы по истории гуннов, по истории общественных отношений в древности. В 1930-е гг. он одним из первых разрабатывал проблему исторической интерпретации археологических источников.

Г. П. Сосновский был талантливым ученым и очень серьезным исследователем. Датировка памятников, интерпретация находок, не говоря о скрупулезном ведении дневников, написании отчетов, всегда была сопряжена у него с глубоким анализом материала. Показательна его кратковременная работа с петроглифами на горе Кизех-Тах в окрестностях улуса Орак. Описание рисунков, выделение нескольких композиционных групп, изучение техники нанесения изображений и их стилей позволили исследователю правильно датировать основную группу петроглифов скифским временем [360].

В 1934 г. и 1937 гг. Г. П. Сосновский руководил Ангарской экспедицией, сотрудники которой изучали археологические памятники в зоне строительства Байкальской и Бархатовской ГЭС, а он

совместно с М. М. Герасимовым вел раскопки палеолитической стоянки Мальта [356; 364].

В 1935 г., в связи с подготовкой III сессии Международного конгресса по четвертичной геологии, Г.П. Сосновский возглавил Бийскую экспедицию. Изыскания на Алтае принесли новые открытия. На правом берегу р. Катунь, в 36 км от г. Бийска, им были обнаружены и исследованы палеолитические стоянки. Экспедиция продолжила работу в 1936 г., и наряду с изучением новых стоянок древнекаменного века в 3,5 км от с. Элекмонар был выявлен и раскопан афанасьевский могильник [362].

В 1930-е гг. Г. П. Сосновский был одним из крупнейших специалистов сибирской археологии, в том числе играл ведущую роль в изучении палеолита Сибири. Это признавали и его коллеги. В 1935 г. он был избран членами советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы заместителем председателя секции ископаемого человека.

Г. П. Сосновский изложил свои главные идеи по происхождению и развитию палеолита в статье «Палеолитические стоянки Северной Азии» [354]. Он был сторонником автохтонного происхождения сибирского палеолита и объяснял сходство сибирского инвентаря и предметов искусства (Мальта) с западноевропейскими. Он утверждал: «Сходство есть проявление общей закономерности в развитии первобытных обществ, а не заимствования». Г. П. Сосновский полагал, что в различных районах Евразии могли одновременно существовать человеческие группы с близкой по форме материальной культурой. У этих групп под влиянием одинаковых хозяйственных и социально-экономических условий происходили одинаковые изменения форм орудий, что говорило, по мнению исследователя, об их одинаковом стадийном развитии [354, с. 279–290]. Таким образом, он стоял на марксистских позициях, согласно которым все человечество проходит одни и те же стадии исторического развития.

Г. П. Сосновский сделал предположение о расселении человека по Азии не из одного центра, а из нескольких. Он указал главную особенность сибирского палеолита – «присутствие в палеолитических комплексах Сибири наряду с позднепалеолитическими типами орудий в качестве пережитка архаических форм», мустьер-

ской техники. Исследователь различал локальные варианты сибирского палеолита и предложил периодизацию памятников верхнего палеолита Сибири. Ранняя стадия была представлена комплексом Мальты, артефактами Военного госпиталя и Кайской горы. К средней стадии Г. П. Сосновский относил енисейские стоянки: Афонтову гору II (нижний горизонт), Афонтову гору-III, Кокорево-II и Томскую стоянку. Поздняя стадия включала обширный список памятников, в том числе верхний горизонт Афонтовой Горы-II, Кокорево-I, III, IV, Верхоленскую гору. Восстанавливая образ жизни насельников Сибири, исследователь проследил смену прочной оседлости (Мальта) бродячим образом жизни (Верхоленская гора), связав это с изменением характера охоты, исчезновением мамонта и носорога из состава промысловой фауны. Г. П. Сосновский выявил стадияльно сходные черты развития палеолитических стоянок Сибири: уменьшение количества костяных орудий и их производственного значения в поздних стадиях; улучшение технологии изготовления костяных орудий и изменение их форм; появление отжимной ретуши с двухсторонней обработкой и трансформация «ручных рубил» в формы, близкие топорыку, в позднюю стадию [354, с. 279–290].

В 1935 г. руководство ГАИМК ходатайствовало перед Народным комиссариатом просвещения о присуждении ему ученой степени кандидата исторических наук по совокупности научных трудов, а также ученого звания действительный член ГАИМК. 28 июня 1938 г. ученый Совет ЛГУ присвоил Г. П. Сосновскому искомую степень без защиты диссертации.

Судя по архивным материалам и публикациям, Г. П. Сосновским была задумана большая работа по древней истории Сибири. Особенно значительные сведения были накоплены по истории материальной культуры Южной Сибири и Забайкалья, собирался материал от эпохи камня до средневековья включительно. У Г. П. Сосновского имелись творческий потенциал, знания, силы и возможности для претворения в жизнь намеченного. Его ранняя гибель в 1941 г. во время блокады Ленинграда не дала осуществить запланированное. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, не завершив многие начатые работы. В теоретическом плане Г. П. Сосновский первоначально, как и его учитель Б. Э. Петри, был сто-

ронником палеоэтнологического направления, но к 1930-м гг. полностью перешел на марксистские позиции.

5.5. А. П. Окладников и его теоретические представления в области археологии Сибири

Алексей Павлович Окладников – одна из самых мощных фигур в отечественной археологии, яркая незаурядная личность с огромной эрудицией, широтой интересов, талантом первооткрывателя и колоссальным опытом организатора науки. Своим становлением во второй половине XX века сибирская историческая наука, в первую очередь археология, многим ему обязана. Формирование же самого А. П. Окладникова как исследователя проходило в бурную эпоху 1920–1930-х гг., становление в качестве одного из ведущих археологов страны – в 1940–1950 гг. Многие его работы не потеряли актуальности и сегодня, их изучают, на них ссылаются, а порой и критикуют.

**Алексей Павлович
Окладников (1908–1981)**

Ученики и коллеги А. П. Окладникова написали историю его исследований, определили выдающийся вклад учителя в отечественную и зарубежную археологию [204; 105; 52; 38; 1; 192; 278; 107; 106; 236; 262; 391; и др.]. Деятельности ученого посвящен не один десяток конференций. Библиография публикаций, посвященных А. П. Окладникову, может составить отдель-

ную книгу. Поэтому любой список, приведенный здесь, будет заведомо неполным. Автором учебного пособия введены в научный оборот некоторые неизвестные архивные материалы о жизни и дея-

тельности А. П. Окладникова [171]. Однако деятельность крупного ученого оценивается не только положительно. Появились резко негативные отзывы, когда личность исследователя рассматривается односторонне без учета колоссального труда, вложенного в открытие и изучение разнообразных археологических памятников, организационной роли в формировании сибирских центров археологии, без учета исторических событий и политической ситуации в стране [388, с. 94; 389, с. 97; 390, с. 136–148]. Прав В. И. Матющенко, сказав, что «...А. П. Окладников воплотил в себе всю нравственную противоречивость эпохи» [226, с. 139]. Многогранная личность академика не вписывается только в рамки кабинетного ученого, индифферентно наблюдавшего за чужими успехами, или опытного полевого исследователя, не желавшего быть первым во всем, мудрого руководителя или образцового коллеги. Его есть за что упрекнуть. Он был на виду. Чтобы лучше понять эту личность, его взгляды в археологии, необходимо проанализировать истоки его формирования как исследователя.

А. П. Окладников родился 3 октября 1908 г. в глухой таежной деревне Тыпта в верховьях р. Лены в семье сельского учителя и крестьянки. Учился в школах сел Бирюльское и Анга Качугского района. Уже в школьные годы у него появился интерес к историческому прошлому. А. П. Окладников был активным участником и председателем школьного краеведческого кружка [105]. В 1924 г. он окончил семилетнюю школу и переехал в Иркутск, поступил в педтехникум на школьное отделение, учился в течение 1924–1926 гг., но, так и не окончив, ушел со второго курса. Его интересовала археология, этнография, свою судьбу Окладников не связывал со школой. Переезд в Иркутск сыграл решающую роль для развития его археологических знаний и навыков. Как отмечалось выше, в городе имелись давние научные и культурные традиции. Для Алексея Павловича в археологии и этнографии стал учителем Б. Э. Петри. Молодой Окладников занимался в студенческом научном кружке, созданным Петри, участвовал в работе палеоэтнологической секции ВСОРГО. Он еще в школьные годы собрал коллекцию каменных орудий, а в студенчестве каждое лето продолжал археологические разведки по долинам рек Лены и Селенги. Поражает объемом работы, проделываемой им за один сезон. В отчете ВСОРГО за

летний период 1927 г. указывается, что А. П. Окладников закончил начатые еще в 1925–1926 гг. археологические разведки в долине реки Лены и обследовал район на протяжении 60 верст между с. Качугом и д. Б. Тарельской, включая долины притоков Лены – рек Анги, Мазурки, Бирюльки и др. В ходе разведок были открыты одна палеолитическая, несколько неолитических стоянок, поздний неолитический могильник. Кроме этого, А. П. Окладников провел разведки в 8 верстах от Иркутска и обнаружил 11 неолитических стоянок. Исследователем были открыты неолитические стоянки вверх по реке Ангаре на Кочергинском и Коноваловском островах. Во время экскурсий в лисий питомник А. П. Окладников обнаружил на западном берегу оз. Байкал 8 неолитических стоянок. На территории Бурят-Монгольской республики в Забайкалье им также были открыты стоянки неолита и эпохи железа, два погребения и писаница [171, с. 30–31]. Полевой сезон он начинал рано, как только предоставлялась возможность. Например, в 1926 и 1927 гг. А. П. Окладников провел в апреле рекогносцировочные работы в низовьях реки Селенги, в окрестностях с. Кабанска и д. Фофаново. Находки были интересные и разнообразные, датируемые неолитом, бронзовым и железным веками. В результате анализа собранных материалов А. П. Окладников опубликовал свои первые статьи [241; 242; 243].

В 1927–1928 гг. А. П. Окладников заведовал этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея и, вероятно, под влиянием Б. Э. Петри и директора музея Я. Н. Ходукина решил продолжить свое образование. Правда, еще в 1926 г. закрылось историческое отделение ФОНа, и прекратилась деятельность кафедры, которой руководил Б. Э. Петри, поэтому А. П. Окладникову пришлось поступить на педагогический факультет ИГУ, в котором он проучился два года (1928–1930 гг.). В этот период ему предложили заниматься административной работой. С 1928 по 1934 гг. его деятельность была связана с антирелигиозной пропагандой: 1928–1929 гг. – инструктор в парткабинете окружного комитета ВКП(б), в 1929–1931 гг. – инспектор отдела народного образования Иркутска, 1931–1934 гг. – заведующий антирелигиозным отделом Иркутского краевого музея.

Тем не менее А. П. Окладников продолжал заниматься в кружке у Петри. В 1928 г. Б. Э. Петри писал: «А. П. Окладников – самый молодой из всех моих учеников, работает у меня три года. Я полагаю, что ему еще несколько рано давать право на самостоятельные раскопки. Поэтому я возбудил через ВСОРГО ходатайство о выдаче ему открытого листа на право разведок. А. П. Окладников сам житель Лены; благодаря ему мы узнали о местонахождении 60 стоянок, преимущественно неолитических. Нынешним летом А. П. Ок-ов опять поедет к себе. Благодаря тесной связи с местным населением, он успевает за лето сделать чрезвычайно много» [171, с. 31]. Уже в юношеские годы его отличали высокая трудоспособность и желание открывать и познавать что-то новое, он постоянно находился в состоянии поиска. Очень важно, что в коллективе, где шло становление Окладникова как исследователя, поддерживались и развивались его профессиональные способности в лучших традициях русской археологии. Именно Б. Э. Петри познакомил А. П. Окладникова с палеоэтнологической системой воззрений, которая предполагала комплексный подход при изучении археологических памятников Восточной Сибири. Комплексное исследование разных типов памятников, соотношение их с отдельными этническими группами, анализ антропологического состава населения и уровня развития древних производств позволили Б. Э. Петри и его ученикам наметить пути к выяснению исторического места определенных культур Прибайкалья. Немалую роль в этом сыграли работы А. П. Окладникова.

В 1932 г. А. П. Окладниковым было совершено важное открытие. Он первый из археологов исследовал в верховьях реки Лены в окрестностях с. Качуг (д. Белоусово) погребение раннего железного века. В могиле вместе с погребенным находились наконечники стрел, костяные накладки на лук, стеклянные бусы, медная подвеска и остатки железного ножа. Погребение было датировано Окладниковым IV–III вв. до н. э. [131, с. 79].

Находки в долине р. Селенги (местность «Бальчик», на Фофановой горе и в верховьях Лены), обнаруженные А. П. Окладниковым ранее, он смог оценить по достоинству, когда открыл группу памятников с подобным инвентарем в долине реки Ангары в 1937 г. Локализуемые, преимущественно, в низовьях Ангары, эти памят-

ники имели, с одной стороны, резко выраженный архаический характер. Например, широкое применение кремня как материала для изготовления орудий, преобладание бронзовых изделий над железными, круглодонные сосуды с почти неолитическим по стилю орнаментом. С другой стороны, население, оставившее эти памятники, знало железоплавильное дело, о чем свидетельствовали находки железных шлаков и миниатюрных железоплавильных печей. На основании таких данных А. П. Окладников определяет эти погребения и поселения как памятники таежной культуры раннего железного века и заполняет некий пробел в истории далекого прошлого Прибайкалья. Безусловно, на основании небольшого количества памятников рано было выделять конкретную культуру, и выводы А. П. Окладникова требовали еще подтверждений, но сам факт открытия памятников раннего железного века явился новой страницей в археологии Прибайкалья.

В 1934 г. А. П. Окладников поступает в аспирантуру ЛГУ к П. П. Ефименко (1884–1969), который был ведущим специалистом страны в области палеолита, ранней истории Восточной Европы, заведовал сектором каменного века ГАИМК–ИИМК. Ученик Ф. К. Волкова, блестящий эрудит, знаток западной литературы, поддерживавший палеоэтнологические взгляды своего учителя до начала 1930-х гг., затем перешедший на позиции марксизма и социологии [275, с. 188–195]. Он окажет свое влияние на теоретические воззрения А. П. Окладникова.

До 1934 г. – времени зачисления в аспирантуру ГАИМК, А. П. Окладников провел не менее восьми археологических экспедиции по Лене, Селенге, в долине Ангары, после переезда в Ленинград он будет продолжать исследовать археологические памятники Сибири.

В результате работы Ангарской экспедиции 1932–1940 гг. (всего 7 лет) А. П. Окладникову удалось открыть немало памятников наскального искусства. Анализ петроглифов по стилю и технике позволил исследователю выделить, по меньшей мере, две хронологические и стилистические группы [177, с. 28]. Такая предварительная типология наскальных изображений имела положительные результаты для дальнейших исследований и являлась шагом вперед по сравнению с точкой зрения Б. Э. Петри на большинство петрог-

лифов Прибайкалья как рисунков поздней стадии железной эпохи [271, с. 65].

Главной целью Ангарской экспедиции было выявление памятников прошлого и составление археологической карты обследованной местности. В первую очередь, А. П. Окладников обращал внимание на неолитические памятники, так как собирал материалы для изучения проблемы взаимодействия отдельных этапов неолита и энеолита Прибайкалья. Итогом этой работы явилась разработка культурно-хронологической периодизации истории Прибайкалья, представляющая собой следующую последовательность: докерамический неолит, исаковский, серовский, китойский и глазковский этапы [247]. Эта схема поэтапного развития прибайкальского неолита была дополнена и развернута А. П. Окладниковым в 1950-е гг. [256; 257].

Значение Ангарской экспедиции велико. Был собран обширный и ценный материал, главным образом по неолитическим памятникам Восточной Сибири, который по своему объему превосходил все то, что было известно ранее относительно памятников этого типа.

В 1935 г. А. П. Окладников, по поручению Института этнографии и антропологии АН СССР, руководил археологическими исследованиями на Амуре, в результате которых было обнаружено более 600 древних памятников. На основе их анализа была впервые установлена последовательная смена культурно-исторических этапов на Нижнем Амуре, а также выявлены своеобразные черты древних культур Приамурья [244].

В 1936–1937, 1939–1940 гг. Алексей Павлович продолжал археологические исследования на Ангаре, в результате которых была подвергнута сплошному обследованию вся долина Ангары от Байкала до Енисея (1700 км), найдено несколько сот других памятников, исследованы десятки неолитических погребений и открыто одно из древнейших палеолитических поселений Северной Азии – Буреть. В ходе исследования Бурети (1936–1940) обнаружены образцы палеолитического искусства, выяснен бытовой уклад и характер жилищ этой эпохи. Материалы Бурети дополнили данные М. М. Герасимова со стоянки Мальта и стали подтверждением некой закономерности развития в эпоху позднего палеолита на терри-

тории Восточной Сибири [248; 250]. В результате работы Ангарской экспедиции А. П. Окладникову удалось открыть много новых петроглифов, впервые исследовать погребение раннего железного века в долине реки Ангары и многие другие памятники [245; 249].

Весной 1938 г. на историческом факультете ЛГУ А. П. Окладников успешно защитил кандидатскую диссертацию «Неолитические памятники на Ангаре». В 1938–1939 гг. он обнаружил и исследовал грот Тешик-Таш – первую в Средней Азии стоянку палеолитического времени – мустьерской эпохи и остатки погребения, в котором впервые в СССР был найден полный череп и другие кости неандертальского человека [252].

Таким образом, в годы студенчества и аспирантуры у Окладникова сложился основной круг научных интересов, был накоплен материал для монографического исследования неолитических памятников Прибайкалья, сделаны ряд открытий мирового уровня. Однако ученого формирует не только научная школа, но и историческая эпоха, в которой он живет.

С октября 1917 г. в стране идет череда разрушений. После Гражданской войны многие потеряли жизненные ориентиры. Необходимо была переоценка ценностей. В 1920-е годы закладывались основы для унификации мышления: единая большевистская идеология, бой религии, реорганизация образования. Лозунг «Если не с нами, то против нас» приводил к двойственности, к появлению двойных стандартов в сознании людей. Конечно, в молодости все изменения переносятся намного проще, но это не значит, что они проходят бесследно. А. П. Окладников в детстве был одним из лучших учеников закона Божьего [105], а в юности состоял в обществе безбожников и в 1925 г. выезжал в Москву в качестве делегата 1-го Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников [38]. В школьные годы одними из его любимых книг были поэмы Гомера [105], а в годы студенчества древнегреческая история и литература (как, впрочем, и древнеримская, и средневековая) были объявлены ненужными дворянскими предметами, да и в целом история стала заменяться социологией. Происходит утилизация учебных программ и сокращение сроков обучения. История как предмет была изъята из преподавания в вузах и школах страны. На рубеже 1920–1930 гг. была трансформирована не только система образования и

предметные области многих наук, в том числе и археологии, но и начались репрессии против исследователей. Как было отмечено выше, в 1928–1934 гг. А. П. Окладников занимался антирелигиозной пропагандой, и деятельность в составе партийных и государственных органов власти также формировала мировоззрение молодого А. П. Окладникова. Там нельзя было отказаться от порученного задания, сказать «нет» без последствий для собственной судьбы и карьеры. В партийных и советских органах власти нужно было владеть идеологией марксизма. И все эти аспекты деятельности А. П. Окладникова в последующем находят отражение в его жизненной позиции, в его взглядах на развитие науки в целом и исторического процесса в частности. В 1930-е гг. всем слоям общества был преподан страшный урок незаконной расправы, грозящей любому. В 1937 г. и А. П. Окладников лично получил один из первых политических ударов. Будучи аспирантом ГАИМК – ИИМК, он написал и опубликовал «Очерки из истории западных бурят-монголов» [246]. Книга построена на анализе источников и работ предшественников, грешит и некоторыми марксистскими постулатами. Однако в ней А. П. Окладников неоднократно ссылался на труды Б. Э. Петри, которым давал высокую оценку: «Его исследование по стройности и полноте описательных данных является пока единственным и, по-видимому, при отсутствии других останется надолго, если не навсегда, главным пособием для изучения строя исчезнувшего бурятского рода» [246, с. 6–22]. Книга вышла из печати в мае, в мае же был арестован в Иркутске его учитель Б. Э. Петри. Непонятно, институт ли должен был отреагировать, или это была личная инициатива Г. П. Сосновского, но на имя директора от ученого поступил отзыв на работу А. П. Окладникова, где последний обвинялся в аполитичности, притуплении бдительности и небрежности, граничащей с попустительством врагам народа. Этот отзыв касался не научных вопросов, а идеологических. Известный исследователь сетует: «Как могло случиться, что на 20-м году Советской власти в исторической работе, предназначенной для широкого круга читателей, упоминается работа врагов народа без надлежащего их разоблачения. ...что Окладников в книге вместо критики всех враждебных теорий сочувственно комментирует те работы (пан-монгольского характера и др.), на которые во-

обще не следует даже ссылаться (в первую очередь статьи репрессированного этнографа Б. Б. Бамбаева. – Л. К.). ... Следует еще остановиться на упоминании (А. П. Окладниковым. – Л. К.) этнографических работ бывшего проф. Б. Э. Петри, теперь разоблаченного как врага народа» [171, с. 32]. Видимо, руководство института не собиралось давать ход делу по собственной инициативе. Вероятно, важно было отреагировать – на всякий случай, в целях безопасности, но урок был преподан наисерьезнейший. 1937 г. – пик репрессий. На карту могла быть поставлена не только карьера, но и собственная жизнь, и судьба близких. В отечественной науке еще предстоит исследование психологического портрета ученого, находящегося под давлением тоталитарного режима. Желание выжить формировало гибкого человека, умеющего приспособливаться к обстоятельствам, не настаивающего на своих взглядах, и безоговорочно, хотя бы на словах, поддерживающих теоретические позиции правящей партии.

А. П. Окладникову, видимо, в дальнейшем приходилось часто делать выбор. Человек, занимающий пост руководителя любого ранга, в советском государстве проверялся на благонадежность и преданность режиму. Правила игры обществу диктовало тоталитарное государство, и чем выше должность, тем больше приходилось «соответствовать».

Возвращаясь к исследованиям А. П. Окладникова, необходимо отметить, что огромное значение в ликвидации белых пятен на археологической карте Северной Сибири имели Ленская историко-археологическая (1940–1945 гг.) и Колымская (1946 г.) экспедиции. Впервые были сплошь изучены археологические памятники палеолита, неолита, бронзового и раннего железного века, в том числе ряд первоклассных по научному значению. Выявлены основные этапы истории Якутии до прихода русских на Лену и установлен ряд древних культур Севера [253; 255; 258].

В 1947 г. А. П. Окладников в Совете ЛГУ защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к русскому государству». В 1949 г. он был назначен заведующим Ленинградским отделением ИИМК.

Специальных теоретических разработок у А. П. Окладникова в 1940–1950 гг. не было, но ряд концептуальных соображений он вы-

сказал в трудах, защищенных в качестве кандидатской и докторской диссертаций. Это – известные монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» [256; 257], а также «Якутия до присоединения к Русскому государству» [258].

А. П. Окладников считал археологию исторической наукой, дающей возможность создать более или менее целостную картину исторического процесса в древности. Согласно мнению исследователя, ход исторического процесса опосредованно отражается в вещественных археологических памятниках. Как справедливо отметил С. В. Маркин: «А. П. Окладников... был уверен в возможности перевода археологического источника в разряд исторического факта» [211, с. 57]. Написание древних историй Якутии, Приморья в 1950-х гг. предполагало историческую реконструкцию на основе археологических источников [253; 258; 260].

Одной из важных решаемых А. П. Окладниковым проблем была проблема первоначального заселения человеком Сибири. Он считал, что это был «медленный и сложный исторический процесс, следствием которого были постепенная трансформация и медленное “просачивание” культур, различные скрещения и смешения древнейших этнических групп» [254, с. 24–25]. По мнению исследователя, этот процесс шел с запада на восток, из области формирования «солютрейской» культуры арктических охотников Русской равнины, которая сложилась из культуры предшествовавшего среднего палеолита. Позднее заселение Северной Азии А. П. Окладников объяснял экстремальными палеогеографическими условиями максимального оледенения [258, с. 34]. Он предложил периодизацию палеолита Сибири, отличную от периодизации Г. П. Сосновского, в которой выделил две фазы: раннюю – Военный госпиталь, Мальта, Буреть и позднюю – афонтовского облика [255, с. 150–158]. Первая фаза палеолита Сибири развивается в соответствии с восточноевропейскими археологическими комплексами, вторая – в географической обособленности от Европы и характеризуется архаическими (мустьерскими) приемами в технике обработки камня, макролитизацией каменного инвентаря. Причины архаизации культуры А. П. Окладников объяснял климатическими изменениями, при которых были утрачены основные объекты охоты – носорог и мамонт, поэтому следующим шагом в историческом

развитии народов Сибири был переход от оседлого к подвижному образу жизни [256, с. 154–155]. А. П. Окладников полагал, что в географической изоляции племена Сибири и Монголии создали особую «культурно-этническую область», в которой исторический процесс развивался одинаково, одними и теми же темпами на основе тесных контактов [255].

Другим важным вопросом в исследованиях А. П. Окладникова была проблема происхождения байкальского неолита. В вопросе происхождения неолита он был приверженцем автохтонного развития. А. П. Окладников, как и Б. Э. Петри, считал, что формирование неолита в Прибайкалье происходило на местной палеолитической основе [256, с. 141]. Архаические черты развития поздней стадии палеолита, по его мнению, не привели к регрессу, а носили прогрессивный характер, проявившийся в распространении вкладышевой техники, которую А. П. Окладников связывал с переходом к индивидуальным формам охоты [256, с. 155]. Переход от палеолита к неолиту основывался, согласно А. П. Окладникову, на раннем возникновении высокоразвитого охотничьего хозяйства, археологически выразившегося в появлении лука и стрел, шлифовальных орудий.

А. П. Окладников впервые предложил абсолютную датировку байкальского неолита – «примерно с VI тыс. вплоть до X в. до н. э.» [251, с. 5–6]. Позже он уточнил хронологию отдельных этапов новокаменного века. А. П. Окладников придавал особое значение этапам прибайкальского неолита для изучения древней истории региона и отмечал, что периодизация неолита позволит «детальнее и последовательнее проследить ход исторического процесса на данной территории в его конкретной своеобразной форме» [256, с. 11]. Выделенные им этапы он рассматривал как последовательно сменяющие друг друга стадии: 1) хиньская (V тыс. до н. э.); 2) исаковская (IV тыс. до н. э.); 3) серовская (III тыс. до н. э.); 4) китойская (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.); 5) глазковская (ок. 1700–1300 гг. до н. э.), в которую происходит переход к металлу [256, с. 139]. Каждая последующая стадия символизировала собой более высокую степень развития, чем предыдущая [251, с. 5–6, 256; 257]. Изменения в хозяйстве приводили к «сдвигам» в общественной жизни [256, с. 378–384]. «Исаковцы»

изобрели лук и стрелы, керамику и научились шлифовать камень. Исаковский этап, по характеристике исследователя, был представлен самой древней, «исходной для Прибайкалья», керамикой каменного века (сосуды были неправильной формы, простых очертаний, примитивного способа изготовления), а также разнообразной и развитой каменной индустрией. Преобладающей формой хозяйства была охота. Выделен исаковский этап по погребальным памятникам [256, с. 171–186]. Серовский этап, по мнению А. П. Окладникова, начинался с общего технического прогресса, с роста численности населения, которое зафиксировано наличием большого числа погребений и еще большего числа поселений. В этот период исследователем отмечается совершенствование техники обработки камня и изготовления сосудов, появление более сложного лука, частое использование нефрита, более продуктивное ведение охоты и рыболовства [256, с. 191–263]. А. П. Окладников считал, что жизнь неолитических охотников тайги строилась на коллективных началах. Используя схему Энгельса, исследователь пришел к выводу, что общество серовского этапа было типичным образцом материнско-родового строя, в котором женщина занимала самостоятельное и почетное положение [256, с. 264–271]. В китойский период А. П. Окладников наблюдал дальнейшее совершенствование каменной индустрии, широкое распространение орудий и украшений из нефрита. Перемены в хозяйстве, по его мнению, выразились в новом соотношении охотничьего промысла и рыбной ловли в сторону увеличения последней. Согласно марксистским законам истории, трансформирование хозяйства должно вызвать изменения в обществе. А. П. Окладников обнаружил эти перемены в «двойных» захоронениях китойского типа, которые связывал с могилами людей, занимающих исключительное положение в роду и сопровождаемых в загробный мир женами-наложницами или рабами-военнопленными [256, с. 355–384]. Глазковский этап рассматривался создателем периодизации как время внедрения металла в экономику древнего населения Прибайкалья. А. П. Окладников отметил, что для этого этапа существенную роль в хозяйстве продолжают играть каменные орудия труда, которые претерпевают дальнейшее совершенствование. Таким образом, исследователь пришел к выво-

ду о существовании переходной энеолитической стадии в Прибайкалье [257, с. 35–59].

А. П. Окладников указывал, что провел специальный источниковедческий анализ археологических памятников [256, с. 10] и выявил отдельные хронологические группы неолита Прибайкалья [256, с. 141–411]. К сожалению, описания погребений, могильников и комплексов из раскопок не были даны, и трудно судить о глубине этого анализа. А. П. Окладников понимал некую уязвимость своих выводов, и во введении пообещал в недалеком будущем опубликовать описательную часть археологического исследования, в которой, по его мнению, «содержится документальная основа настоящего исследования, обязательная в каждом археологическом труде монографического характера» [256, с. 12].

На протяжении всей своей научной деятельности А. П. Окладников выступал последовательным сторонником исторического материализма. Поэтому у него этапы неолита Прибайкалья, «сменяющие друг друга во времени, отражают не только последовательность в развитии второстепенных и частных признаков культуры данного общества, но и качественные изменения в производительных силах, общественном строе и мировоззрении» [256, с. 11], т. е. проблему периодизации неолита он решает в рамках стадияльной концепции. Смена этапов, по мнению исследователя, зависела от культурных связей и природно-климатических условий. В этом явно усматривается влияние палеоэтнологических взглядов Б. Э. Петри. В своих работах он часто цитирует классиков марксизма-ленинизма: К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина [256, с. 6, 47, 48, 50, 171, 264, 268–271, 301, 305, 324–325, 378]. Таково влияние эпохи и его второго учителя П. П. Ефименко, который в 1930-е гг. отказался от палеоэтнологических взглядов и принял марксизм [275, с. 188–196]. Ссылки на великих марксистов были нормой для того, чтобы труд напечатали, но не все использовали этот прием в таком количестве, как А. П. Окладников. При этом необходимо отдать должное огромной эрудиции А. П. Окладникова. При подготовке монографии им было прочитано колоссальное количество работ предшественников, А. П. Окладников был хорошо знаком с зарубежной литературой, знал точки зрения сторонников и противников своих взглядов.

А. П. Окладников был сторонником комплексного подхода в изучении археологических памятников и считал, что исторически осмыслить археологические факты помогут этнографические материалы. Рассматривая археологические памятники как «своего рода мертвые обломки жизни и культуры исчезнувших обществ – различных конкретных этнических образований прошлого», А. П. Окладников хотел избежать создания «формально-описательного вещеведческого каталога или надуманных абстрактно-схематических построений» и дать «хотя бы и недостаточно полную, приближительную, но живую картину исчезнувшей действительности» [256, с. 11], поэтому в его работах отсутствуют строго научные классификации памятников и типологии инвентаря, что снижает их научную ценность. В комплексном подходе он опирался на исследования Д. Н. Анучина. Конечно, этот методологический принцип он перенял от Б. Э. Петри, но сослаться в 1950 г. на взгляды репрессированного учителя уже не стал [256, с. 11]. Комплексное изучение археологических и этнографических источников А. П. Окладников понимал шире, чем Д. Н. Анучин и Б. Э. Петри. Он старался использовать любые этнографические параллели, если уровень развития этноса соответствовал материальной и духовной культуре населения, оставившего изучаемые им археологические памятники. А. П. Окладников отмечал, что «в местном этнографическом материале могут быть обнаружены прямые пережиточные остатки культуры неолитического прошлого сибирских племен, хотя бы и видоизмененные впоследствии или сохранившиеся в виде отдельных реликтовых обломков, но так или иначе отражающие своеобразные черты местного исторического процесса». При проведении аналогий в первую очередь предпочтение отдавалось местному сибирскому материалу и «этнографическим данным из жизни современных (в этнографическом смысле) северных племен Азии». Как справедливо отмечал исследователь, «особенно полезны такие этнографические сравнительные данные при изучении мировоззрения, религиозных представлений и культа древнего общества» [256, с. 11]. Тем не менее он считал себя вправе иногда и выйти за территориальные границы Прибайкалья и Сибири – в тех случаях, когда речь идет о более общих исторических явлениях и закономерностях исторического процесса, в особенности – истории техники, общест-

венного строя или мышления. Таковы, например, привлекаемые им сравнительные данные из быта арктических племен Аляски или индейских племен Северной Америки [256, с. 359, 364, 371, 372, 382]. Вероятно, Алексей Павлович стремился выявить универсальные законы исторического развития, определить те явления, которые могут сравниваться в разных регионах мира, при условии сходного уровня жизни населения, иногда забывая о строго научной критике источников.

Комплексный подход проявился и в том, что А. П. Окладников при характеристике материальной культуры учитывал физико-географическое состояние региона. Так, например, он дал подробную характеристику геофизическим и природно-климатическим изменениям на рубеже третичного и четвертичного периодов для того, чтобы выявить условия появления человека в Якутии [258, с. 17–33]. А. П. Окладников рассмотрел трансформацию каменного и костяного инвентаря, изменения в устройстве жилищ, в общем характере поселений в эпоху позднего палеолита Сибири, исходя из кардинальных изменений климата [258, с. 56–71].

При воссоздании далекого прошлого Приморья А. П. Окладников сопоставлял китайские летописные источники и археологические материалы, использовал данные нумизматики и др. [260, с. 131–284].

А. П. Окладников полагал, что в неолитическое время впервые ярко и отчетливо определяются своеобразные пути конкретно-исторического развития отдельных больших областей и районов Сибири. Именно в неолитических культурах исследователь рассчитывал обнаружить «первые признаки выделения каких-то больших этнических образований, больших племенных групп» [256, с. 6]. Культуры, имеющие общие черты, А. П. Окладников объединял в единое целое, являющееся выражением этнической общности. Анализируя природно-климатические условия, образ жизни и характер хозяйственной деятельности населения, он выделил 6 таких общностей в сибирском неолите: байкальскую, базирующуюся главным образом на охоте и отчасти рыболовстве; амурскую, две камчатских и обскую, где основным занятием было рыболовство; арктическую культуру морских зверобоев [251, с. 6]. В. И. Молодин, анализируя идею А. П. Окладникова о выделении этнокуль-

турных общностей в сибирском неолите, отмечает, что предположения Алексея Павловича относительно Обского региона, «основанные на крайне ограниченных источниках, впоследствии не только нашли подтверждение в конкретных материалах, но и оказались чрезвычайно важными с методологической точки зрения» [236, с. 28]. Развивая идею о Восточном Приуралье как особой общности, распространившейся до Енисея, А. П. Окладников полагал, что ее носители были предками современных угро-самодийцев [259]. В современной науке его гипотеза о распространении ангарских неолитических племен на запад получила подтверждение «не только в материалах духовной культуры, но и по данным антропологии» [236, с. 28]. Позже А. П. Окладников подобные крупные этнокультурные объединения назовет «провинциями» [256, с. 10–11].

Каждая из четырех групп неолитических памятников, согласно А. П. Окладникову, являлась «не только ступеньками хронологической шкалы археологической периодизации, но и вехами конкретно-исторического процесса». Исследователь отмечал, что в археологической литературе таким группам памятников нередко соответствует термин «культура». Определения термину «археологическая культура» А. П. Окладников не дает, однако из текста монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» мы можем сделать вывод, что под «археологической культурой» в 1950-е гг. ученый понимал хронологически одновременную группу археологических памятников: погребений и поселений, характеризуемую внешними и внутренними особенностями конструкций, специальным типом и набором вещей, характерным орнаментом на предметах, а также для погребальных памятников – особым погребальным ритуалом. Все изменения этих критериев археологической культуры, по мнению А. П. Окладникова, «вызваны более глубокими переменами в хозяйстве, общественном строе и мировоззрении, происходившими на том отрезке неолитического времени, которому соответствует эта группа древних погребений и поселений» [256, с. 10].

Последовательно сменяющиеся в географическом ареале культуры определенные хронологические группы памятников А. П. Окладников рассматривал лишь как показатели изменений, происходивших в жизни того населения, которое их оставило и которому принадлежала та или иная локальная культура. Для обозна-

чения отдельных хронологических групп памятников он предпочитал другой термин – культурно-исторический этап, «понимая его только лишь как обозначение определенного промежутка времени, для которого характерны те или иные взаимосвязанные черты техники, материальной культуры, общественного строя и интеллектуальной культуры в жизни конкретного древнего общества в своей совокупности, отличающие этот хронологический промежуток от других, предшествующих ему или следующих за ним» [256, с. 10–11].

А. А. Формозов обвиняет А. П. Окладникова в том, что монография «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», опубликованная в двух томах в 1950 и 1955 гг., сохранила основу 1930-х гг., когда автор пытался проследить на территории Приангарья непрерывную, автохтонную линию развития, «увидеть в археологических данных отражение матриархата, патриархата, домашнего рабства и всего, чем определяется родовой строй по Энгельсу» [290, с. 137]. Если до конца быть точным, то необходимо отметить, что на рубеже 1940–1950-х гг. большинство археологов при реконструкции социальных отношений по археологическим данным руководствовались известной работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». А. П. Окладников никогда не скрывал свою приверженность идеям исторического материализма. Однако значение его двухтомника не в реконструкции общественных отношений, а в систематизации материала по неолиту Прибайкалья на уровне знаний рубежа 1940–1950-х гг. и решении ряда насущных глобальных проблем, таких, как происхождение палеолита и заселение Северной Азии, генезис неолита, выявление особенностей развития в эпоху каменного века на территории Сибири и в связи с этим выделение отдельных этапов каменного века и его локальных вариантов, а также ряда других, более мелких, но не менее важных задач ранней истории Сибири. Несмотря на то, что А. П. Окладников придерживался мнения об автохтонном развитии неолита Прибайкалья и считал, что в эпохи неолита и энеолита в Сибири существовал ряд глубоко-своеобразных древнейших культур, свидетельствующих о ярко выраженном активном культурном творчестве жителей Прибайкалья, Амурского края, Западной Сибири, Забайкалья и даже далекого заполярного Севера, однако это

своеобразие он связывал не столько с обособленным изолированным развитием отдельных племен и народов, сколько с многочисленными контактами и взаимовлияниями близких и далеких соседей. Он писал: «Население такой колоссальной территории, граничащей на юге с сухими степными пространствами внутренней Азии, на западе – с лесами Урала и Восточной Европы, на востоке – с Приамурьем и Восточной Азией, а на северо-востоке – с Новым Светом, никогда не было изолировано какой-то незримой “Китайской стеной” от своих близких и далеких соседей, от лесных охотников, от речных и озерных рыболовов и, наконец, от древнейших земледельцев и скотоводов Старого Света. Древние племена лесной Сибири так или иначе вступали в многообразные связи и во взаимодействие с окружающим миром – вплоть до Китая, Средней Азии, Восточной и отчасти Западной Европы, а может быть, даже Америки и Индии» [256, с. 6–7].

А. П. Окладников в тот период прекрасно понимал, что дальнейшие исследования модифицируют представление о неолите Прибайкалья и отмечал: «Со временем должны внести существенные дополнения и изменения в ту общую картину, которая может быть предложена в настоящее время; но для этого потребуются, вероятно, еще немало времени и труда. Кроме того, даже в этом случае первые опыты обобщения наличных материалов, с исторической или историко-культурной точки зрения, должны сохранить свое значение как характеризующие определенный этап развития научного знания в данной частной его области» [256, с. 9]. Еще в 1989 г. Н. А. Савельев отмечал, что «разработанная А. П. Окладниковым схема развития неолита Прибайкалья не претерпела существенных изменений и сохраняет определенное значение до сих пор» [318, с. 19]. Только развернувшиеся в Прибайкалье широкомасштабные археологические работы на рубеже XX–XXI вв. наглядно продемонстрировали и доказали, что исторические процессы, происходившие на этой территории в указанную эпоху, достаточно сложны и многолинейны [124, с. 251]. Раскопки могильника Шаманка-II дополнили круг источников для исследования неолита Прибайкалья и подтвердили ранненеолитический возраст китойской культуры [29].

Верная методологическая позиция А. П. Окладникова об определенном этапе развития научного знания о неолите Прибайкалья подкреплена обзором по истории исследования неолитических памятников региона [256, с. 13–50]. Необходимо отметить, что на тот период это одна из наиболее полных историографических сводок по изучаемой исследователем проблеме, которая не потеряла своего значения до сих пор. Опубликованные материалы затем неоднократно использовались при написании работ по истории археологии Сибири [221; 225; 226 и др.].

В неолитических памятниках Прибайкалья А. П. Окладников видел ярко выраженное своеобразие, что давало ему основание рассматривать их независимо от других неолитических памятников Сибири. Тем не менее одну из важнейших долговременных задач в области археологии неолита А. П. Окладников усматривал в сравнительном анализе неолитических памятников Прибайкалья и соседних областей Сибири и Советского Дальнего Востока с целью выявления общих черт и частных особенностей [256, с. 9].

Таким образом, к началу 1950-х гг. А. П. Окладников был одним из ведущих исследователей каменного века Сибири. Он собрал и исследовал грандиозный материал по сибирской археологии. Алексей Павлович рассматривал археологические и этнографические данные в синтезе, как никто другой из отечественных археологов. Он собрал и проанализировал огромное количество этнографических источников для того, чтобы по крупицам восстановить древнюю историю Сибири. А. П. Окладников в своих теоретических воззрениях последовательно придерживался марксизма (исторического материализма). Для него методологическим руководством для восстановления исторического процесса в древности также была работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако необходимо заметить, что в 1930-х – в первой половине 1950-х гг. вся историческая наука базировалась на историческом материализме, официально других подходов не было, вплоть до перестройки, наступившей в середине 1980-х гг. Сейчас некоторые исследователи модифицируют историческую ситуацию прошлых лет и пишут о том, что в 1950-е гг. можно было пересмотреть свое мировоззрение. Да, после XX съезда была «оттепель», но кардинально методология гуманитарных

наук не поменялась. Разбирать устаревшие идеи Ф. Энгельса, повторяемые в работах А. П. Окладникова, нет необходимости, а вот отметить то, что кроме марксизма он проповедовал принцип историзма и комплексный подход, которые до сих пор являются краеугольной методологической основой всех археологических и исторических исследований, на наш взгляд, кажется важным.

А. П. Окладников задумывался о содержании термина «археологическая культура», но в целом отечественная археологическая наука 1930–1950-х гг. не была готова включаться в дискуссии по теоретическим вопросам археологии, науки не так давно считавшейся «буржуазным вещеведением». Тем более, что в 1950 г. И. В. Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания» была развенчана концепция Н. Я. Марра. По стране прокатилась волна разоблачений и саморазоблачений [39]. В 1951 г. А. П. Окладников был снят с должности директора ИИМК, но его оставили в институте заведующим сектором палеолита. В 1930–50-е гг. трудно было быть явным оппозиционером во взглядах, когда наука была целиком политизирована. В лучшем случае это грозило проработками, отстранением от науки. Вряд ли мог пойти на такое А. П. Окладников – наука была смыслом его жизни. Да, он любил обобщать, писать большими мазками, реконструировать историческое полотно жизни древних людей, искать универсальные законы развития общества (в этом явно проявились идеи классического позитивизма, подхваченные в раннюю советскую эпоху марксистами), но вместе с тем его разработки в области соотношения хозяйственной деятельности и сходств и различий в культуре привели к выделению оригинальных этнокультурных провинций. Впервые в отечественной археологии проблемы этногенеза народов Сибири были поставлены как узловые. В целом его исследования 1930–1950-х гг. играли исключительно важную роль в развитии археологии Сибири и стали основой для дальнейших изысканий как самого Алексея Павловича, так и других исследователей.

5.6. Воззрения С. И. Руденко

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) – одна из самых ярких и харизматичных фигур отечественной науки 1920–1960-х гг. С одной стороны, он не нуждается в представлении. Его роли в развитии археологии, этнографии, антропологии Северной Евразии посвящен не один десяток статей [287; 288; 209, с. 105–113; 274 и др.]. С другой стороны, исследователи по-разному оценивают теоретические воззрения С. И. Руденко. Автором этих строк одной из первых отмечены комплексный подход и палеоэтнологическое направление исследований

С. И. Руденко [164, с. 5–6], позже часть материалов о жизни и научной деятельности С.И. Руденко была включена нами в монографию по истории сибирской археологии 1920–1930-х гг. [177, с. 33–37, 72–73, 91–96]. И. Л. Тихонов, изучая процесс становления и развития археологической науки в Санкт-Петербургском университете, посвятил статью, а также отдельный параграф своей книги палеоэтнологической школе Ф. К. Волкова и его учеников, в которую входил С. И. Руденко [375, с. 53–64; 376, с. 115–130]. Алтайский государственный университет ввел хорошую традицию проведения научных конференций памяти исследователя, к которым готовятся специальные доклады по неопубликованным архивным материалам, и неизвестные данные вводятся в научный оборот [342; 120; 292]. Тем не менее, несмотря на продолжительное изучение научного наследия С. И. Руденко, до сих пор ему приписывают приверженность позитивизму, историческому материализму и марксизму [378, с. 34]. Исследователи находят редкие примеры использования им марксистского метода восхождения [228, с. 54; 338, с. 23–24].

Одной из последних монографических работ, посвященных С. И. Руденко, стала кандидатская диссертация О. Г. Шмидт «Ар-

хеологические исследования С. И. Руденко в Северной Евразии», в которой в отдельной главе проанализирован комплексный подход в научной деятельности исследователя [425]. Однако и в настоящее время, изучая вклад ученого в разработку проблем общественного строя населения древнего Алтая, исследователи выявляют его приверженность принципам эволюционной теории и исторического материализма и считают, что на взгляды С. И. Руденко «не могли не оказывать влияния выработанные в советском кочевниковедении в 1930-х – начале 1950-х гг. идеологические догмы» [54, с. 139]. Так, например, цитирую: «В частности, среди советских ученых господствовало мнение, что «пазырыкцы» не «дотягивали» по имеющимся в их культуре признакам до уровня рабовладельческой формации. В связи с этим возникла необходимость обоснования более низкого развития кочевников Горного Алтая. Особенно отчетливо такая тенденция наблюдается в монографиях С. И. Руденко, изданных в 1952 и 1953 гг. В этих работах в качестве определенного теоретического обоснования своих выводов по вопросам социальной истории ученый в ряде случаев ссылается на работы И. В. Сталина» [54, с. 139].

Почему С. И. Руденко попал в разряд ученых, которые дискутировали о том, достигли ли «пазырыкцы» уровня рабовладельческой формации или нет? Если коллеги имели в виду цивилизованных ближневосточных соседей «пазырыкцев», то в данном случае С. И. Руденко не нужно было ничего доказывать, и так все различия налицо: в середине XX в. уже существовал большой комплекс археологических и письменных источников по древней истории Передней Азии. Если же в такой словесной форме выражена идея Руденко о том, «что уровень общественного и культурного развития горных алтайских племен и их западных соседей был неодинаков», то С. И. Руденко обосновал свою точку зрения не ссылкой на работу Сталина, а опять же археологическими и письменными источниками, известными на тот период [310, с. 269–270]. И уж совершенно невозможно представить цитату И. В. Сталина о том, что развитие языков идет по линии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным», обоснованием выводов по вопросам социальной истории пазырыкцев. Вынужденная сталинская

риторика просто служила прикрытием взглядов С. И. Руденко [184]. И использовал он ее только в единственной работе 1953 г. [310, с. 7, 270], ни в каких других книгах, в том числе широко известных трудах 1949, 1952, 1960 и 1961 гг., ссылок на сочинения классиков марксизма-ленинизма нет [316; 308; 313; 314]. В отличие от археологической молодежи, С. И. Руденко не изобретал новый марксистский метод в археологии – метод восхождения (как А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, А. П. Смирнов, С. В. Киселев), не искал черты рабовладения и феодализма на Енисее (как С. В. Киселев).

С. И. Руденко принадлежал к тому поколению ученых с дореволюционным стажем, чей интеллектуальный багаж был значительно богаче марксистских догм. Так как основные труды, по которым можно восстановить теоретические позиции Руденко в сибирской археологии, были напечатаны в 1950-е гг., мы рассматриваем его взгляды в этом разделе. Однако в основном они сформировались еще до Октября 1917 г.

Сергей Иванович Руденко родился 16 (29) января 1885 г. в Харькове в украинской семье потомственных дворян. Позже семья переехала в Пермь, где отцу Сергея Ивану Дмитриевичу предложили должность члена комиссии по размежеванию башкирских земель. После окончания в 1904 г. Пермской классической гимназии С. И. Руденко поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В автобиографии он отмечал, что был зачислен в географическую группу, но по поводу своей будущей специальности у него не имелось никакой ясности. Жизнь внесла свои коррективы. Из-за студенческих волнений после январских событий 1905 г. университет дважды закрывался на полгода и необходимо было чем-то заниматься во время перерывов в учебе. В это время шла подготовка к созданию этнографического отдела Музея императора Александра III (Русского музея.– Л. К.), в связи с чем в провинциальные краеведческие музеи рассылались программы для собирания этнографических коллекций и привлекались сотрудники для данной работы. Узнав в Пермском музее о подобном задании, С. И. Руденко предложил свои услуги по сбору башкирских коллекций. И здесь ему пригодился опыт, который он приобрел в гимназические годы, когда в

каникулы вместе с отцом проводил много времени среди башкир и имел возможность познакомиться с их бытом. Поручение Пермского музея С. И. Руденко выполнил успешно, вследствие чего в студенческие годы постоянно командировался для сбора этнографических коллекций среди башкир, мещеряков, мордвы, чувашей, марийцев и украинцев [177, с. 33–34].

Знакомство с Ф. К. Волковым окончательно определяет научные интересы С. И. Руденко. С 3 курса он выбирает географию и антропологию в качестве своей специальности. В студенческие годы им были написаны и опубликованы первые работы по этнографии, в том числе «Предания и сказки башкир» на французском языке [190, с. 94].

Деятельность молодого С. И. Руденко была замечена маститыми исследователями. Весной 1909 г. заведующий этнографическим отделом Музея императора Александра III Д. А. Клеменц предлагает С. И. Руденко отправиться в Северо-Западную Сибирь для изучения и сбора коллекций среди вогулов (манси), остяков (ханты) и самоедов (ненцы). Результаты экспедиции С. И. Руденко в низовья Оби, помимо ряда статей, будут опубликованы по представлению академика Д. Н. Анучина в «Записках Академии наук» [293]. По окончании обучения в 1910 г. Сергей Иванович был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. он избран действительным членом Императорского Русского Географического общества, а в 1913 г. ИРГО присуждает ему серебряную медаль за доклад о языческих жертвоприношениях у черемис.

В 1912–1913 гг. С. И. Руденко успешно сдал магистерские экзамены и был направлен для совершенствования знаний за границу сроком на 2 года. В период зарубежной командировки он познакомился с музеями и историческими памятниками Турции, Палестины, Египта, Италии и Монте-Карло, (Монте-Карло Руденко посетил специально для изучения Океанографического музея). Основное же время Сергей Иванович работал в Париже – слушал лекции известных профессоров в Антропологической школе, Сорбонне (Парижский университет), Океанографическом институте, а также под руководством профессора Л. Мануврие (Антропологическая школа) разрабатывал специальную тему: «Сравнительная морфология таза

приматов и человека в связи с его переходом к вертикальному положению». В 1913 г. Руденко был избран членом Парижского Антропологического общества, на заседаниях которого он неоднократно выступал с научными докладами. В последующем его доклады были опубликованы в бюллетенях этого общества. В 1914 г., по решению научного общества имени Т. Г. Шевченко во Львове, Руденко стал его членом. Во время заграничной стажировки он принимал участие в Международном конгрессе антропологов и этнографов в г. Ним (Франция) и Международном этнологическом конгрессе в Невшателе (Швейцария). Первая мировая война прервала командировку С. И. Руденко, и в июле 1914 г. он вернулся в Россию.

С января 1915 г. Сергей Иванович был назначен сверхштатным ассистентом кафедры географии и антропологии Петроградского университета. Как в 1921 г. отмечал Руденко в письме Л. С. Бергу: «...только через 5 лет после окончания университета получил должность без содержания и сверх штата, которую мужественно занимал три с лишним года» [177, с. 36]. Он продолжал сотрудничать и выполнять задания ИРГО, Русского антропологического общества, по просьбе профессора М. И. Ростовцева произвел раскопки знаменитых Прохоровских курганов [40, с. 3; 288, с. 378; 137, с. 14–15]. В очередной раз его исследования были отмечены. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1916 г. присудило ему премию имени Великого князя Сергея Александровича за совокупность трудов по антропологии и этнографии России [287, с. 11]. В этом же году С. И. Руденко были присуждены Советом Томского университета две премии по социологии и антропологии, обе в половинном размере, за работу «Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири» [317, с. 61]. С 1917 г. С. И. Руденко являлся ученым секретарем Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Важной вехой в профессиональном росте исследователя стало присуждение ему ученым советом Московского университета в декабре 1917 г. по итогам диспута степени магистра за изданную в 1916 г. монографию «Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 1». После защиты в Московском университете магистерской

диссертации он был избран доцентом Новороссийского университета [288, с. 378]. До лета 1918 г. С. И. Руденко также состоял профессором по географии и антропологии Географического института в Петрограде. Таким образом, к 1919 г. имя Сергея Ивановича Руденко было широко известно в научном мире России. С. И. Руденко – сложившийся ученый, широко образованный, имеющий глубокие познания не только в области антропологии, археологии, этнографии, но и в таких смежных науках, как география, геология. Неслучайно он был приглашен деканом физико-математического факультета Томского университета В. Л. Некрасовым на должность профессора по кафедре географии [177, с. 37].

Томский период для С. И. Руденко был очень насыщенным. После окончания гражданской войны он получил приглашение возглавить кафедру антропологии и этнографии Петроградского университета, и в ноябре 1921 г. С. И. Руденко переезжает в Петроград. Программу палеоэтнологических исследований он реализует через ГАИМК и этнографический отдел Русского музея, которым заведует.

В 1924 г. по поручению Русского музея С. И. Руденко начинает раскопки в Восточном Алтае. Перед Алтайской экспедицией были поставлены задачи в контексте палеоэтнологии: изучение физического типа коренного населения Алтая, его быта в условиях окружающей среды, а также культур древнего населения Алтая [296, с. 61]. В течение двух лет были открыты и произведены раскопки целого ряда памятников различных эпох, что дало возможность начать их систематизацию [295; 315].

Экспедиции носили комплексный характер: исследование археологических памятников; собирание коллекции этнографических предметов; сбор и анализ остеологического материала, характеризующий физический тип населения Алтая в различные культурные эпохи, костных останков домашних животных, образцов горных пород, гербариев и почвенных образцов.

В 1927 г. и в 1929 г. были исследованы первый Пазырыкский и Шибинский курганы (последний раскапывал М. П. Грязнов) [75; 76; 297].

Еще не были подведены итоги работ, много оставалось планов на перспективу, но Алтайской экспедиции под руководством

С. И. Руденко не суждено было в ближайшем будущем продолжить свои исследования. В 1929 г. началась травля С. И. Руденко и С. А. Теплоухова в Ленинградском университете [376, с. 126]. Они были отчислены из состава преподавателей кафедры антропологии географического факультета ЛГУ: С. А. Теплоухов с формулировкой «в связи с исключением предмета палеоантропология в новом учебном плане», для С. И. Руденко готовились серьезные политические обвинения. На страницах университетской газеты он обвинялся в неприятии марксизма, пособничестве реакционным взглядам, недобросовестном отношении к занятиям.

5 августа 1930 г. в Уфе С. И. Руденко арестовали, конвоировали в Ленинград, где обвинили в принадлежности к контрреволюционной монархической организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России», возглавляемой академиками С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле и др. 10 февраля 1931 г. постановлением «тройки» ОГПУ он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и сослан на строительство Беломоро-Балтийского канала [288, с. 379]. После вынесения приговора в Русском музее на протяжении полутора лет была организована дискуссия о роли С. И. Руденко в этнографии, о его влиянии на работу музея [182, с. 11]. Как отметила Н. И. Платонова, травля и арест Руденко не были случайностью: «К концу 1920-х гг. в руках Сергея Ивановича оказались сосредоточены очень многие нити управления наукой в Ленинграде» [274, с. 126], и его противники признавали, что с именем Руденко связана целая эпоха в деятельности ленинградских антропологов, археологов, этнографов и музееведов, охватывающая десятилетие 1920-х гг. В 1934 г. постановлением коллегии ОГПУ С. И. Руденко был досрочно освобожден, но остался на работе в системе НКВД на должности помощника руководителя группы гидрологии и водного хозяйства.

Итак, свои главные археологические открытия – Пазырыкские курганы (1924), С. И. Руденко сделал в Сибири. Исследование памятников мирового значения на Горном Алтае продолжалось совместно с М. П. Грязновым в 1927 и 1929 гг., до ареста С. И. Руденко в 1930 г. После лагерей Сергей Иванович был восстановлен в штате ИИМК только в феврале 1942 г., во время блокады Ленинграда. Руденко снова приступил к раскопкам в 1945 г., возглавив

Чукотскую экспедицию, которая в течение двух лет исследовала эскимосские стойбища I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Вернуться на Алтай он смог только в 1947 г. [300, с. 261–270], изыскания длились до 1954 г. В 1947 г. Руденко исследовал Пазырыкский курган-II, в 1948–1949 гг. – Пазырык-III, IV, V, в 1950 г. – два Башадарских кургана, в 1954 – два Туэктинских кургана. Кроме курганов скифского времени, в 1954 г. С. И. Руденко исследовал палеолитическую стоянку в Усть-Канской пещере.

Основные результаты научной деятельности С. И. Руденко на Алтае опубликованы в фундаментальных монографиях 1953 и 1960 гг. и ряде других работ [297–314]. Специальных теоретических работ С.И. Руденко не писал, поэтому методологические позиции исследователя восстановлены в результате анализа конкретных археологических работ и архивных материалов.

Одна из первых задач, которую ставил перед собой С. И. Руденко, – определение хронологии памятников. Раскопки могильников Пазырык, Башадар и Туэкта имели мировое значение. За счет эффекта курганной мерзлоты сохранились изделия высокого ремесленного мастерства: разнообразные ткани, меховые и войлочные изделия, ковры, кожи, деревянные резные изделия и пр. Хорошая сохранность дерева позволила С. И. Руденко, опираясь на дендрохронологические исследования И. У. Замоторина и аналогии в ближневосточном искусстве, определить даты сооружения больших курганов Алтая с точностью до полувека, в том числе датировать Первый Пазырыкский курган второй половиной V в. до н. э. [313, с. 335–341], с чем согласились многие исследователи 1970–1980-х гг. [217, с. 14]. М. П. Грязнов установил время сооружения Первого Пазырыкского кургана IV–III вв. до н. э. [83, с. 21]. Он ближе всего подошел к определению точной даты, сегодня эта датировка уточнена с помощью радиоуглеродного анализа в пределах III в. до н. э. [115, с. 64–92]. Как мы уже упоминали, С. В. Киселев после проведения в 1930-е гг. исследований на Алтае датировал Пазырыкские курганы гунно-сарматским временем [151, с. 237–238], что позднее, по возвращении С. И. Руденко к алтайским исследованиям, вызовет бурную дискуссию в научной литературе [162, с. 288–303; 308, с. 248–258; 313, с. 162–172; 117, с. 145–150; 412, с. 183–187 и др.].

Для исследований С. И. Руденко в 1940–1950-е гг. характерно, как и в предыдущий период, изучение первобытного человека, его образа жизни в палеоэтнологическом контексте. Он – большой знаток этнографии, учитывающий при археологических исследованиях природно-климатические условия изучаемых регионов, категорически не мог согласиться с заключением «о переходе в начале I тыс. до н. э. большинства племен азиатских скотоводов целиком к кочевому образу жизни» и с термином «ранние кочевники», предложенным М. П. Грязновым. С. И. Руденко сравнил кочевой образ казахов рода адай, туркмен, современных алтайцев и образ жизни племен Алтая в скифское время и пришел к выводу, что можно говорить только о полукочевом образе жизни и отгонном скотоводстве древних алтайцев [298, с. 267; 313, с. 198–201]. С. И. Руденко не принял обоснование М. П. Грязнова о трех этапах эпохи ранних кочевников. Особое возражение вызвало у исследователя выделение майэмирского этапа согласно следующим критериям: конструкция узды, форма бронзовых зеркал, полное отсутствие железных орудий. С. И. Руденко считал, что выдвигаемые критерии неубедительны, а все горноалтайские курганы с каменной наброской, содержащие богатые или рядовые захоронения, имеют одинаковые погребальные конструкции, свидетельствуют о принадлежности одной этнической группе и могут быть датированы скифским временем (VII – IV вв. до н. э.) [313, с. 162–164]. Следует согласиться с точкой зрения барнаульских коллег, которые считают, что нижняя граница скифской эпохи выбрана С. И. Руденко не случайно, а явилась традиционной датировкой, устоявшейся в археологии, и довела над исследователем при рассмотрении начальных этапов культуры [136, с. 16]. Верхнюю границу скифской эпохи (IV в. до н. э.) он обосновал отсутствием в исследуемых курганах китайских находок эпохи ранней Хань, в частности зеркал, которые во множестве появляются вместе с экспансией хунну на запад, и вещей греко-бактрийского происхождения, которые после похода Александра Македонского в Азию могли бы проникнуть на Алтай [308, с. 258; 313, с. 172].

С. И. Руденко вслед за М. П. Грязновым предложил использовать метод трудовых затрат. По его подсчетам, на сооружение второго Башадарского кургана потребовалось затратить от 3000 до

3500 рабочих человекоднев, не считая использования для этой работы упряжных животных. Исследователь сделал вывод о том, что подобные работы не посильны одной семье и, следовательно, в таких курганах погребены богатые и знатные люди. Он пришел к заключению о том, что «размеры погребального сооружения и курганной насыпи определялись количеством участвующих в похоронах и поминках, а число последних в значительной степени зависело от количества скота, забитого родственниками умершего для угощения всех принимающих участие в сооружении кургана» [308, с. 55–56]. С целью выявления принадлежности памятников родам или отдельным семейным группам, Сергей Иванович предложил использовать планиграфический метод. При анализе расположения Пазырыкских курганов по прямой линии, вытянутых в цепочку, он пришел к выводу, что пять Пазырыкских курганов принадлежали трем различным семьям [308, с. 57–58; 313, с. 259]. Он считал возможным восстановить некоторые черты общественного строя древних обитателей Горного Алтая, исходя из внешних размеров погребений, характера и количества инвентаря, положенного вместе с умершим. Это был традиционный прием для отечественных исследователей, дающий возможность реконструировать трехуровневую стратификацию общества раннего железного века: рядовые общинники, знать и вожди племен. По мнению ученого, все общество состояло из патриархальных семей, принадлежащих к отдельным родам, входящим в племена. Для воссоздания общественного строя племен Горного Алтая С. И. Руденко использовал также античные письменные источники, рассказывающие о скифских племенах, и китайские летописи, информирующие об обществе хунну, усуней, юэчжи [308, с. 51–63; 310 с. 253–271; 313, с. 237–244]. Вся характеристика очень продумана, нет социологических схем, цитирования классиков марксизма-ленинизма, подтверждающего правильность созданных реконструкций, и соответствует уровню имеющихся на тот период знаний об обществе пазырыкцев.

С. И. Руденко первым включил культуру племен Алтая в круг скифских культур: «...раскопанный в восточном Алтае курган принадлежит одному из скотоводческих племен, в течение нескольких столетий до н. э. господствующих от Монголии до Карпат, объединенных единой культурой и известных со времен Геродота под

сборным племенем скифов, сарматов, массагетов и т.п.» [297, с. 31]. По мнению исследователя, «единство их материальной культуры» было обусловлено не только конвергентным развитием этих племен, но и тесными связями друг с другом [310, с. 7]. С. И. Руденко считал, что единому облику культуры скотоводческих племен середины I тыс. до н. э. способствовал подвижный образ жизни с всесторонним интенсивным обменом, с совместными военными действиями и ассимиляцией одним племенем другого. При этом он признавал местные особенности «каждого в отдельности племени или группы родственных племен» [310, с. 189].

С. И. Руденко проследил связи «южно-сибирских скифов» с родственными им народами Передней Азии, в первую очередь, с персами, и отметил, что если культурные связи европейских скифов с Азией прекратились уже в VI в. до н. э. и на смену им пришли связи с Грецией, то у алтайских племен, напротив, эти связи продолжались дольше и особенно интенсивными были в V в. до н. э. В исследованиях С. И. Руденко нашли подтверждение связи населения Горного Алтая с Китаем, отмеченные в китайских летописях [308, с. 64–87; 310, с. 342–361; 313, с. 173–188]. Решая вопрос об этнической принадлежности скифских племен Алтая, исследователь сопоставлял археологические материалы с данными Геродота и китайских династийных хроник и отождествлял их с легендарными «стерегущими золото грифами» или с племенами, известными китайцам под именем юэчжи [313, с. 176]. Эта точка зрения с коррективами поддерживается и современными исследователями [326, с. 132; 276, с. 10; 190, с. 172].

На основе тщательного анализа погребального обряда Сергей Иванович восстановил верования и культы пазырыкцев, в том числе обычай бальзамирования [310, с. 326–341; 313, с. 324–334]. Он очень скрупулезно собирал факты для исторической интерпретации. От него не ускользнула такая деталь погребального обряда, как поминальная тризна до насыпки камней кургана. Это дало возможность исследователю сделать предположение о том, что «большие горноалтайские курганы покрывались камнями не во время захоронения, а некоторое время спустя – при поминках» [313, с. 327].

С. И. Руденко одним из первых установил влияние переднеазиатского искусства на стиль искусства «южно-сибирских скифов» [298, с. 274–275; 308; 310; 313; 314], эта идея также развивалась М. П. Грязновым [91]. В работах Руденко был дан пример всестороннего анализа мотивов и приемов стилистического оформления предметов пазырыкского искусства, особое внимание уделено рассмотрению звериного стиля [308, с. 88–223; 310, с. 272–325; 313, с. 245–323]. В первую очередь, он обращал внимание на декоративность искусства, которое, по его мнению, являлось «ярким показателем своеобразной культуры народа, уровня его художественного восприятия и силы его творчества». Сергей Иванович, не отрицая смыслового значения некоторых мотивов в художественном творчестве племен Горного Алтая, их мировоззренческой направленности, в отличие от М. П. Грязнова, настаивал на том, что задачей искусства было украшение всевозможных утилитарных вещей [313, с. 245, 322].

С одной стороны, С. И. Руденко, так же, как Б. Э. Петри и С. А. Теплоухов, понимал под «археологической культурой», в первую очередь, материальную культуру [313, с. 201]. Именно поэтому он по археологическим источникам восстанавливал не социально-экономические отношения, а занятия и образ жизни древних племен, давал характеристику одежде и украшениям, технике обработки различных материалов, средствам передвижения [308; 310; 313]. С другой стороны, он отмечал, что деление на материальную и духовную культуру условно: «Провести грань между духовными и материальными элементами (культуры. – Л. К.) совершенно невозможно, ибо живая единая природа классификации не знает». Тем не менее С. И. Руденко как ученый всегда отстаивал позицию классификации и систематизации изучаемых материалов, поэтому условно к элементам материальной культуры относил: «1) добывание пищи, 2) жилища, 3) народную технику, 4) средства передвижения, 5) игры, забавы и т. д.»; к элементам духовной культуры: «искусство, верования, международные отношения, общественную жизнь и т. д.» [186, с. 183].

Особенно ярко проявились палеоэтнологические воззрения С. И. Руденко в предложениях о создании музея истории человечества. Он его замышлял как музей антропологии в широком смысле

слова, соединяющий современные данные нескольких наук: физической антропологии, этнографии, археологии, географии, биологии. В таком музее, по замыслу Сергея Ивановича, будут экспонироваться ископаемые и современные приматы; человек будет представлен в развитии; с помощью многочисленных препаратов, слепков, фотографий и красочных иллюстраций будут показаны возрастные, половые и расовые отличия людей. В музее, по его мнению, должен быть воссоздан облик представителей различных этнических групп, приведены в таблицах изменения строения человеческого тела во времени, а на географических картах отображено распространение в пространстве отдельных видов человека. Рассматривая природу как полноценный источник, С. И. Руденко полагал, что особое место должно быть уделено влиянию окружающей среды на строение человеческого тела. В экспозиции должна быть представлена физиология размножения, питания и труда человека [294, с. 35–41]. В своих исследованиях он всегда учитывал влияние окружающей среды на образ жизни древнего человека.

С. И. Руденко считал, что археологические и этнографические источники дополняют друг друга и между ними можно проводить аналогии, более того, он полагал, что «воспроизведение быта прошлых времен возможно только отправляясь от известного изучения быта современного нам человечества». Исследователь исходил из двух предпосылок: 1) если в древности и в этнографической современности у народов встречаются похожие орудия и другие предметы быта, то древние и этнографические предметы принадлежат к одной культурной группе; 2) по аналогии с современным бытом можно делать заключение и о древней социальной организации, «сходство в вещественных остатках свидетельствует о сходстве и в общественных обычаях» [184, с. 21]. Так, например, по аналогии с хорошо известными внутриродовыми отношениями у современных азиатских кочевников-скотоводов С. И. Руденко составлял представление о взаимоотношениях внутриродовых единиц алтайских скифов [298, с. 270]. При этом он предостерегал от отождествления понятий «этнос» и «археологическая культура»: «этническая группа и культура не совпадают между собой» [184, с. 21].

Сохранились некоторые суждения общего порядка, согласно которым С. И. Руденко являлся страстным поборником сциентизма,

расценивающим математику образцовой наукой и призывающим строить остальные науки по ее образу и подобию. Он отмечал, что «наука учит не фактам, а тому, как обращаться с фактами, чтобы осветить их; учит логике, системе, порядку. Логика и математика – это не науки, а все-таки совершенные методы, лежащие в основе всех наук. Они учат, как правильно моделировать и приводить в порядок любое многообразие. На их основе строится общая методология науки, затем методология отдельных дисциплин» [184, с. 21]. Заметьте, о марксизме ни слова. Конечно, в данном случае он писал о методах: о систематике и классификации, которые рассматривал в качестве основы всякой науки, отмечая при этом, что всякая классификация условна [184, с. 21].

В методике полевых исследований С. И. Руденко исходил из того, что, раскапывая памятник, археолог его уничтожает, поэтому он «должен сделать все от него зависящее, чтобы его не винули в ущербе, нанесенном науке». Исходя из этого, Руденко предлагал «записывать протокольно весь процесс раскопок», брать все находки, независимо от их количества, для установления относительной хронологии археологических объектов соблюдать стратиграфический метод [184, с. 21]. Необходимо отметить, что при раскопках больших курганов пазырыкской культуры С. И. Руденко, вопреки методике, не обнажал все сооружение и не раскапывал памятник на снос, а копал «колодцем» [264, с. 91].

С. И. Руденко считал в изучении вещественных материалов важнейшими аналитический и синтетический методы, а при показе в музейных экспозициях – эволюционный и систематический методы [184, с. 21].

Судьба распорядилась так, что в годы репрессий С. И. Руденко занимался инженерной гидрологией, а в 1944 г. ему была присуждена степень доктора технических наук за работу «Испарения с водной поверхности и расчеты потерь на испарение с больших водохранилищ». В 1953 г. он возглавил лабораторию археологической технологии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (с 1959 г. Института археологии). С. И. Руденко был ярким сторонником использования методов точных наук в разрешении спорных вопросов археологии, особенно это касалось определения возраста археологических объектов. «Для археологии,

науки исторической, определение времени или иных событий в абсолютных величинах имеет первостепенное значение», – писал он [184, с. 21–22]. С.И. Руденко полагал, что широкое использование радиоуглеродного, дендрохронологического, палеогеографического, палеомагнитного и других методов точных наук выведет отечественную археологию на новый уровень [184, с. 22].

Подводя итог анализу теоретических воззрений С. И. Руденко в археологии, можно констатировать, что он не был привержен марксистским догмам. С. И. Руденко всегда придерживался палеоэтнологической парадигмы, согласно которой исследования трех наук: антропологии, археологии и этнографии должны проводиться в комплексе с изучением естественной среды обитания древнего человека. Его эволюционистские взгляды никогда не базировались на концепции однолинейного единообразия развития культуры от простых форм к сложным. Теоретические воззрения С. И. Руденко заключались в активном применении сравнительно-исторического метода, который основывался на представлении о том, что социокультурные системы настоящего в различной степени содержат в себе элементы прошлых стадий развития. Исходя из этого, С. И. Руденко полагал, что можно проводить аналогии между социальной организацией современных этносов и древних племен. В 1920–1930-е годы он выступал страстным сторонником сциетизма или логического позитивизма (одно из направлений неопозитивизма), популярного среди научно-технической интеллигенции 1920–1930-х гг., поддерживающей идею об основополагающей роли науки в суждении о мире. Приверженцем математических и естественнонаучных методов в археологии он оставался до конца своей жизни. С. И. Руденко категорически не принимал идей марксизма и использовал несколько небольших цитат в единственной работе как вынужденную марксистскую риторику.

5.7. Теоретические разработки М. П. Грязнова

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) – «блестящий исследователь древней истории Центральной и Северной Азии, непревзойденный методист, всесторонне прочитывающий археологический объект в полевых условиях, умевший мастерски извлекать

максимально исчерпывающую информацию практически из любого артефакта» [235, с. 113]. Так высоко специалисты оценивают личность ученого в отечественной археологии. До сих пор его труды являются одними из наиболее цитируемых, изложенные им идеи и исследовательские принципы активно разрабатываются последователями.

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984)

На сегодняшний день можно составить внушительный список статей, посвященных деятельности выдающегося ученого [30; 36; 35; 46; 65; 135; 179; 223; 224; 229; 327; 329; 421; 422, 423; и др.]. Наиболее полно основные этапы жизни и творчества М. П. Грязнова отражены в работах Н. А. Аванесовой и Л. Р. Кызласова [2], М. Н. Пшеницыной и Н. А. Боковенко [280], А. М. Решетова [289].

В 1987 г. В. И. Матющенко стал инициатором проведения в Омске «Исторических чтений памяти М. П. Грязнова» [128; 61; 62; 380; 381; 419; 281; 424; 340, 60]. Тем не менее существует еще потребность в дальнейшем изучении биографии и научного наследия М. П. Грязнова. Не все архивные материалы введены в научный оборот. Есть необходимость в уточнении некоторых фактов жизни и деятельности М. П. Грязнова. Не однозначно оцениваются методологические установки его взглядов при разработке им проблем социальной организации ранних кочевников [53, с. 30–33; 378, с. 42–51].

О детстве, юности и семье М. П. Грязнова мы знаем немного. Родился он 13 марта (28 февраля по старому стилю) 1902 г. в г. Березове Тобольской губернии (в настоящее время Тюменская область) в семье инспектора городского четырехклассного училища. Его отец Грязнов Петр Никандрович рано умер, – в 1914 г. в возрасте 49 лет. Занимал он тогда должность инспектора народных училищ Мариинского уезда Томской губернии (ныне Кемеровская

область), и семья в это время жила в Мариинске. М. П. Грязнов с 1912 г. учился во Втором Томском реальном училище. Мать Пушкарева Леонила Павловна учительствовала и ненадолго пережила мужа, она умерла в 1917 г. в возрасте 52 лет. После смерти родителей Михаил Петрович и его два брата жили на заработок старшей сестры, также учительницы. М. П. Грязнов вспоминал о том, что ему приходилось с 15 лет зарабатывать деньги частными уроками с неуспевающими учениками [179]. Вероятно, ранняя потеря родителей в столь суровое время сформировала некоторые стойкие черты характера будущего исследователя. Ему пришлось рано повзрослеть.

В 1919 г. М. П. Грязнов окончил училище и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Томского университета, именно на естественное, а не на математическое отделение, как гласит археологическая легенда и указывается в некоторых изданиях [280, с. 19; 289, с. 69]. На кафедре географии и антропологии естественного отделения ТГУ преподавали С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, А. К. Иванов. М. П. Грязнов уже во втором семестре занимался под руководством профессора С.И. Руденко антропологией. Летом 1920 г. он был командирован в географическую экспедицию в предгорья Саян. И на Енисее географический отряд встретился с археологическим, сотрудники которого раскапывали курганы скифского времени. Отряд М. П. Грязнова задержался на две недели на раскопках. С этих пор Михаил Петрович связал свою судьбу с археологией навсегда. На втором году обучения М. П. Грязнов активно занимался остеометрией – измерял и изучал кости скелетов из курганов Минусинского края, привезенные археологической экспедицией после полевого сезона 1920 г. Летом 1921 г. М. П. Грязнов уже целенаправленно был командирован в Минусинский край в антропологическую экспедицию, руководимую С. А. Теплоуховым. Кроме участия в раскопках, он получил персональное задание от Сергея Александровича по описанию курганов. М. П. Грязнов с первых лет обучения в университете прекрасно зарекомендовал себя как начинающий исследователь и на третьем курсе в ноябре 1921 г. был принят препаратором при кабинете географии и антропологии ТГУ. Михаил Петрович занимался реставрацией керамики, остеологией материалов, получен-

ных при раскопках погребений Минусинского края, продолжал исследования по курганографии. Участвовал он и в работе студенческого кружка. Так, в декабре 1921 г. М. П. Грязнов сделал доклад на тему «Каменные бабы Минусинского края», а в январе 1922 г. – «Каменная индустрия Минусинского края» [179, с. 16]. Изучение древних изваяний Минусинских степей он проводил совместно со студентом историко-филологического факультета ТГУ Е. Р. Шнейдером, о котором С. А. Теплоухов отзывался как о превосходном рисовальщике [177, с. 76].

Весной 1922 г. М. П. Грязнов при поддержке С. А. Теплоухова и С. И. Руденко переехал в Петроград. С апреля 1922 г. Грязнов состоял студентом 1 курса естественного отделения физико-математического факультета Петроградского университета. Сразу же ему пришлось искать средства для существования. В мае 1922 г. он устроился регистратором в Институт археологических технологий РАИМК, где проработал до конца 1925 г. Наличие опыта полевых исследований позволило М. П. Грязнову проявить себя в небольших самостоятельных изысканиях. В 1922 г. по поручению РАИМК он обследовал разрушенный могильник XVI–XVII вв. в Курдовском карьере Лисинской волости Детскосельского уезда под Петроградом. Кроме того, летом 1922 г. М. П. Грязнов принимал участие в Верхневолжской экспедиции Академии наук, руководимой Д. А. Золотаревым. Она изучала карел и русских (пушкарей) в Весьегонском уезде Тверской губернии. Задачей Грязнова было провести тщательные антропометрические измерения русского и карельского населения [179, с. 16.].

Конечно, Михаил Петрович уже в студенческие годы был настроен на дальнейшие археологические исследования в Сибири. В 1923 г. он снова участвовал в экспедиции С. А. Теплоухова в Минусинский край. Здесь совместно со Е. Р. Шнейдером они продолжают изучение каменных изваяний. Позже ими будет предложена первая типология древних изваяний Минусинских степей [99; 100; 101]. В 1924–1925 гг. М. П. Грязнов совместно с А. К. Ивановым проводил исследования в окрестностях Томска. В 1924 г. они раскопали 50 курганов XVII в. в Тояновом городке и осуществили разведки по р. Томи, где обнаружили стоянки неолитической и бронзовой эпох. В 1925 г. в результате разведки А. К. Ивановым и

М. П. Грязновым были выявлены неолитический могильник на Татарском кладбище и стоянка карасукской культуры в Лагерном саду [179, с. 17]. С 1924 по 1929 гг. М. П. Грязнов принимал участие в исследованиях Алтайской экспедиции под руководством С. И. Руденко. В 1925, 1927 и 1929 гг. Михаил Петрович руководил самостоятельным отрядом на Алтае. Среди самых ярких открытий М. П. Грязнова, имеющих мировое значение, выделяются Шибинский (1927) и Пазырыкский (1929) курганы, последний раскапывался по настоянию С. И. Руденко [264, с. 91]. Кроме того, в 1925 г. М. П. Грязнов провел раскопки андроновских могил в Казахстане.

С января 1925 г. М. П. Грязнов – научный сотрудник Этнографического отдела Русского музея, отдела, которым заведует С. И. Руденко. До 1933 г. это будет его основное место деятельности. Все свободное от службы время он посвящает научным изысканиям по археологии Сибири, времени на посещение занятий в университете не остается. Осенью 1925 г., не закончив полного курса обучения, М. П. Грязнов оставляет университет [179, с. 17]. Тем не менее к этому периоду он почти сформировался как специалист. Пройдена школа С. И. Руденко, С. А. Теплоухова, Д. А. Золотарева. За его плечами 6 полевых сезонов, он ежедневно работает и вращается в профессиональной среде богатого научными учреждениями и библиотеками Ленинграда. Опубликовано две совместных с С. И. Руденко работы «Сбор органических остатков при палеоэтнологических и археологических раскопках» [335] и «Инструкция для измерения черепа и костей человека» [98], которые послужили руководством для исследователей на протяжении многих десятилетий и были выдержаны в духе палеоэтнологических позиций. С. И. Руденко поддерживал молодого Грязнова. В 1925 г. антропологическое отделение ЛГУ было переведено с физико-математического факультета на географический. В этот период С. И. Руденко были нужны знающие люди, соратники, и он пригласил М. П. Грязнова работать препаратором кабинета антропологии на географическом факультете. Там под руководством С. И. Руденко последний трудился до 1929 г., когда в университете начались гонения на Сергея Ивановича, и он вынужден будет уйти из ЛГУ вместе с С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым.

После раскопок памятников мирового уровня любая Академия сочла бы за честь принять в штат автора этих раскопок. М. П. Грязнов получил возможность с 1929 г. работать по совместительству старшим научным сотрудником ГАИМК. Он опубликовал три небольшие статьи о раскопках Шибинского и Пазырыкского курганов [75; 76; 77], а также более объемные работы по эпохе бронзы, связанные с исследованиями в Западном Казахстане [73; 74; 81]. Материалы из Казахстана дали возможность провести аналогии с сибирскими находками. В результате исследователь пришел к выводу, что орудия ранней эпохи бронзы Казахстана, Алтая и Минусинского края принадлежат одной культуре – андроновской, в среднем и позднем бронзовом веке наблюдается самостоятельное локальное развитие культур на западе и востоке. В итоге, по мнению Грязнова, в Казахстане и Алтае развивается «сравнительно бедная казахстанско-алтайская культура», в Минусинском крае – «очень богатая минусинская культура» [81, с. 162].

На рубеже 1920–1930-х гг. Грязнов подвел промежуточные итоги исследованиям на Алтае и на основе периодизации культур С. А. Теплоухова, разработал культурно-хронологическую схему смены археологических культур Алтая. Всего он выделил семь этапов:

1. Дометаллическая культура представлена погребением на Чудацкой горе, двумя земляными курганами на р. Ян-Улаган в горной части Алтая и некоторыми другими находками, в том числе керамикой, аналогичной керамике афанасьевской культуры Минусинского края.

2. «Ранняя бронза (андроновская культура)» охарактеризована М. П. Грязновым полнее. Памятники этой эпохи обнаружены были исключительно в предгорной части Алтая: это погребения в Усть-Каменогорском уезде, в Бийском округе, а также отдельные находки бронзовых и медных орудий (плоские и обушные топоры, кельты, украшенные геометрическим орнаментом, плоские ножи-кинжалы).

3. «Средняя бронза (карасукская культура)» ассоциировалась у М. П. Грязнова с немногочисленными, случайными находками на территории Алтая.

4. «Поздняя бронза» представлена случайными находками

бронзовых предметов и керамики по рекам Бии и Оби, а также двумя стоянками у с. Большереченского.

5. «Первый этап железной культуры». Основным типом памятников являлись курганы, исследованные А. В. Адриановым на р. Бухтарма, В. В. Радловым на р. Катанда и на р. Берель, С. И. Руденко и М. П. Грязновым у г. Бийска, в с. Сростки, на реках Урсул и Катанда.

6. «Второй этап железной культуры» представлен главным образом курганами на р. Чулышмане в урочище Кудыргэ.

7. «Третий этап железной культуры» характеризуют многочисленные памятники, подобные курганам у с. Сростки [78; 79].

Материал для выделения первой – неолитической культуры был незначительный, поэтому М. П. Грязнов сомневался в принадлежности обнаруженных памятников одной эпохе или различным культурным этапам [79, с. 4–5]. Он, как и С. А. Теплоухов, считал, что носители андроновской культуры пришли с запада, отмечая, что предгорье Алтая являлось частью большой культурной области распространения андроновской культуры, охватывающей всю степную и прилегающую к ней лесостепную полосы Западной и Центральной Сибири. По мнению М. П. Грязнова, начиная с карасукской эпохи, «западный Алтай являлся центром распространения своеобразных форм ножей и кинжалов, свидетельствующих о существовании особого казахстанского очага бронзовой культуры» [79, с. 6]. Позже М. П. Грязнов будет развивать идею о многовариантности культуры карасукского типа [93]. Бронзовым орудиям поздней бронзы исследователь нашел аналогии как на территории Казахстана и Западной Сибири, так и на территории Минусинской котловины. М. П. Грязнову удалось восстановить занятия носителей бронзовых культур. Если население андроновской культуры занималось охотой и скотоводством, то материалы карасукских стоянок позволили автору раскопок прийти к выводу, что носители культуры поздней бронзы занимались рыболовством, охотой и скотоводством [79, с. 6–7].

По поводу инвентаря первого этапа железной культуры М. П. Грязнов заметил, что ножи и кинжалы изготавливались как из бронзы, так и из железа, причем последние повторяют формы первых. М. П. Грязнов подразделил все курганы ранней железной

культуры на две группы: «Плоские земляные или каменные холмы небольших размеров и огромные каменные насыпи, диаметром до 50–60 м». Первые предназначались рядовому населению, вторые сооружались для знати. Могилы первого типа нередко имели деревянный сруб, в одной могильной яме погребали и человека, и лошадь. Основной погребальный инвентарь составляли бронзовые и костяные наконечники стрел, железные и бронзовые ножи, а также узда с украшениями из бронзы и рога. Курганы второго типа встречались значительно реже и были ограблены еще в древности. М. П. Грязнов в общих чертах описывает погребальный обряд, упоминая, что знатного человека хоронили в огромной яме, глубиной до 6,5 м, в деревянном сооружении сложной конструкции вместе с большим количеством лошадей (до 15 лошадей), украшенных уздечными уборами. Исследователь считал, что эта культура принадлежала кочевникам, у которых наблюдалась яркая социальная дифференциация. М. П. Грязнов особо отметил, что в могилах второго этапа железной культуры вместе с умершим погребали лошадь в полном уборе с уздой и седлом, а из погребального инвентаря обратил внимание на шелковые ткани, бронзовые зеркала и монеты из Китая. Погребения третьего этапа железной культуры нередко сопровождалось обрядом трупосожжения, а вместо лошади иногда клали только узду и седло. По китайским монетам династии Тан, обнаруженным в курганах, М. П. Грязнов датировал этот этап VII–X вв. н. э. [78; 79].

Безусловно, эта предварительная схема культур Алтая уступала классификации, созданной С. А. Теплоуховым, и требовала тщательной доработки после получения массового материала. М. П. Грязнов и сам это прекрасно понимал. На том уровне научных знаний об археологии Алтая его схема была дана без хронологического подразделения культур. Он пока предполагал как возможное условное объединение памятников, принадлежащих к разным культурам (эпоха неолита), так и временное условное объединение памятников разных этапов в одну стадию или культуру [78, с. 19]. Тем не менее, как отмечают исследователи, периодизация М.П. Грязнова не потеряла своего значения до настоящего времени [135; 136, с. 12–13; 378, с. 44].

Однако научная деятельность М. П. Грязнова была прервана 29 ноября 1933 г. Его, как и многих других ученых (С. А. Теплоухова, Ф. А. Фиельструпа, А. А. Миллера и др.), арестовали по сфабрикованному делу «Российской национальной партии». Опубликованные протоколы допросов показывают, что на Михаила Петровича не подействовали запугивания следователей. Держался он стойко, виновным себя не признал, ни одного протокола допроса не подписал, в отличие от остальных арестованных [127, с. 85–90].

После возвращения в Ленинград М. П. Грязнова из ссылки и С. И. Руденко из лагерей эти два, когда-то достаточно близких, человека, перестали общаться друг с другом. Вероятно, основной причиной тому послужило участие М. П. Грязнова в неприглядной дискуссии о «руденковщине», инициированной руководством Русского музея в 1931 г. Почему он легко осудил своего наставника и руководителя, всегда поддерживающего его? Трудно сказать. Он не был одинок. Как было отмечено выше, сотрудников этнографического отдела принуждали к участию в дискуссии против своего бывшего заведующего в течение нескольких месяцев. Специально собирали методологические совещания, на которых безоговорочно требовали публично выступить с отречением от С. И. Руденко, к тому времени уже осужденного и отправленного в ГУЛАГ. Большинство сотрудников сдались. На этих показательных совещаниях присутствовали и те коллеги, с которыми была пережита гражданская война, голод, холод; которые за многие годы совместной деятельности стали друзьями. Ф. А. Фиельструп категорически отказался участвовать в дискуссии, С. А. Теплоухов «пытался превратить дискуссию в оборону (так в резолюции. – Л. К.) "Руденковщины"». М. П. Грязнов подверг нелюбезной критике С. И. Руденко и отрекся от него [179]. Возможно, как и большинство сотрудников, был напуган, может быть, разрыв дружеских отношений произошел раньше, или критика в адрес С. И. Руденко явилась выражением недовольства его руководством, его методикой раскопок? Этого мы уже никогда не узнаем. Тем более, что С. И. Руденко и М. П. Грязнов были воспитанными людьми и, по воспоминаниям современников, при встречах никогда не поднимали подобных вопросов.

До ареста и ссылки М. П. Грязнов работал в составе группы по истории кочевого скотоводства («бригада ИКС» – М. И. Артамонов, В. В. Гольмстен, Г. П. Сосновский и М. П. Грязнов), которая была создана в 1930 г. при секторе архаической формации ГАИМК. Целью деятельности группы было комплексное изучение памятников номадов, и на этой основе создание полновесной истории кочевого скотоводства [122; 123]. В 1931 г. сектор, при котором работала группа, подвергся реорганизационной перестройке, и «бригада ИКС» была упразднена. Некоторые итоги деятельности группы были опубликованы только через 10 лет в сборнике «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных» [66; 359]. М. П. Грязнов разрабатывал проблему кочевников Сибири скифского времени и с расформированием группы не потерял интерес к этой теме. После возвращения из ссылки в 1937 г. он публикует работу «Пазырыкский курган», в которой впервые обосновывает выделение исторической эпохи «первых кочевников-скотоводов» [83, с. 6–7]. В 1939 г., принимая участие в создании коллективного труда «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», М. П. Грязнов широко вводит в научный оборот понятие «ранние кочевники» или «эпоха ранних кочевников» [84, с. 400], которым дает теоретическое обоснование в монографии «Первый Пазырыкский курган» [91, с. 3–8]. Д. Г. Савинов справедливо замечает, что «ранние кочевники», по Грязнову, – понятие формационного порядка и «отражает качественно новый уровень исследований», а также знаменует собой переход от эмпирических наблюдений к историческим обобщениям [327, с. 76]. М. П. Грязнов раскрыл историческое содержание эпохи ранних кочевников на археологическом материале. Он считал, что переход к кочевому скотоводству привел к коренным изменениям в жизни степных племен. Использование зимних и летних пастбищ увеличило вдвое кормовую базу для скота, что, в свою очередь, привело к росту стада. Овладение техникой верховой езды обеспечило быстроту передвижения при пастьбе скота, а в дальнейшем совершило переворот в военном деле степных племен. Кочевники с неуловимой конницей стали бичом оседлого населения и спровоцировали последнее отказаться от оседлой жизни и перейти к кочевой. «Война стала постоянным промыслом» [91, с. 3–4].

М. П. Грязнов датировал эпоху ранних кочевников VII до н. э. – I в. н. э. Уточняя хронологию алтайских памятников скифского времени, он выделил 3 этапа: 1) майэмирский (VII–V вв. до н. э.); 2) пазырыкский (V–III вв. до н. э.); 3) шибинский (II в. до н. э. – I в. н. э.), и в каждом из этапов проследил «последовательные изменения в хозяйственной и социальной жизни племен», представляя их как цельную эпоху ранних кочевников [84, с. 400]. Более аргументированную характеристику выделению начального – майэмирского – этапа формирования культуры ранних кочевников М. П. Грязнов дал в докладе, прочитанном на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК 5 июля 1945 г., позже опубликованном в КСИИМК [89]. Он обосновал выделение майэмирского этапа, руководствуясь тремя критериями – конструкцией узды, формой бронзовых зеркал и полным отсутствием железных орудий труда. К памятникам майэмирского этапа исследователь отнес курганы и клад в Майэмирской степи, погребения под Солонечным Белком и в Усть-Куюме, набор бронзовых предметов от верховой сбруи, найденный у Змеиногорского рудника, два комплекта сбруи из Семипалатинского музея и некоторые случайные находки. М. П. Грязнов отмечал важность майэмирского этапа для понимания перехода от карасукской эпохи к эпохе ранних кочевников. Майэмирские памятники и находки, по его мнению, принципиально отличались от предшествующего этапа и, обладая всеми основными чертами следующего периода, особо характеризовали его начало [89, с. 9–13]. В культурно-историческом аспекте исследователь отметил следующие особенности, отличающие этот этап от предыдущего и последующего: погребение коня в особой могиле, отсутствие глиняной посуды, «звериный стиль» в архаических формах, экономическая дифференциация патриархальных семей, возникновение и утверждение института наследования, наличие двух социальных укладов – кочевники-скотоводы, занимающие господствующее положение, и оседлые скотоводческо-земледельческие группы населения. Грязнов считал, что отношения между кочевой и оседлой группами населения на майэмирском этапе были иными, нежели на последующих этапах [89, с. 14–15]. Выделением майэмирского этапа исследователь заполнил существующий про-

бел в периодизации древних культур Центральной Азии и Южной Сибири [327, с. 77–78].

Даты эпохи ранних кочевников: VII до н. э. – I в. н. э. позднее были взяты за основу для хронологических периодизаций археологических памятников Тувы, Казахстана, Средней Азии, Минусинской котловины, Забайкалья, Монголии и Западной Сибири [218, с. 25].

Нельзя согласиться с мнением некоторых коллег, которые записали М. П. Грязнова в сторонники стадимальной теории Н. Я. Марра, только лишь на основании того, что исследователь использует термин «стадия» и развивает идею Н. Я. Марра [212] о переходе хозяйственных функций от оленя к лошади [378, с. 42–51].

М. П. Грязнов не относился к сторонникам автохтонного развития культур. Он, в отличие от Н. Я. Марра, считал первостепенным выделение культурных комплексов в археологии, поддерживал палеоэтнологический принцип связи археологии и естествознания, находил археологию наукой самостоятельной, а не вспомогательной. Поэтому для Грязнова маски пазырыкского кургана выступают не «препаратами, специально изготовленными для иллюстрации известных языковедных положений» [213 с. 324], а археологическими источниками, дающими возможность восстановить обычаи древнего населения Алтая. Приняв исторический материализм без начетничества, он часто действовал в контексте палеоэтнологических исследований и теоретических представлений своего учителя С. А. Теплоухова, например, когда наблюдал в древней истории длительное сосуществование археологических памятников отдельных этапов, составляющих единую культуру [84; 89]. Смена культурно-исторических этапов в его периодизации происходит постепенно без скачков и взрывов. Археология для него является самостоятельной наукой со своими задачами, предметом, источниками и методами исследования. Он был страстным приверженцем естественнонаучных и математических методов в археологии [98; 335; 74; 80; 82; 86; 87]. Стадия для М. П. Грязнова тот же культурно-исторический этап развития носителей определенной археологической культуры в конкретный период, наполненный историческим содержанием. А конкретная идея Н. Я. Марра о замене оленя в качестве средства передвижения лошадью и о маскировке этой заме-

ны в обряде пазырыкцев как нельзя лучше помогла обосновать М. П. Грязнову частную проблему о происхождении убранства конских голов в виде маски с рогами оленя [91, с. 85]. М. П. Грязнов не занимался цитированием классиков марксизма-ленинизма, хотя и принимал некоторые идеи Моргана-Энгельса, например о последовательной смене материнского рода отцовским, об этапе военной демократии. Он очень деликатно решал вопрос о социальной организации в древности. Пазырыкское общество, по его мнению, было хорошо стратифицировано и находилось на стадии военной демократии, когда частная собственность содержалась в руках патриархальных семей и была развита эксплуатация рядовых членов рода. М. П. Грязнов, обратив внимание на монументальность Пазырыкского кургана и сопроводительные захоронения коней с разными метками на ушах, пришел к выводу о захоронении в кургане племенного вождя [83, с. 7; 85, с. 17–18; 91, с. 67–72]. С. А. Васютин, изучивший проблему социальной организации ранних кочевников в отечественной археологии, пришел к выводу, «что М. П. Грязнов ... до конца жизни был убежденным сторонником доклассового и догосударственного характера всех скифоидных обществ» [53, с. 31].

Наличие множества разнообразных художественных изделий из Пазырыкского кургана дало возможность М. П. Грязнову дать развернутую характеристику изобразительного искусства и мировоззрения древних кочевников Алтая. Он так же, как и С. И. Руденко, обнаружил влияние на пазырыкское искусство ближневосточных, среднеазиатских и китайских традиций. Анализируя мифологию скотоводов Горного Алтая, исследователь высказал гипотезу о наличии у них представлений о трехуровневом строении мира (небо, земля, подземный мир) [91, с. 72–85]. Ученый сделал предположение о зарождении героического эпоса в эпоху ранних кочевников [91, с. 5–6].

М. П. Грязнов, изучая древние общества по археологическим материалам, приходил к историческим выводам на основе совершенно новых, разработанных им методов. Для более глубокого понимания общественной жизни в древности М. П. Грязнов предложил использовать метод трудовых затрат. Так, исследуя Первый Пазырыкский курган, он вычислил объемы сооруженной каменной

насыпи – 1800 куб. м., вырытой могильной ямы – 196 куб. м., заготовку 1500 бревен для сруба и заполнения могилы, заготовку бересты, лиственничной коры, стеблей курильского чая и пришел к выводу, общие минимальные трудозатраты составляли 2500–3000 человеко-дней [91, с. 68–69]. М. П. Грязнов обращал внимание на такие нюансы при изучении археологических комплексов, о которых до него никто не задумывался. Он дал пример того, как можно восстановить время года, в которое был сооружен Пазырыкский курган и было совершено его разграбление [91, с. 17–20].

М. П. Грязнов также впервые на примере бронзовых кельтов Минусинской котловины разработал корреляционный метод, используемый для выделения типов из смешенного материала. Сущность метода заключалась в том, чтобы найти зависимость между различными признаками изучаемого массового материала и выделить типы, характеризующиеся определенными сочетаниями двух, трех или более признаков [86, с. 240]. По сведениям Я. А. Шера, работа, напечатанная в 1941 г., была написана в 1929 г. и отдана в печать [421]. В 1920-е гг. статистико-математические методы предлагали использовать в археологических исследованиях П. П. Ефименко, А. В. Арциховский, П. Н. Третьяков. С помощью вариационной статистики они изучали определенное количество однотипных артефактов, обнаруженных в археологических комплексах, и прослеживали их развитие [339]. Архивные материалы показывают, что С. И. Руденко в 1920-е гг. писал о математике как образцовой науке. Как отмечено выше, идеи сциентизма были популярны среди научно-технической интеллигенции 1920–1930-х гг. Видимо, и М. П. Грязнов был подвержен влиянию этих идей. Однако корреляционный метод, предложенный М. П. Грязновым, отличался от статистических методов вышеназванных археологов и был разработан совершенно самостоятельно. За статистическую единицу (элемент) исследователь предложил взять отдельные признаки вещи, в случае с бронзовыми кельтами – форму, орнамент и технику нанесения орнамента. В конечном итоге этот метод вариационной статистики давал возможность привлечь в качестве археолого-исторического источника случайные находки.

М. П. Грязнов предложил методику графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам [87]; методику определения типа рубящего орудия (топор, тесло) [88].

В отечественной археологии сформировалось ошибочное суждение, что только с официальным введением марксизма в 1930-е гг. исследователи стали проводить исторические реконструкции на основе археологических данных. Восстанавливать историческое прошлое по археологическим данным стали задолго до официального внедрения марксизма в археологию, просто количество археологических источников было ограничено и выйти на широкие исторические реконструкции не было возможности. Палеоэтнологи также ставили задачу с помощью археологических источников восстановить доисторию (бесписьменную историю). Был ли М. П. Грязнов сторонником теории стадильности, исторического марксизма или палеоэтнологического подхода? Чтобы решить этот вопрос, необходимо обратиться к методике исторических реконструкций исследователя. М. П. Грязнов восстанавливал бесписьменное прошлое, так же, как это делали С. А. Теплоухов, Б. Э. Петри, С. И. Руденко. Он не занимался составлением ничем не подкрепленных социологических схем, а давал по археологическим данным хорошо продуманную характеристику орудиям труда, хозяйству, средствам передвижения, домостроительству и домашней утвари, питанию, одежде, предметам вооружения; анализировал торговые и культурные связи, т. е. использовал все информативные возможности археологических источников для характеристики в первую очередь, материальной культуры. Восстановление общественных отношений в его работах стояло на последнем месте. Предельно мало для 1930–50-х гг. используются в трудах М. П. Грязнова разработки Моргана – Энгельса. Исследователя отличала в эти годы вдумчивая работа с археологическими артефактами, он подвергал глубокому анализу археологические комплексы и находки. В его работах нет никаких надуманных схем, неподкрепленных археологическими источниками исторических фактов.

Еще один труд М. П. Грязнова «История древних племен Верхней Оби» – яркий показатель такой тщательной работы с источниками [94]. Основу книги составили материалы Верхнеобской (Северо-Алтайской) экспедиции 1946–1947, 1949 гг. под руково-

дством М. П. Грязнова. Раскопки проводились в урочище Ближние Елбаны на р. Оби, близ с. Большая Речка. М. П. Грязнов считал это место исключительным. Он, используя методику локального района, предложенную С. А. Теплоуховым, выявил участок очень удобный для проживания с огромным лесным массивом для охоты, рекой для рыболовства, пашнями и луговыми пастбищами для земледелия и скотоводства, состоящий из гряды дюн. М. П. Грязнов исходил из того, что площадь урочища была расчленена на небольшие участки – дюны, и каждый памятник: поселение, могильник – занимал отдельную небольшую площадку с четкими естественными границами. Он сделал предположение, что «жилища и могильник каждого нового этапа в истории древнего поселка располагались на новом месте. Поэтому здесь не было смежных этапов и весь добытый раскопками вещевой материал относительно легко может быть распределен по отдельным хронологическим группам». В случае же расположения могильника на дюне, служившей раньше местом погребения, или нахождения на одной дюне могильников разных эпох, М. П. Грязнов предлагал использовать стратиграфический метод и типологический анализ [94, с. 5–6]. Первый год работ позволил исследователю высказать принципиальное соображение о путях развития оседлых племен лесной полосы Западной Сибири в эпоху ранних кочевников. По его мнению, их образ жизни в своем развитии отличался от образа жизни степных скотоводов. На правом берегу Верхней Оби продолжалась оседлая жизнь земледельцев-скотоводов с большим удельным весом в их хозяйстве рыболовства и охоты. Грязнов отмечал, с одной стороны, что внешние формы их материальной культуры имели сходные черты с кочевыми племенами степных районов, с другой – с оседлыми племенами лесной полосы Западной Сибири [90, с. 78].

В течение трех лет экспедиция М. П. Грязнова обнаружила погребальные и поселенческие комплексы от эпохи бронзы до первой половины II тыс. н. э. Лесостепь Верхней Оби из неизученного превратилась во второй по степени археологической и исторической информативности район после Минусинской котловины. В предварительной статье исследователь отмечал, что за три года работ на Ближних Елбанах открыты и исследованы памятники одиннадцати последовательных хронологических этапов, начиная с эпо-

хи бронзы (андроновская культура) и кончая телеутами XVI–XVII вв. [92, с. 105]. Это был важный палеоэтнологический принцип – довести изучение древнего общества от ранних этапов бесписьменной истории до этнографической современности. В этой публикации М. П. Грязнов, подобно С. А. Теплоухову [373], скомпоновал в таблицы материал, характерный для каждого из одиннадцати этапов [92, с. 108–109].

Анализируя материалы эпохи бронзы, М. П. Грязнов определил, что «если в андроновское время культура разных племен на обширных пространствах была весьма сходна по внешним признакам, то в карасукскую эпоху такого единства культуры у племен Казахстана и Южной Сибири не наблюдается». Поэтому исследователь считал нецелесообразным распространять термин «карасукская культура» на группы племен карасукского времени – томскую, новосибирскую, верхнеобскую, центральноказахстанскую [94, с. 26].

М. П. Грязновым была открыта в верховьях Оби оригинальная большереченская культура раннего железного века. Он выделил три этапа ее развития: большереченский – VII–VI вв. до н. э., бийский – V–III вв. до н. э. и березовский – II–I вв. до н. э. [94, с. 45–98]. Реконструируя образ жизни большереченцев, М. П. Грязнов предполагал, что первый этап культуры – это период первых конфликтов между кочевым и оседлым населением Южной Сибири, когда оседлые группы населения должны были приспособиться к ранее не известным условиям жизни в связи с новой обстановкой в степях [94, с. 45, 72]. Тем не менее исследователь считал, что на протяжении I тыс. до н. э. наблюдалось последовательное развитие культуры одной и той же этнической группы [94, с. 99].

М. П. Грязнов выделил верхнеобскую культуру. До его исследований ни в верховьях Оби, ни в Алтайском крае в целом не было известно ни одного достоверного археологического памятника I тыс. н. э. Он разделил культуру на 3 этапа: одинцовский – II–IV вв. н. э., переходный – III–VI вв. н. э., фоминский – VII–VIII вв. н. э. [92, с. 108, 111; 94, с. 99–144]. М. П. Грязнов выяснил, что II–III вв. н. э. стали переломными в истории древних племен Верхней Оби: «Со II вв. н. э. внешний облик памятников на Верхней Оби резко изменился, появилась и начала развиваться новая культура, прине-

сенная сюда извне» [94, с. 99]. Имеющиеся памятники еще не дали возможности М. П. Грязнову решить вопрос о происхождении верхнеобской культуры, но предоставили некоторый материал для постановки проблемы. Так, памятники фоминского этапа он связывал «не со степными племенами Южной Сибири, а с широко расселившейся в то время в лесной и лесостепной полосе Сибири и северного Приуралья группой культурно родственных им племен, по всей вероятности, угорских» [94, с. 140]. Открытие верхнеобской культуры инициировало дискуссию между М. П. Грязновым и В. Н. Чернецовым. Михаил Петрович в связи с открытием памятников фоминского этапа предлагал пересмотреть датировку усть-полуйской культуры, Валерий Николаевич настаивал на датировании фоминского этапа II в. до н. э. – II в. н. э. [94, с. 133, 140]. Проблема была решена только в конце XX в.: В. Н. Чернецов оказался прав, Т. Н. Троицкая и А. В. Новиков выявили, что фоминские комплексы с кремациями хронологически предшествуют одинцовскому этапу [383, с. 83–84].

Памятники следующей сrostкинской культуры (IX–X вв.), по мнению М. П. Грязнова, отражали очередную смену культуры, связанную со сменой населения. Новый обряд погребения отражал приход скотоводов [94, с. 145–152].

Последний период, датируемый М. П. Грязновым первой половиной II тыс. н. э., не позволял «дать сколько-нибудь полного представления о культуре населения Верхней Оби». Однако исследователь считал, что бурные события в Центральной Азии, когда население Алтая входило в состав государств киданей, затем найманов на положении подчиненных народов, приводили к переселению части племен на север в верховья Оби [94, с. 153–157]. Монография М. П. Грязнова содержит хорошо систематизированный и классифицированный материал с описанием и таблицами рисунков и чертежей памятников и инвентаря, что до сих пор для исследователей представляет источниковедческий интерес. В этой работе можно наблюдать одну из самых корректных реконструкций древней истории на основе археологических источников.

Итак, в целом можно констатировать, что наряду с историческим материализмом М. П. Грязнов в большей степени оставался сторонником палеоэтнологических позиций. Он в 1930–1950-е гг.

развивал идею С. А. Теплоухова о последовательной смене генетически связанных между собой археологических культур. Проводимая им реконструкция хозяйства, образа жизни носителей древних культур также незначительно выходила за рамки палеоэтнологии. Михаил Петрович восстанавливал бесписьменную историю по археологическим данным. На позиции исторического материализма исследователь становился только в тех случаях, когда экономические факторы были связаны с социальными. Влияние исторического материализма проявилось в трудах М. П. Грязнова при реконструкции общественных отношений, при этом необходимо отметить – идеям «вульгарного марксизма», теории стадиальности он никогда не был подвержен и работал с археологическими артефактами очень корректно, восстанавливал только те исторические события и явления, которые нашли отражение в археологических источниках. Он использовал комплексный подход, предложенный палеоэтнологами, изучая человеческое общество в контексте естественной среды обитания.

Идеи палеоэтнологического направления М. П. Грязнов будет развивать дальше [185]. Исследователь предложил использовать, по примеру биологической систематики, бинарную номенклатуру, позволяющую классифицировать памятники на территориальные и хронологические группы. Так, в одной из теоретических работ он напишет: «Культура, как термин археологической классификации, это – период в истории конкретного общества», который делится на отдельные хронологические этапы. Итак, приняв за основную таксономическую единицу археологическую культуру, исследователь делил ее на этапы [95, с. 21] и таким образом более точно определял хронологию отдельных археологических памятников. Более детальным хронологическим делениям – этапам – он давал имена собственные. Деление культуры на локальные варианты, по мысли М. П. Грязнова, позволяло установить более четкое территориальное распространение культуры и выявлять этнические взаимосвязи [95, с. 22]. У исследователя сложился горизонтальный ряд таксономической системы: **локальный вариант – культура – культурная общность** [78; 93; 94; 96].

Согласно представлениям М. П. Грязнова, механизм выделения археологических культур основан на классификации археологических объектов. Он отмечал, что важна типологическая (или ге-

нетическая) систематика археологических артефактов, разделяющая «их по признакам сходства и различия в исторически (генетически) связанные друг с другом группы» [95, с. 18]. Таким образом, археологическая культура в таксономической системе исследования замыкала вертикальную иерархию: **признак – тип – культура**. При этом М. П. Грязнов справедливо считал, что «определяется тип не по одному какому-нибудь признаку, а по совокупности всех доступных нашему учету особенностей изучаемого объекта» [95, с. 19].

Таким образом, для М. П. Грязнова в понимании термина «археологическая культура» соединились такие важные понятия палеоэтнологической парадигмы, основанной на эволюционизме, как признак, тип, археологическая культура.

5.8. Идеи В. Н. Чернецова

Теоретические разработки по проблемам археологии Сибири в конце первой половины XX в. связаны с именем еще одного выдающегося исследователя, этнографа, археолога, лингвиста **Валерия Николаевича Чернецова (1905–1970)**.

В. Н. Чернецов родился в семье известного московского архитектора. 18-летним юношей он был приглашен в качестве радиотехника в геодезическую экспедицию на Северный Урал. Работы экспедиции проходили в течение двух лет. В этот период В. Н. Чернецов подолгу жил среди обских угров, выучил мансийский язык и собрал великолепный материал по фольклору манси. Поездка на

Урал содействовала формированию его научных интересов и во многом определила судьбу [50, с. 194]. В 1925 г. В. Н. Чернецов поступает на этнографический факультет Ленинградского географического института, который вскоре был объединен с географическим факультетом Ленинградского университета. Его университетскими учителями были известные российские этнографы В. Г. Богораз-Тан и Л. Я. Штернберг [195, с. 6]. Он слушал лекции С. И. Руденко и С. А. Теплоухова [181, с. 170].

Первые небольшие археологические исследования В. Н. Чернецов провел в 1920-е гг. на севере Западной Сибири. Это был в археологическом и этнографическом аспектах совершенно неизученный район. Государство планировало экономико-социальные реформы на Севере. В 1920-е гг. организовываются методичные комплексные исследования культуры северных народов, их традиционной системы расселения и землепользования, состояния промыслов. Возглавили эту работу Комитет по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) и Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК СССР (Комитет Севера). С целью всеобъемлющего исследования культуры северных народов привлекались, в первую очередь, специалисты-этнографы, но их не хватало и приглашали студентов [130, с. 154]. В. Н. Чернецов был послан в районы расселения обских угров (хантов и манси). В 1925 и 1926–1927 гг. он собирал этнографический материал и провел первые археологические разведки по рекам Северной Сосьве и Конде.

Особое значение для формирования археологического интереса у В. Н. Чернецова имела Ямальская экспедиция 1928–1929 гг. [174]. Исследователем была поставлена задача сравнить современную культуру ямальских ненцев с культурой древних жителей полуострова. Были произведены раскопки трех поселений на северной оконечности полуострова Ямал: два памятника на мысе Тиутей-Сале на берегу Карского моря (работы здесь остались незаконченными) и один – на мысе Хаэн-Сале на берегу пролива Малыгина.

Первое поселение находилось в двух километрах к юго-западу от оконечности мыса Тиутей-Сале и, исходя из характера находок, – обилие костей морского зверя, небольшое количество орудий и отсутствие следов жилища – было определено автором раскопок

как временная стоянка, используемая в сезон морского промысла. Второй памятник, расположенный на том же мысе, представлял собой остатки пяти круглых землянок. Капитальность постройки, значительная толщина культурного слоя землянок дали возможность В. Н. Чернецову характеризовать их как более или менее длительные поселения. Третий район раскопок, поселок из 6–7 землянок, находился в 1,5 км к востоку от мыса Хаэн-Сале. Анализируя содержание культурного слоя землянок, В. Н. Чернецов пришел к выводу, что основным занятием населения была охота на морского зверя, главным образом нерпу, значительное место среди добычи также занимали дикий олень и птица. Знание этнографии помогло исследователю объяснить ряд интересных фактов, обнаруженных при раскопках. Например, сооружениям из аккуратных кучек костей и черепов песцов, костей нерпы, птичьих костей, расположенных по окружности землянок, он находил параллели в религиозном празднике воскрешения зверей, известного у чукчей и эскимосов. Сравнивая находки на трех памятниках, В. Н. Чернецов отнес их к трем разным эпохам. Материалы первых двух не давали достаточного количества данных для точной датировки, поэтому он судил о ней приблизительно. Временная дюнная стоянка определена как наиболее древняя, т. к. в культурном слое содержались каменные орудия и почти полностью отсутствовали металлические. Основываясь на незначительном количестве находок железных предметов, существовании каменной техники, высоком развитии керамического производства, В. Н. Чернецов хронологически отнес второе поселение на мысе Тиутей-Сале к концу I – началу II тыс. н. э. Землянки мыса Хаэн-Сале относились к более позднему времени. Обилие железных изделий, в том числе напильника, подтверждало, что поселение было обитаемо до середины XVII в. Исследователь пришел к выводу, что на полуострове Ямал в течение длительного периода существовала культура, отличная от современной культуры ненцев-оленьеводов. Культура основывалась «... на промысле морского зверя и была связана с оседлыми поселениями, которые устраивались на местах наиболее удобных для охоты на моржа и тюленя». В XVII в. санное оленеводство, как более совершенная форма хозяйства, вытесняла зверобойный промысел. Этническую принадлежность памятников определить было невозможно. Однако

В. Н. Чернецов считал, что проживающие некогда на крайнем севере Урала и Оби древние аборигены, после прихода на эту территорию новых этнических групп (угров, ненцев) были ассимилированы. Это, с одной стороны, привело к возникновению новых племен, а с другой – к полному исчезновению прежних насельников как самостоятельной этнической группы [402].

В 1933–1935 гг. В. Н. Чернецовым были проведены разведки по левому берегу реки Северной Сосьвы между селом Сартынья и устьем реки Сартынья, а также в окрестностях села Саранпаул на реке Ляпин. Было выявлено 6 городищ и несколько землянок, собран богатый и разнообразный подъемный материал, что позволило исследователю установить хронологическую последовательность обнаруженных землянок и городищ, выделив четыре периода их существования от первых веков н. э. до середины XVIII в. На реке Ляпин, близ селения Саранпаул, был обнаружен могильник, в котором было вскрыто женское погребение, имевшее инвентарь, близкий современному, известному в быту манси. В. Н. Чернецов датировал погребение серединой XVIII в. [403, с. 254–256].

В жизни и деятельности В. Н. Чернецова четко выделяются три периода: московский (1905–1925), ленинградский (1925–1940) и второй московский (1940–1970). В ленинградский период деятельности ученого много времени занимали полевые исследования, сбор разнообразнейших материалов по этнографии, фольклору, лингвистике, верованиям, искусству народов Обского Севера [277, с. 3; 290]. К началу 1940-х гг. он успел совершить десять тяжелых экспедиций и полевых экскурсов длительностью от трех месяцев до двух лет [195, с. 7]. Поступив по окончании Ленинградского университета (1930) на работу в Институт народов Севера, В. Н. Чернецов работает над созданием мансийской письменности. Итогом работы станет издание мансийского букваря, мансийско-русского словаря и грамматики мансийского языка [400; 401; 404; 415].

В 1940 г. Валерий Николаевич переводится в Москву и становится сотрудником ГАИМК. В московский период деятельности ученого археологические исследования выходят на первый план. В 1942 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н. э.» [195, с. 8]. В

1945 г. В. Н. Чернецов возглавил Северобарабинскую экспедицию, перед которой стояла цель провести разведки по р. Иртышу от г. Омска до г. Тары [406]. В 1946 г. он руководил Мангазейской экспедицией, в задачи которой входило обследование городища XVII в. – Мангазея, а также были раскопаны ряд поселений, в том числе Салехард-I, датированное эпохой бронзы, Зеленая горка – ранним железным веком [407; 408]. В 1948–1952 гг. и 1955–1956 гг. В. Н. Чернецов – начальник Западносибирской экспедиции, которая проводит обширные археологические исследования по правому берегу р. Оби. Были раскопаны городище Сузгун XIV в., жертвенное место Сузгун-II и городище Потчеваш близ Тобольска; многослойное поселение Большой Лог близ Омска, городище Жилье и Андрюшкин городок на Андреевском озере и др. [237; 238; 416; 413].

Итогом археологических исследований В. Н. Чернецова стали труды «Древняя история Нижнего Приобья» и «Нижнее Приобье в I тыс. н. э.», в которых впервые были систематизированы древности Нижнего Приобья и дана периодизация памятников от неолита до XIII в. [416; 413]. Назвав первую книгу «Древняя история Нижнего Приобья», Валерий Николаевич в первую очередь дал характеристику конкретных археологических памятников, комплексов и некоторых культур. Это была очень важная составляющая для введения совершенно нового материала в научный оборот. Определяя отдельные этапы, В. Н. Чернецов отмечал их преемственность и малую изменчивость форм материальной культуры. Исторические реконструкции были даны в минимальной степени. Для неолита Приобья были установлены хронологические рамки конец IV / начало III тыс. до н. э. – середина / вторая половина III тыс. до н. э. Впервые была поставлена проблема наличия энеолита в таежной зоне Западной Сибири.

Основная гипотеза, выдвинутая В. Н. Чернецовым и проходящая красной нитью через обе работы, заключалась в том, что Приобье, несмотря на наличие нескольких географических зон, в историческом отношении представляло единое целое и стало ареной формирования угорских народностей. Впервые в общих чертах эта идея была высказана в «Очерке этногенеза обских югров» [405], затем была развита в докладе на совещании по методологии этноге-

нетических исследований [409] и ряде других статей, а окончательное завершение приобрела в вышеназванных трудах [416; 413].

При разработке проблемы о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы В. Н. Чернецов высказал принципиальное соображение о роли орнамента для установления этнической общности [409, с. 24–25]. В своих изысканиях он большое место отводил самому массовому материалу – керамике, которая позволяла проследить общее и особенное в орнаменте на соседних территориях, его развитие и изменение. Он исходил из того, что существование и изменение орнамента тесно связано с сохранением и изменением его семантики [409, с. 25]. Этнографические параллели давали возможность составить основу доказательств. Так, например, В. Н. Чернецов находил полное тождество между штампованными узорами на керамике зеленогорского времени и на берестяной посуде хантов и манси и считал, что оба орнамента «были изображениями следов, заменивших собой животных – тотемных апотропеев» [410, с. 69]. В целом исследователь пришел к выводу, что «территория распространения различных групп гребенчатой керамики соответствует распространению финно-угорских языков, и в носителях культур гребенчатой керамики можно видеть финно-угорские племена в различных фазах их развития» [409, с. 25]. В начале 1950-х гг. им была выдвинута идея единой урало-сибирской культурно-этнической общности в эпоху неолита. В пределах этой общности он выделил четыре провинции со специфическими чертами в гребенчатом орнаменте: прикамскую, уральскую, западно-сибирскую и нижнеобскую [409, с. 26–27]. В «Древней истории» В. Н. Чернецов развивает эту идею и в состав культурно-этнической общности включает не только Урал и Западную Сибирь, но и Казахстан [410, с. 56–59]. К началу 1970-х гг. он теоретически обоснует выделение трех этно-культурных ареалов в лесной и субарктической зонах Евразии: урало-сибирский, байкало-ленский и даурский [414, с. 10–17]. Местом формирования урало-сибирской общности он считал Приаралье, подтверждение этому находил в сходстве материальной культуры и орнаментации керамики урало-сибирских провинций с памятниками кельтеминарской культуры Приаралья. Причину движения племен из Приаралья исследователь связывал с развитием хозяйства, технологий и ростом

численности населения. В. Н. Чернецов полагал, что движение племен шло двумя основными потоками по обе стороны Уральско-го хребта, послужив «одним из оснований к разделению первичной общности на две группы и выделению из прото-финно-угорского языка – основы двух ветвей, в дальнейшем давших угорские (к востоку от Урала) и финские (к западу от Урала) языки» [409, с. 27–28].

В. Н. Чернецов отмечал, что в эпоху бронзы лесные районы Зауралья и Приобья испытывали более сильное влияния с юга, со стороны носителей андроновской культуры [410, с. 58]. В памятниках раннего железного века им было выявлено сочетание двух компонентов – арктического северного и южного степного. Сходство с южными культурами проявилось, по его мнению, в распространении оружия скифо-сарматских форм, в господствующей форме усть-полуйской керамики, имитирующей скифский бронзовый котел на поддоне, а также в орнаменте. Также в усть-полуйской культуре исследователь обнаружил черты близкие как к древним, так и к современным культурам северо-востока Азии. Он наблюдал сходство не только в формах хозяйства, уровне технологий, но и «в чертах и деталях, которые могут явиться лишь следствием этнического общения». К таким деталям В. Н. Чернецов относил «единообразие в конструкции собачьей упряжи, сходство уздечки для оленя-манщика с подобными уздечками у тунгусов и чукотской ездовой уздечкой, сходство в деталях конструкции жилищ с некоторыми протоэскимосскими» и др. [411, с. 235–236]. Исследователь датировал усть-полуйскую культуру IV в. до н. э. – I в. н. э.

Валерий Николаевич разработал достоверную гипотезу происхождения хантов и манси, обратив внимание на их взаимоотношения с самоедами. Он считал, что угорские племена в районе Томско-Нарымской Оби были в средневековье ассимилированы самодийцами. В. Н. Чернецов пришел к выводу, что «около I тыс. до н. э. степные и лесостепные территории, лежащие к югу от тогдашней тайги, были населены древнеугорскими племенами, переходившими в то время от пастушеского скотоводства к кочевому коневодству. Вся территория лесной полосы и далее на север до арктического побережья представляла область расселения смешанных племен, пришедших сюда еще в неолите с юга и востока». Та-

ким образом, появление усть-полуйской и родственных ей лесных культур, например потчевашской, исследователь связывал с приходом на север угорских племен. Более того, по его мнению, потчевашская культура стала исходной при формировании усть-полуйской [411, с. 237–238].

В. Н. Чернецов по археологическим источникам восстановил оседлый образ жизни носителей потчевашской культуры: они вели комплексное хозяйство, состоящее из охоты, рыболовства, земледелия и скотоводства. Керамику потчевашской культуры исследователь генетически связывал с керамикой зеленогорского типа. Он установил относительную датировку памятников зеленогорского типа в пределах VII–V вв. до н. э., основываясь на типологическом сходстве зеленогорской керамики с сузгунской керамикой поздней бронзы [411]. К сожалению, Валерий Николаевич ошибся, в настоящее время зеленогорские комплексы датируются эпохой раннего средневековья [102, с. 34].

Разрабатывая периодизацию памятников Нижнего Приобья I тыс. н. э., В. Н. Чернецов объединил их в единую нижнеобскую культуру, состоящую из четырех преемственных друг другу этапов: ярсалинского (II–III вв. н. э.), карымского (IV–V вв. н. э.), оронтурского (VI–IX вв. н. э.), кинтусовского (X–XIII вв. н. э.) [413, с. 136–138]. Нижнеобская культура была выделена им, в первую очередь, по поселениям и городищам. Основным определяющим материалом, так же, как и в предыдущей периодизации была керамика. Кроме керамики, были обнаружены железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, антропоморфное и зооморфное литье, бронзовые ножи с зооморфными изображениями, литые ажурные навершия и др. Исторических реконструкций на основе археологических материалов В. Н. Чернецов не проводил. Да это и не входило в его задачи. Он писал: «Цель настоящей работы – первичная систематизация археологического материала, установление периодизации и хронологии, которые могли бы служить основой для разработки истории угорских племен Приобья в I тысячелетии н. э. Такая история может быть написана только тогда, когда аналогичные работы будут проведены и по другим основным территориям расселения угорских племен, т. е. Уралу, Зауралью и течениям рр.

Тобола, Вагая, Ишима и при полном использовании материалов по языку, фольклору и этнографии» [413, с. 238].

В настоящий период археологи, основываясь на результатах многолетних исследований, уточнили периодизацию памятников Обь-Иртышья в I тыс. н. э. Они пересмотрели последовательность, хронологию, перечень этапов. Однако ими была принята идея В. Н. Чернецова о единой культурной общности, в которой каждый этап развивался преемственно. Исследователи предложили отказаться от выделения археологических культур, дабы не разрывать культурное единство, существовавшее в таежной зоне Западной Сибири с эпохи раннего железного века [386, с. 129; 125, с. 22].

Итак, работы В. Н. Чернецова показали, что он рассматривал археологию, этнографию, лингвистику как неразрывно связанные дисциплины, которые в синтезе должны помочь в решении проблем этногенеза сибирских народов. Он один из первых, наряду с А. П. Окладниковым, поставил вопрос об этнокультурных общностях. В археологических исследованиях он использовал комплексный подход и широкие этнографические параллели в решении вопросов происхождения археологических культур. В археологических периодах он наблюдал преемственность и последовательное развитие без скачков. В. Н. Чернецов, так же, как и С. А. Теплоухов, в вопросе выделения археологических этапов большое значение придавал керамике и ее орнаментации. В археологических работах он часто рассматривал этнографию как науку о культуре первобытных народов и ее пережитках. Он никогда не использовал марксистские схемы, догмы, риторику и не ссылался на труды классиков марксизма-ленинизма. В целом его мировоззрение было палеоэтнологического направления.

Заключение

Сибирская археология прошла длительный путь развития и первоначального становления, который растянулся на несколько веков и завершился в 1920-е гг. Большую роль в формировании археологии как науки сыграли социально-экономические факторы, в частности, хозяйственное освоение Сибири после реформ 1860-х гг. и попадание археологических памятников в сферу внимания наиболее образованной части общественности. Такие социокультурные факторы XIX в., как создание сети музеев, открытие университета в Томске, рост числа отделов РГО имели первостепенное значение для развития сибирской археологии. В 1917–1919 гг. к таким социокультурным факторам относятся: открытие физико-математического и историко-филологического факультетов Томского университета, Иркутского университета, приезд в Сибирь преподавателей Казанского и Пермского университетов, а также развитие краеведческого движения в Сибири в 1919–1929 гг.

Итак, 1920-е гг. представляют собой окончание периода становления первобытной археологии в Сибири, когда были заложены основы для развития ее как самостоятельной исторической дисциплины. Был собран и систематизирован круг археологических источников в отдельных сибирских регионах от эпохи камня до средневековья и были выделены первые археологические культуры на территории Сибири, разработаны научные методы археологических исследований, стали создаваться археологические центры из профессиональных археологов, было введено преподавание археологии в сибирских университетах.

Утвердился профессионализм в науке. Благодаря усилиям сибирских ученых и деятельности Министерства просвещения правительства А.В. Колчака, в 1918–1919 гг. было организовано преподавание палеоэтнологии (археологии. – Л. К.) в Иркутском (с 1918 по 1926 гг.) и Томском (с 1919 по 1922 гг.) университетах. Работа в Сибири ряда авторитетных исследователей, а также подъем краеведческого движения в 1920-е гг. способствовали созданию сибирских исследовательских центров археологии (Томск, Иркутск, Красноярск). Археологов-любителей конца XIX – начала XX в. сменили специалисты, получившие палеоэтнологическое (С. И. Ру-

денко, С. А. Теплоухов, Г. П. Грязнов, Б. Э. Петри), археологическое (Н. К. Ауэрбах, В. Г. Карцов), историческое (Г. П. Сосновский, Г. П. Дебец, М. М. Герасимов, И. М. Мягков) образование.

Была создана обширная источниковедческая база и значительно расширена территория исследования. Наряду с традиционным изучением Хакасско-Минусинского района, Алтая, Западного Забайкалья активно начинают исследоваться Красноярско-Канская лесостепь, Тува, долина реки Ангары, верховья Лены. В область изучения попадают районы Нижнего и Нарымского Приобья. Остальные районы Сибири характеризуются единичными или случайными археологическими работами.

С. А. Теплоухов (Минусинская котловина, Тува), Б. Э. Петри и его ученики (Прибайкалье), В. Г. Карцов (Красноярский край) ввели практику проведения планомерных систематических исследований, что привело к завершению типологических разработок и созданию хронологических рядов комплексов памятников и инвентаря. Была определена относительная хронология археологических памятников Сибири от палеолита до средневековья. На основе всестороннего анализа материалов, полученных в результате раскопок, были созданы для отдельных регионов Сибири первые классификации культур: С. А. Теплоуховым – для Минусинского края и Тувы, Б. Э. Петри – для Прибайкалья, В. Г. Карцовым – для Красноярско-Канской лесостепи. В. И. Громов на основе геологических и палеонтологических материалов древних стоянок разработал первую периодизацию сибирского палеолита. По уровню разработанности и глубине анализа отличалась периодизация культур, созданная С. А. Теплоуховым, и охватывающая памятники от энеолита до средневековья включительно. Она не потеряла своего научного значения до сих пор и послужила основой для создания периодизаций археологических культур соседних регионов. Первая культурно-хронологическая стратиграфия неолитических памятников, разработанная Б. Э. Петри на основе многослойного поселения Улан-Хада, также сохранила свою роль опорного памятника для периодизации древней истории Прибайкалья.

Археология в Сибири утвердилась как наука, сочетавшая полевые изыскания с теоретическими обобщениями. Ученые старой дореволюционной школы – Б. Э. Петри, С. А. Теплоухов, используя

в археологическом изучении Сибири данные этнографии, антропологии, географии и некоторых естественных наук, заложили основу для комплексного исследования этого региона. Они также рассматривали развитие древней истории в целом и археологических культур в частности, исходя из природно-климатического контекста. В 1920-е гг. ведущие теоретические позиции в сибирской археологии занимала палеоэтнология. Взгляды Г. Мергарта оказали большое влияние на археологов Сибири при решении вопросов о формировании новых археологических культур: стало больше внимания уделяться взаимодействию культур, выяснению роли диффузий отдельных элементов материальной культуры и определению значения миграций древнего населения.

В 1920-е гг. было положено начало решению вопроса о происхождении сибирского палеолита. Если Г. Мергарт считал его привнесенным из Европы, то основная часть сибирских исследователей (Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский, В. И. Громов) рассматривали сибирский палеолит как особую форму североазиатского. Б. Э. Петри была поставлена проблема о переходном периоде от палеолита к неолиту, выдвинут вопрос о происхождении неолита Сибири как автохтонного, сформировавшегося на местной палеолитической основе. Впервые в археологии Сибири были выделены ранние этапы эпохи бронзы – глазковские энеолитические памятники (А. П. Окладников) и афанасьевская культура (С. А. Теплоухов). Среди исследователей утвердилось мнение о том, что переход к эпохе бронзы не происходил одновременно на всей территории Сибири. Г. Мергарт, Г. П. Сосновский, Г. Ф. Дебец, В. И. Подгорбунский считали, что в тот период, когда на юге Сибири уже существовала развитая культура бронзы, на севере, в таежной полосе Сибири, древнее население находилось на стадии неолитической культуры. Особой точки зрения по этому вопросу придерживался Б. Э. Петри, отрицавший наличие бронзовой культуры в Прибайкалье. С. А. Теплоуховым была опровергнута идея о существовании в Минусинской котловине на протяжении длительного периода единой бронзовой культуры и выделены четыре самостоятельных культуры, развивающихся преемственно, но с включением инновационных элементов, проявляющихся в первую очередь в инвентаре (особенно в керамике) и погребальном обряде. По мнению иссле-

дователя, основным импульсом для развития культур в Южной Сибири эпох бронзы и железа было влияние с юга. Впервые в археологии Сибири С. А. Теплоуховым было изложено мнение по абсолютным датировкам памятников. Как показывает анализ публикаций и архивных материалов, по уровню теоретических разработок С.А. Теплоухов занимал ведущие позиции в сибирской археологии 1920-х гг.

Подводя итоги развития сибирской археологии в 1930-е – начале 1950-х гг. в целом, можно отметить двойственный процесс. С одной стороны, к началу 1930-х гг. были уничтожены зарождающиеся сибирские центры археологии. Была прервана недавно созданная традиция передачи знаний и подготовки кадров. В сибирских музеях с середины 1930-х гг. почти не работали специалисты-археологи. С другой стороны, именно в 1930-е – начале 1950-х гг. исследователями из Москвы и Ленинграда были проведены масштабные экспедиции.

Несравнимо со всеми предыдущими периодами была увеличена источниковая база, исследованы совершенно новые районы Сибири, не входившие ранее в зону изучения. Массовый археологический материал позволил выйти на совершенно новый уровень теоретического осмысления путей развития древних культур в Сибири. По материалам изысканий были написаны крупные монографические труды, подводящие некоторые итоги в изучении археологических памятников и содержащие исторические реконструкции далекого прошлого племен и народностей Сибири. В сибирской археологии к середине XX в. были широко разработаны методы относительной датировки памятников и получены абсолютные даты.

Несмотря на то, что методологической основой исторических исследований официально считался марксизм, а в археологии до 1950 г. – теория стадильности, однако большинство археологов-сибиреведов не придерживались идей «вульгарного марксизма». Ориентируясь на эволюционно-палеоэтнологические позиции, исследователи отмечали преемственность и традиционность в развитии археологических культур Сибири. Они продолжали традицию 1920-х гг. и применяли комплексный подход в археологических исследованиях, при исторических реконструкциях в большей (М. П. Грязнов и С. И. Руденко, В. Н. Чернецов, А. П. Окладников)

или меньшей степени (С. В. Киселев, Г. П. Сосновский) учитывали естественную среду обитания древних людей и природно-климатические условия развития археологических культур. Новые естественнонаучные методы исследования в археологии были предложены М. П. Грязновым и С. И. Руденко. Наряду с археологическими материалами, этнографические данные стали составлять важную часть источников для реконструкции древней истории. Впервые А. П. Окладниковым и В. Н. Чернецовым были поставлены в сибирской археологии вопросы этногенеза племен, выделены этнокультурные области Сибири.

Впервые в сибирской археологии были рассмотрены вопросы генезиса палеолита, предложены периодизации его развития (Г. П. Сосновский, А. П. Окладников). А. П. Окладников разработал культурно-хронологическую схему неолита Прибайкалья, которая претерпела существенные изменения только в 1990–2000-е гг.

М. П. Грязнов, на основе периодизации культур С. А. Теплоухова создал периодизацию памятников Алтая эпохи металлов. С. В. Киселев подтвердил и уточнил на массовом материале положения периодизации культур С. А. Теплоухова, а также впервые воссоздал на основе археологических и письменных источников древнюю историю Южной Сибири с эпохи неолита до XIII в. включительно.

Впервые для Верхнего и Нижнего Приобья были выстроены типолого-хронологические ряды артефактов и разработаны периодизации культур (М. П. Грязнов, В. Н. Чернецов).

Развивая палеоэтнологические традиции, С.И. Руденко монографически исследовал материальную и духовную культуру населения Алтая скифского времени, М. П. Грязнов – племен Верхней Оби от эпохи бронзы до X в., В. Н. Чернецов – племен Нижнего Приобья от неолита до XIII в.

М. П. Грязнов ввел понятие «эпоха ранних кочевников», обосновал ее существование исторически, выделил в этой эпохе отдельные периоды.

Исследования 1930-х – начала 1950-х гг. заложили основные принципы изучения археологических памятников Сибири в современный период. Эти изыскания и теоретические разработки положили начало многим новым научным направлениям.

Литература

1. Абрамова, З. А. Памяти учителя (к 90-летию со дня рождения А. П. Окладникова) / З. А. Абрамова // АВ. – 1999. – № 6. – С. 498–502.
2. Аванесова, Н. А. Памяти Михаила Петровича Грязнова / Н. А. Аванесова, Л. Р. Кызласов // СА. – 1985. – № 4. – С. 277–283.
3. Аверкиева, Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии / Ю. П. Аверкиева. – М.: Наука, 1979. – 288 с.
4. Адрианов, А. В. Томский могильник: извлечение из дневника раскопок, проведенных А. В. Адриановым в 1887 и 1889 гг. / А. В. Адрианов // ОАК за 1889 г. – СПб., 1892. – С. 99–111.
5. Адрианов, А. В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь / А. В. Адрианов. – Томск, 1904а. – 61 с. (отдельный оттиск).
6. Адрианов, А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. / А. В. Адрианов // ИРКИСВА. – 1904б. – № 4. – С. 25–33.
7. Адрианов, А. В. Писаница Боярская / А. В. Адрианов // ИРКИСВА. – 1906. – № 6. – С. 53–59.
8. Адрианов, А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. / А. В. Адрианов // ИРКИСВА. – 1908. – № 8. – С. 36–47.
9. Адрианов, А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края / А. В. Адрианов // ИРКИСВА. – 1910а. – № 10. – С. 40–53.
10. Адрианов, А. В. Писаницы по реке Мане / А. В. Адрианов. – СПб., 1910б. – 34 с.
11. Адрианов, А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / А. В. Адрианов. – Томск: ТГУ, 2008. – 146 с.
12. Акимова, Е. В. Из истории Красноярской археологии (1919–1920-е гг.) / Е. В. Акимова // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Всероссийской научной конференции (20.03.95–22.03.95). – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1995. – С. 4–8.
13. Алексеева, Г. Д. Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е – начало 30-х годов XX в.) / Г. Д. Алексеева // История и историки. Историографический ежегодник, 1971 г. – М.: Наука, 1973. – С. 23–35.
14. Алпатов, В. М. История одного мифа: Марр и марризм / В. М. Алпатов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
15. Андреев, А. И. Очерки по источниковедению Сибири. – Вып. 1: XVII век / А. И. Андреев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 280 с.
16. Аникович, М. В. Проблема определения археологии как науки в советской археологической литературе тридцатых-шестидесятых годов / М. В. Аникович // История археологических исследований Сибири. – Омск: ОмГУ, 1990. – С. 5–32.

17. Артюх, Е. А. Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова / Е. А. Артюх. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2010. – 293 с.
18. Археологическая Тувинская экспедиция (1929 г. Рук. С. А Теплоухов) // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. – Отд. 2: отчет о научных командировках и экспедициях. – Л.: изд-во АН СССР, 1930. – С. 14–16.
19. Археологический отряд Бурято-Монгольской экспедиции 1928 г. (Рук. Г. П. Сосновский) // Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. – Отд. 2: отчет о научных командировках и экспедициях. – Л.: изд-во АН СССР, 1929. – С. 178–180.
20. Арциховский, А. В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий / А. В. Арциховский // ТСС РАНИОН. – 1927. – Т. I. – С. 123–135.
21. Арциховский, А. В. Новые методы археологии / А. В. Арциховский // ИМ. – 1929. – Т. 14. – С. 136–155.
22. Арциховский, А. В. Возникновение феодализма в Суздальской и Смоленской землях / А. В. Арциховский // ПИДО. – 1934. – № 11–12. – С. 35–60.
23. Арциховский, А. В. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» / А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов // СГАИМК. – 1932. – № 1–2. – С. 46–48.
24. Ауэрбах, Н. К. К вопросу о материале каменных орудий Сибири / Н. К. Ауэрбах // ТСА РАНИОН. – 1928. – Т. 4. – С. 43–47.
25. Ауэрбах, Н. К. Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова / Н. К. Ауэрбах // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова. – Минусинск, 1929. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 163–185.
26. Ауэрбах, Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова-III / Н. К. Ауэрбах. – Новосибирск, 1930. – 48 с.
27. Ауэрбах, Н. К. Каменный период / Н. К. Ауэрбах // ССЭ. – 1931. – Т. 2. – Стб. 480–487.
28. Ауэрбах, Н. К. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора / Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский // ТКИЧП. – 1932. – Т. 1. – С. 45–114.
29. Базалийский, В. И. Могильник Шаманка-II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири / В. И. Базалийский, А. В. Вебер // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 182–186.
30. Баркова, Л. Л. М. П. Грязнов: 1902–1984 / Л. Л. Баркова, Л. С. Марсадов // СГЭ. – 1987. – № 57. – С. 96–97.
31. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / ред. К. Э. Гриневич. – Томск: ТГУ; ТГПИ, 1947. – 220 с.
32. Белокобыльский, Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири / Ю. Г. Белокобыльский. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.
33. Бернштам, А. Н. По поводу переводов С. В. Киселевым древне-

тюркских текстов / А. Н. Бернштам // ВДИ. – 1940. – № 3–4. – С. 209–214.

34. Бобров, В. В. Теплоухов и некоторые проблемы современной археологии / В. В. Бобров // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 69–79.

35. Бобров, В. В. Проблема социальных реконструкций в научном наследии М. П. Грязнова / В. В. Бобров // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 7–9.

36. Боковенко, Н. А. Научный вклад М. П. Грязнова в скифо-сарматскую проблематику / Н. А. Боковенко // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: тезисы докладов областной научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1987. – С. 26–27.

37. Борисенко, А. Ю. Памятники культуры древних тюрков в исследованиях В. В. Радлова / А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19–20 октября 2000 г.). – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 11–13.

38. Борисковский, П. И. Алексей Павлович Окладников / П. И. Борисковский // СА. – 1982. – № 3. – С. 291–296.

39. Борисковский, П. И. О преодолении вульгаризаторских и псевдо-марксистских концепций Н.Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытнообщинного строя / П. И. Борисковский, А. П. Окладников // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М.: Изд-во АН ССР, 1953. – С. 70–93.

40. Бородаев, В. Б. С. И. Руденко и Алтай / В. Б. Бородаев // Скифская эпоха Алтая: тезисы докладов к конференции. – Барнаул: АГУ, 1986. – С. 3–9.

41. Брюсов, А. Я. Жилище: история жилища с социально-экономической точки зрения / А. Я. Брюсов. – Л., 1926. – 127 с.

42. Брюсов, А. Я. Восстановление общественно-экономической формации в культурах неолитического типа / А. Я. Брюсов // ТСТМ РАНИОН. – 1928. – Т. 2. – С. 9–34.

43. Быковский, С. Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? / С. Н. Быковский // СГАИМК. – 1931. – № 4–5. – С. 20–22.

44. Быковский, С. Н. К итогам Всероссийского археолого-этнографического совещания / С. Н. Быковский // СГАИМК. – 1932. – № 11–12. – С. 7–11.

45. Вадецкая, Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин / Э. Б. Вадецкая // ИЛАИ. – Кемерово, 1973. – Вып. 6. – С. 91–159.

46. Вадецкая, Э. Б. Методологические разработки М. П. Грязнова / Э. Б. Вадецкая // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова:

тезисы докладов областной научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1987. – С. 14–17.

47. Вадецкая, Э. Б. Возвращение к С. А. Теплоухову / Э. Б. Вадецкая // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов областной научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 16–18.

48. Вадецкая, Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Э. Б. Вадецкая. – СПб.: центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.

49. Вадецкая, Э. Б. Вклад С. В. Киселева в изучение таштыкских погребальных масок / Э. Б. Вадецкая // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Сергея Владимировича Киселева. – Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 233–235.

50. Васильев, В. И. Валерий Николаевич Чернецов / В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова // СЭ. – 1970. – № 4. – С. 194–196.

51. Васильев, С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых / С. А. Васильев. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 177 с.

52. Васильевский, Р. С. Алексей Павлович Окладников: материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия история. – Вып. 13 / Р. С. Васильевский. – М.: Наука, 1981. – 183 с.

53. Васютин, С. А. Проблемы социальной и потестарной организации ранних кочевников в трудах Михаила Петровича Грязнова / С. А. Васютин // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 30–33.

54. Васютин, С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) / С. А. Васютин, П. К. Дашковский. – Барнаул: изд-во АГУ, 2009. – 400 с.

55. В географическом обществе // Восточное обозрение. – 1891. – № 3. – С. 9.

56. Вдовин, А. С. «Я только еще учусь работать, и каждый Ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу» – Г. П. Сосновский в 1918–1922 гг. / А. С. Вдовин, Е. В. Детлова, Н. П. Макаров // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. – СПб; Красноярск, 2012. – С. 104–123.

57. Витковский, Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии / Н. И. Витковский // ИВСОРГО. – 1880. – Т. XI. – № 3–4. – С. 1–13.

58. Витковский, Н. И. Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу Ангары, произведенных летом 1881 г. / Н. И. Витковский // ИВСОРГО. – 1881. – Т. XIII. – № 1–2. С. 1–36.

59. Витковский, Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары / Н. И. Витковский // ИВСОРГО. – 1889. – Т. XX. – № 1. – С. 12–17.
60. Восьмые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов / отв. ред. И. В. Толпеко. – Омск: Амфора, 2012. – 257 с.
61. Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады республиканской научной конференции. – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1992а. – 134 с.
62. Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады республиканской научной конференции. – Ч. 2. – Омск: ОмГУ, 1992б. – 110 с.
63. Гаврилова, А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А. А. Гаврилова. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
64. Генинг, В. Ф. Очерки по истории советской археологии / В. Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.
65. Глушков, И. Г. Вещь глазами М. П. Грязнова / И. Г. Глушков // Вопросы истории археологических исследований Сибири. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 56–77.
66. Гольмстен, В. В. Возникновение скотоводства в Восточной Европе (Материалы к истории древнейших домашних животных) / В. В. Гольмстен // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. – Т. 1. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1940. – С. 121–134.
67. Городцов, В. А. Первобытная археология. Курс лекций / В. А. Городцов. – М., 1908. – 416 с.
68. Городцов, В. А. Бытовая археология. Курс лекций / В. А. Городцов. – М.: издание МАИ, 1910. – 474 с.
69. Городцов, В. А. Археология. – Т. 1: Каменный период / В. А. Городцов. – М.; Пг.: Государственное изд-во, 1923. – 397 с.
70. Городцов, В. А. Типологический метод в археологии. – Вып. 6 / В. А. Городцов. – Рязань, 1927. – 9 с.
71. Громов, В. И. К вопросу о возрасте сибирского палеолита / В. И. Громов // ДАН. – Серия А. – 1928. – № 10. – С. 171–176.
72. Громов, В. И. Николай Константинович Ауэрбах (1892–1931) / В. И. Громов // СГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 31–32.
73. Грязнов, М. П. Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане / М. П. Грязнов // Казаки. Антропологические очерки. – Л.: издание АН СССР, 1927а. – [Вып. 1]. – С. 172–219.
74. Грязнов, М. П. Описание костей человека из древних могил на Урале / М. П. Грязнов // Казаки. Антропологические очерки. – Л.: издание АН СССР, 1927б. – [Вып. 1]. – С. 238–257.
75. Грязнов, М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае / М. П. Грязнов // Человек. – 1928. – № 2–4. – С. 217–219.
76. Грязнов, М. П. Пазырыкский курган / М. П. Грязнов // Человек и

природа. – 1929а. – № 24. – С. 40–42.

77. Грязнов, М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае / М. П. Грязнов // Природа. – 1929б. – № 11. – С. 971–984.

78. Грязнов, М. П. Древние культуры Алтая / М. П. Грязнов. – Новосибирск: изд-во «Советская Сибирь», 1930а. – 11 с.

79. Грязнов, М. П. Древние культуры Алтая / М. П. Грязнов // Сибиреведение. – 1930б. – № 3–4. – С. 18–26.

80. Грязнов, М. П. Значение древесины в определение относительного возраста древних сооружений / М. П. Грязнов // Природа. – 1930в. – № 2. – С. 224–227.

81. Грязнов, М. П. Казакстанский очаг бронзовой культуры / М. П. Грязнов // Казаки. Сб. статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. – Л.: Изд. АН СССР, 1930 г. – Вып. 3. – С. 149–162.

82. Грязнов, М. П. Графический метод вычисления нормальной кривой вариационного ряда / М. П. Грязнов // АЖ. – 1933. – № 1–2. – С. 193–200.

83. Грязнов, М. П. Пазырыкский курган / М. П. Грязнов. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. – 44 с.

84. Грязнов, М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана / М. П. Грязнов // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). – Ч. I–II. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1939. – С. 399–413.

85. Грязнов, М. П. Раскопки на Алтае (1939 г.) / М. П. Грязнов // СГЭ. – 1940. – Вып. 1. – С. 17–21.

86. Грязнов, М. П. Древняя бронза Минусинских степей / М. П. Грязнов // Труды ОИПК. – 1941. – Т. 1. – С. 237–271.

87. Грязнов, М. П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам / М. П. Грязнов // СА. – 1946. – Т. 8. – С. 306–318.

88. Грязнов, М. П. К методике определения типа рубящего орудия: (топор, тесло) / М. П. Грязнов // КСИИМК. – 1947а. – Вып. XVI. – С. 170–173.

89. Грязнов, М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае / М. П. Грязнов // КСИИМК. – 1947б. – Вып. XVIII. – С. 9–17.

90. Грязнов, М. П. Работы Алтайской экспедиции / М. П. Грязнов // КСИИМК. – 1947в. – Вып. XXI. – С. 77–78.

91. Грязнов, М. П. Первый Пазырыкский курган / М. П. Грязнов. – Л.: Изд. ГЭ, 1950. – 92 с.

92. Грязнов, М. П. Археологические исследования территории одного поселка / М. П. Грязнов // КСИИМК. – 1951. – Вып. XL. – С. 105–113.

93. Грязнов, М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане / М. П. Грязнов // СА. – 1952. – Т. 16. – С. 129–162.

94. Грязнов, М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка (МИА. № 48) / М. П. Грязнов. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. – 161 с.

95. Грязнов, М. П. Классификация, тип, культура / М. П. Грязнов // Теоретические основы советской археологии. – Л.: ИА АН СССР, 1969. – С. 18–22.

96. Грязнов, М. П. О едином процессе развития скифо-сибирских культур / М. П. Грязнов // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». 14–17 ноября 1979 г. – Кемерово, 1979. – С. 4–7.

97. Грязнов, М. П. С. А. Теплоухов и его роль в истории сибирской археологии / М. П. Грязнов // Источники и историография: археология и история. – Омск: ОмГУ, 1988. – С. 69–75.

98. Грязнов, М. П. Инструкция для измерения черепа и костей человека / М. П. Грязнов, С. И. Руденко // Материалы по методике археологической технологии. РАИМК. Институт археологической технологии. – Л., 1925. – Вып. 5. – 40 с.

99. Грязнов, М. П. Каменные изваяния Минусинских степей / М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер // Природа. – 1926. – № 11–12. – С. 100–105.

100. Грязнов, М. П. Древние изваяния Минусинских степей / М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер // МЭ. – 1929. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 63–93.

101. Грязнов, М. П. Каменные бабы / М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер // ССЭ. – 1931. – Т. 2. – Стб. 479–480.

102. Данченко, Е. М. К проблеме разработки культурно-генетических схем в археологии Обь-Иртышья / Е. М. Данченко // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 33–35.

103. Демин, М. А. История археологического изучения Алтая: (дооктябрьский период): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Демин. – Новосибирск, 1981. – 22 с.

104. Демин, М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии / М. А. Демин. – СПб.; Барнаул: БГПУ, 1995. – 197 с.

105. Деревянко, А. П. В поисках оленя золотые рога / А. П. Деревянко. – М.: Сов. Россия, 1980. – 412 с.

106. Деревянко, А. П. Значение научного наследия академика А. П. Окладникова для развития археологии Северной и Центральной Азии (к 100-летию со дня рождения) / А. П. Деревянко, В. И. Молодин, Ю. С. Худяков // РА. – 2008. – № 4. – С. 137–143.

107. Деревянко, А. П. Институт археологии и этнографии СО РАН: основные результаты научной деятельности в области археологии / А. П. Деревянко, В. И. Молодин, М. В. Шуньков // АЭиАЕ. – 2007. – № 2. – С. 2–23.

108. Дульзон, А. П. Дневники раскопок курганного могильника на Ба-

- сандайке / А. П. Дульзон // ТТГУ. – Томск, 1947. – Т. 98. – С. 65–115.
109. Дульзон, А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар / А. П. Дульзон // УЗТГПИ. – Томск, 1953. – Т. 10. – С. 127–334.
110. Дэвлет, М. А. Клеменц как археолог / М. А. Дэвлет // СА. – 1963. – № 4. – С. 3–9.
111. Дэвлет, М. А. Археологическое изучение Южной Сибири в годы Советской власти / М. А. Дэвлет // КСИА. – 1969. – Вып. 118. – С. 32–42.
112. Дэвлет, М. А. Петроглифы Енисея. История изучения XVIII – начала XX вв. / М. А. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 1996. – 249 с.
113. Дэвлет, М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения) / М. А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 68 с.
114. Дэвлет, М. А. С. В. Киселев в Минусинском музее / М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Сергея Владимировича Киселева. – Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 240–242.
115. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб., 2005. – 290 с.
116. Евтюхова, Л. А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее / Л. А. Евтюхова // ТГИМ. – 1938. – Т. 8. – С. 111–122.
117. Евтюхова, Л. А. Рец. на кн.: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с. / Л. А. Евтюхова // ВИ. – 1954. – № 6. – С. 145–150.
118. Евтюхова, Л. А. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ / Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев // КСИИМК. – 1940. – № 3. – С. 39–42.
119. Ефименко, П. П. Дороговое общество: очерки по истории первобытно-коммунистического общества / П. П. Ефименко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 532 с.
120. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред.: А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 148 с.
121. Жук, А. В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Жук. – Барнаул, 1995. – 29 с.
122. Жук, А. В. Дебют ИКСа / А. В. Жук // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 53–56.
123. Жук, А. В. ИКС (по записям М.П. Грязнова) / А. В. Жук, Т. В. Михалева // Исторический ежегодник. – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 86–88.
124. Зубков, В. С. Неолит Прибайкалья: панорама археологических культур, проблемная ситуация / В. С. Зубков // Северная Евразия в антропо-

генезе: человек, палеотехнология, геоэкология, этнология и антропология: материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. – Т. 1.– Иркутск: ИРГУ, 2007. – С. 251–254.

125. Зыков, А. П. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея / А. П. Зыков, Н. В. Федорова. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

126. Иессен, А. А. К истории использования олова в Приенисейском крае / А. А. Иессен, Г. П. Сосновский // КСИИМК. – 1940. – № 5. – С. 45–47.

127. Из личного архива М. П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: изд-во ГЭ, 2002.– С. 85–90.

128. Исторические чтения памяти Михаила Петрович Грязнова: тезисы докладов областной научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1987. – 197 с.

129. История Сибири. – Т. 3. – Л.: Наука, 1968. – 530 с.

130. Карапетова, И. А. Раиса Павловна Митусова: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности / И. А. Карапетова, Л. Ю. Китова // АЭиАЕ. – № 1. – 2006. – С. 153–159.

131. Карнаухов, А. П. Новые исследования по истории материальной культуры Восточной Сибири / А. П. Карнаухов // ПИМК. – 1933. – № 1–2. – С. 77–79.

132. Карцов, В. Г. Народы Сибири. Очерки прошлого / В. Г. Карцов. – М.: Молодая гвардия, 1935. – 199 с.

133. Кащенко, Н. Ф. О нахождении остатков мамонта около Томска. Из письма проф. Н. Кащенко к акад. Шмидту / Н. Ф. Кащенко. – СПб., 1896. – 2 с. (оттиск из «Известий Академии наук», 1896. – Т. 5. – № 1).

134. Кащенко, Н. Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком / Н. Ф. Кащенко. – СПб., 1901. – 60 с.

135. Кирюшин, Ю. Ф. Вклад М. П. Грязнова в изучение древней истории Алтая / Ю. Ф. Кирюшин // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады республиканской научной конференции. – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1992.– С. 6–9.

136. Кирюшин, Ю. Ф. Скифская культура Горного Алтая. – Ч. I: Культура населения в раннескифское время / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. – Барнаул: АГУ, 1997. – 232 с.

137. Кирюшин, Ю. Ф. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, О. Г. Шмидт // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 9–21.

138. Киселев, С. В. Тагарская культура / С. В. Киселев // ТСА РАНИОН. – 1928а. – Т. 4. – С. 257–267.

139. Киселев, С. В. Поселение: социологический очерк / С. В. Киселев // ТСА РАНИОН. – 1928б. – Т. 2. – С. 35–68.

140. Киселев, С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. / С. В. Киселев // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова. – Т. 6. – Вып. 2. – Минусинск, 1929. – С. 1–162.

141. Киселев, С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее (ИГАИМК, Вып. 65) / С. В. Киселев. – Л.: ГАИМК, 1933. – 34 с.

142. Киселев, С. В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии / С. В. Киселев // СЭ. – 1935а. – № 4–5. – С. 206–210.

143. Киселев, С. В. Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. / С. В. Киселев // СЭ. – 1935б. – № 1. – С. 97–106.

144. Киселев, С. В. Маски из древнейших чаатас / С. В. Киселев // Известия Государственного музея им. Н. М. Мартьянова. – Минусинск, 1935в. – № 1. – С. 1–16.

145. Киселев, С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. / С. В. Киселев // СА. – 1936. – Вып. 1. – С. 282–284.

146. Киселев, С. В. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси / С. В. Киселев // СА. – 1937а. – Вып. 2. – С. 71–94.

147. Киселев, С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. / С. В. Киселев // СА. – 1937б. – Вып. 3. – С. 137–166.

148. Киселев, С. В. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакасии летом 1936 г. / С. В. Киселев // СА. – 1937в. – Вып. 4. – С. 324–326.

149. Киселев, С. В. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г. / С. В. Киселев // ВДИ. – 1937г. – № 1. – С. 247–250.

150. Киселев, С. В. Советская археология Сибири периода металла / С. В. Киселев // ВДИ. – 1938а. – № 1. – С. 228–243.

151. Киселев, С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1937 г. / С. В. Киселев // ВДИ. – 1938б. – № 2. – С. 237–238.

152. Киселев, С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. / С. В. Киселев // ВДИ. – 1939а. – № 1. – С. 252–256.

153. Киселев, С. В. Неизданные надписи енисейских кыргызов / С. В. Киселев // ВДИ. – 1939б. – № 3. – С. 124–134.

154. Киселев, С. В. Курайская степь и Старо-Бардинский район, 1935 г. / С. В. Киселев // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1941а. – С. 298–304.

155. Киселев, С. В. Хакасская автономная область, 1936 г. / С. В. Киселев // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941б. – С. 306–308.

156. Киселев, С. В. Общество и государство енисейских кыргызов в VI–X веках / С. В. Киселев // Известия АН СССР. Серия «Ист.» и «Филос.» – 1946. – Т. 3. – № 1. – С. 69–76.

157. Киселев, С. В. Из истории торговли енисейских кыргызов / С. В. Киселев // КСИИМК. – 1947а. – Вып. XVI. – С. 94–96.

158. Киселев, С. В. Алтай в скифское время (Майэмирская культура) / С. В. Киселев // ВДИ. – 1947б. – № 2. – С. 157–172.

159. Киселев, С. В. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири / С. В. Киселев // ВДИ. – 1948. – № 1. – С. 169–177.

160. Киселев, С. В. Древняя история Южной Сибири (МИА, № 9) / С. В. Киселев. – М.: изд-во АН СССР, 1949а. – 364 с.

161. Киселев, С. В. Лугавская стоянка / С. В. Киселев // КСИИМК. – 1949б. – Вып. XXV. – С. 87–90.

162. Киселев, С. В. Древняя история Южной Сибири. – Изд. 2-е, пер. и доп. / С. В. Киселев. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.

163. Киселев, С. В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. / С. В. Киселев // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвящённых итогам археологических исследований 1955 г. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 56–58.

164. Китова, Л. Ю. Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. Ю. Китова. – Кемерово, 1993. – 22 с.

165. Китова, Л. Ю. Эволюционно-этнологические концепции С. А. Теплоухова / Л. Ю. Китова // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 57–68.

166. Китова, Л. Ю. К вопросу о вкладе Г. Мергарта в изучение сибирской археологии эпохи палеометалла / Л. Ю. Китова // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Всероссийской научной конференции (20.03.95–22.03.95). – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1995. – С. 44–48.

167. Китова, Л. Ю. В. П. Левашова как археолог Сибири / Л. Ю. Китова // Археология Сибири: историография и источники. – Омск: ОмГУ, 1996. – С. 96–104.

168. Китова, Л. Ю. Развитие краеведения в Сибири / Л. Ю. Китова // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. 6–8 октября 1999 г. – Кемерово: КОКМ, 1999а. – С. 3–8.

169. Китова, Л. Ю. Исследование археологических памятников эпохи палеометалла Г. П. Сосновским / Л. Ю. Китова // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999б. – С. 95–103.

170. Китова, Л. Ю. Значение Саяно-Алтайской экспедиции и исследований С. В. Киселева в изучении археологических памятников Сибири / Л. Ю. Китова // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово: КемГУ, 2003а. – С. 10–38.

171. Китова, Л. Ю. Некоторые архивные материалы о формировании А. П. Окладникова как исследователя / Л. Ю. Китова // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы Международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня

рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сентября 2003 г. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003б. – С. 30–32.

172. Китова, Л. Ю. Известные архивные материалы о биографии и деятельности С. А. Теплоухова / Л. Ю. Китова // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: ОмГУ, 2004а. – С. 7–10.

173. Китова, Л. Ю. Томский период деятельности С. И. Руденко и С. А. Теплоухова / Л. Ю. Китова // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и его коллег. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004б. – С. 30–36.

174. Китова, Л. Ю. Начало археологической деятельности В. Н. Чернецова в Сибири / Л. Ю. Китова // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005а. – С. 22–24.

175. Китова, Л. Ю. С. В. Киселев и Саяно-Алтайская экспедиция / Л. Ю. Китова // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Сергея Владимировича Киселева. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005б. – С. 242–244.

176. Китова, Л. Ю. Теплоуховы и истоки формирования Сергея Александровича Теплоухова как исследователя / Л. Ю. Китова // Археология Южной Сибири. – Вып. 24. – Кемерово: Летопись, 2006. – С. 162–167.

177. Китова, Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла / Л. Ю. Китова. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. – 272 с.

178. Китова, Л. Ю. Феномен расцвета археологических исследований в Сибири в 1919–1920-х гг. / Л. Ю. Китова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008а. – С. 226–228.

179. Китова, Л. Ю. Забытые архивные материалы о жизни и деятельности М. П. Грязнова / Л. Ю. Китова // Седьмые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы Всероссийской научной конференции – Омск: изд-во ОмГУ, 2008б. – С. 15–19.

180. Китова, Л. Ю. Иркутская школа археологов: Г. П. Сосновский – ученик Б. Э. Петри / Л. Ю. Китова // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 59–65.

181. Китова, Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов / Л. Ю. Китова // РА. – 2010а, № 2. – С. 166–173.

182. Китова, Л. Ю. Археологическая выставка С. А. Теплоухова в этнографическом отделе Русского музея / Л. Ю. Китова // Интеграция археоло-

гических и этнографических исследований. – Ч. 1. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010б. – С. 10–14.

183. Китова, Л. Ю. Георгий Петрович Сосновский / Л. Ю. Китова // РА. – 2010в. – № 3. – С. 146–153.

184. Китова, Л. Ю. Теоретические воззрения С. И. Руденко в области археологии / Л. Ю. Китова // Вестник КемГУ. – 2011. – Вып. 2 (46). – С. 18–23.

185. Китова, Л. Ю. Понятие «археологическая культура» в исследованиях М. П. Грязнова / Л. Ю. Китова // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн. 1. – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – С. 38–41.

186. Китова, Л. Ю. Вклад С. И. Руденко в развитие музейного дела: 1920-е гг. / Л. Ю. Китова // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». – Томск, 2013. № 2(22). – С. 180–183.

187. Китова, Л. Ю. Штрихи к научной биографии С. А. Теплоухова: два письма А. М. Тальгрену / Л. Ю. Китова, С. В. Кузьминых // Археология Южной Сибири. – Вып. 24. – Кемерово: Летопись, 2006. – С. 152–161.

188. Клейн, Л. С. Феномен советской археологии / Л. С. Клейн. – СПб.: ФАРН, 1993. – 128 с.

189. Клеменц, Д. А. Древности Минусинского музея: памятники металлургических эпох / Д. А. Клеменц. – Томск, 1886. – 185 с.

190. Кляшторный, С. Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 169–177.

191. Колчинский, Э. И. Наука и Гражданская война в России / Э. И. Колчинский // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 357–439.

192. Конопацкий, А. К. Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников. Страницы биографии / А. К. Конопацкий. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 492 с.

193. Константинов, Г. М. Археологические находки вблизи деревни Верхне-Метляево / Г. М. Константинов // ИВСОРГО. – 1928. – Т. 53. – С. 141–144.

194. Корзун, В. И. 1920-е годы: два образа исторической науки // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Республиканской научной конференции / В. И. Корзун. – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 3–5.

195. Косарев, М. Ф. Валерий Николаевич Чернецов: ученый, человек, учитель (1905–1970) / М. Ф. Косарев // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В. Н. Чернецова. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 6–16.

196. Кравченко, А. И. Теория культурных кругов // Культурология: словарь / А. И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2000. – С. 569.
197. Круглов, А. П. Родовое общество степей Восточной Европы / А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 176 с.
198. Кузнецов–Красноярский, И. П. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском у. Енисейской губ. в 1884 г. / И. П. Кузнецов-Красноярский. – Томск, 1907. – 9 с.
199. Кузнецов-Красноярский, И. П. Минусинские древности. – Вып. 1: Медно-бронзовый и переходный периоды / И. П. Кузнецов-Красноярский. – Томск, 1908. – 25 с.
200. Кызласов, Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во МГУ. – С. 43–52.
201. Кызласов, Л. Р. Киселев Сергей Владимирович (1905-1962 гг.) / Л. Р. Кызласов // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 11. – С. 20–22.
202. Кызласов, Л. Р. Сергей Владимирович Киселев / Л. Р. Кызласов, В. П. Левашева // Новое в советской археологии. – М.: изд-во МГУ, 1965. – С. 7–12.
203. Ларичев, В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Ч. 1: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования) / В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1969. – 338 с.
204. Ларичев, В. Е. Сорок лет среди сибирских древностей. Материалы к биографии академика А. П. Окладникова / В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1970. – 240 с.
205. Лебедев, Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1992. – 464 с.
206. Левашева, В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края / В. П. Левашева. – Красноярск, 1939. – 68 с.
207. Левин, М. Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) / М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров // СЭ. – 1955. – № 4. – С. 3–17.
208. Лепихин, А. Е. Гляденовское костыще (Из собрания Пермского областного краеведческого музея): каталог / А. Е. Лепихин, А. Ф. Мельничук. – Пермь: ПОКМ, 1997. – 64 с.
209. Литература о биографии и научных исследованиях С. И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 105–113.
210. Макаров, Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций / Н. П. Макаров // Век подвижничества. – Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1989. – С. 131–189.
211. Маркин, С. В. А. П. Окладников и становление палеолитоведения Северной и Центральной Азии // Окно в неведомый мир: сборник статей к

100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова / С. В. Маркин. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2008. – С. 57–62.

212. Марр, Н. Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории / Н. Я. Марр. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – 48 с.

213. Марр, Н. Я. К отчету о заграничной командировке (17.III – 22.VI.1929) / Н. Я. Марр // ДАН. – 1929а. – № 17. – С. 321–327.

214. Марр, Н. Я. Напутствие / Н. Я. Марр // Сборник аспирантов ГАИМК. – Л.: ГАИМК, 1929б. – Вып. 1. – С. 1–10.

215. Марр, Н. Я. Что дает яфетическая теория истории материальной культуры? / Н. Я. Марр // СГАИМК. – 1931. – № 11–12. – С. 7–24.

216. Марр, Н. Я. Доистория, преистория, история и мышление. К вопросу о методе и кадрах по общественным наукам (ИГАИМК, Вып. 74) / Н. Я. Марр. – Л.: ГАИМК, 1933. – 34 с.

217. Марсадолов, Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Марсадолов. – Л., 1985. – 16 с.

218. Марсадолов, Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н. э. / Л. С. Марсадолов. – СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. – 100 с.

219. Марсадолов, Л. С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертельских курганов / Л. С. Марсадолов // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – СПб.: изд-во ГЭ, 2002. – С. 93–103.

220. Мартынов, А. И. Марксизм и эволюционизм в археологии Южной Сибири / А. И. Мартынов // Доклады 1-ой межвузовской конференции по историографии Сибири. 10-11 декабря 1968 г. – Кемерово: КГПИ, 1970. – С. 194–211.

221. Мартынов, А. И. Историография археологии Сибири: учеб. пособие / А. И. Мартынов. – Кемерово: КемГУ, 1983. – 76 с.

222. Массон, В. М. У истоков теоретической мысли советской археологии / В. М. Массон // КСИА. – 1980. – Вып. 163. – С. 18–26.

223. Матющенко, В. И. Михаил Петрович Грязнов и его место в советской археологии / В. И. Матющенко // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов областной научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1987. – С. 6–9.

224. Матющенко, В. И. М. П. Грязнов – историк / В. И. Матющенко // Историки об истории. – Омск: ОмГУ, 1989. – С. 26–31.

225. Матющенко, В. И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): учебное пособие / В. И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1992. – 138 с.

226. Матющенко, В. И. Триста лет истории сибирской археологии / В. И. Матющенко. – Т. I. – Омск: ОмГУ, 2001а. – 178 с.

227. Матющенко, В. И. Триста лет истории сибирской археологии /

В. И. Матющенко. – Т. II. – Омск: ОмГУ, 2001б. – 173 с.

228. Матющенко, В. И. Историческая интерпретация археологического источника в трудах археологов-сибиреведов (на примере творчества С. И. Руденко, М. П. Грязнова, С. В. Киселева) / В. И. Матющенко, О. С. Свешникова // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова) – М.: ИА РАН, 2004. – С. 48–57.

229. Матющенко, В. И. Михаил Петрович Грязнов: истоки научной школы / В. И. Матющенко, Н. П. Швыдкая // История археологических исследований Сибири. – Омск: ОмГУ, 1990. – С. 77–90.

230. Мергарт, Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае: автореферат / Г. Мергарт // ИзКрасОРГО. – 1923. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 29–36.

231. Мерперт, Н. Я. Киселев Сергей Владимирович // Институт археологии: история и современность / Н. Я. Мерперт. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 117–121.

232. Мерперт, Н. Я. К столетию со дня рождения Сергея Владимировича Киселева / Н. Я. Мерперт // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Сергея Владимировича Киселева. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 10–15.

233. Мещанинов, И. И. Палеоэтнология и Homo sapiens (ИГАИМК. Т. 6. Вып. 7) / И. И. Мещанинов. – Л.: ГАИМК, 1930. – 36 с.

234. Михно, П. С. Чикойский всадник / П. С. Михно, Б. Э. Петри // ТСА РАНИОН. – 1928. – Т. 4. – С. 323–328.

235. Молодин, В. И. Мультидисциплинарный подход к археологическим источникам / В. И. Молодин // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – Кн. 2. – С. 113–114.

236. Молодин, В. И. Академик А. П. Окладников и археология Западной Сибири / В. И. Молодин // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 27–29.

237. Мошинская, В. И. Городище Большой Лог / В. И. Мошинская, В. Н. Чернецов // КСИИМК. – 1951. – № 37. – С. 78–87.

238. Мошинская, В. И. Городище «Андрюшин городок» / В. И. Мошинская, В. Н. Чернецов // КСИИМК. – 1953. – № 51. – С. 93–98.

239. Овчинников, М. П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска / М. П. Овчинников // ИВСОРГО. – 1906. – Т. 35. – № 3. – С. 62–76.

240. Ожередов, Ю. И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения / Ю. И. Ожередов // Культуры и народы Северной Азии и сопредель-

ных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – Вып. 2. – С. 21–38.

241. Окладников, А. П. Неолитические стоянки на Верхней Лене / А. П. Окладников // Краеведение в Иркутской губернии. – 1926. – № 3. – С. 29–38.

242. Окладников, А. П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска / А. П. Окладников // Бурятияведение. – 1927. – № 3–4. – С. 102–105.

243. Окладников, А. П. Следы доисторической культуры на севере Селенгинской Даурии / А. П. Окладников // Северная Азия. – 1928. – № 3. – С. 63–69.

244. Окладников, А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре / А. П. Окладников // СА. – 1936. – № 1. – С. 275–277.

245. Окладников, А. П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.) / А. П. Окладников // СА. – 1937а. – № 4. – С. 319–322.

246. Окладников, А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов / А. П. Окладников. – Л.: ОГИЗ, 1937б. – 417с.

247. Окладников, А. П. Археологические данные о древней истории Прибайкалья / А. П. Окладников // ВДИ. – 1938. – № 1. – С. 244–260.

248. Окладников, А. П. Новое погребение глазковской стадии у с. Буреть (раскопки 1939 г.) / А. П. Окладников // КСИИМК. – 1940а. – Вып. VII. – С. 90–93.

249. Окладников, А. П. Погребение бронзового века в Ангарской тайге / А. П. Окладников // КСИИМК. – 1940б. – Вып. VIII. – С. 106–112.

250. Окладников, А. П. Буреть – новая палеолитическая стоянка на Ангаре / А. П. Окладников // СА. – Т. V. – 1940в. – С. 290–293.

251. Окладников, А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока / А. П. Окладников // КСИИМК. – 1941. – Вып. IX. – С. – 5–14.

252. Окладников, А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) / А. П. Окладников // Тешик-Таш: палеолитический человек. – М.: изд-во МГУ, 1949а. – С. 7–85.

253. Окладников, А. П. История Якутии: прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству / А. П. Окладников. – Т. 1. – Якутск: Якутгосизд. – 1949б. – 440 с.

254. Окладников, А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов / А. П. Окладников // УЗ ЛГУ. – 1950а. – № 115. – Факультет народов Севера. – Вып. I. – С. 22–37.

255. Окладников, А. П. Освоение палеолитическим человеком Сибири / А. П. Окладников // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950б. – Вып. 2. – С. 150–158.

256. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование / А. П. Окладников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1950в. – Ч. I, II. (МИА № 18) – 412 с.
257. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. (МИА № 43) / А. П. Окладников. – М.; Л.: изд-во АН СССР. – 1955а. – Ч. III. – 374 с.
258. Окладников, А. П. Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1955б. – 432 с.
259. Окладников, А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея: (к вопросу о происхождении самодийских племен) / А. П. Окладников // СА. – 1957. – № 1. – С. 26–55.
260. Окладников, А. П. Далекое прошлое Приморья / А. П. Окладников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1959. – 412 с.
261. Окладников, А. П. Сокровища Томских писаниц / А. П. Окладников, А. И. Мартынов. – М.: Искусство, 1972. – 285 с.
262. Окно в неведомый мир: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2008. – 300 с.
263. Олех, Л. Г. История Сибири: учеб. пособие / Л. Г. Олех. – Ростов н/Д.: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005. – 360 с.
264. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 91–96.
265. Петри, Б. Э. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого. Этаж III. Зал. 5. Археология / Б. Э. Петри. – Пг.: АН, 1916а. – 52 с.
266. Петри, Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала: предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада / Б. Э. Петри // СМАЭ. – Пг., 1916б. – Т. 3. – С. 113–132.
267. Петри, Б. Э. Отчет Б. Э. Петри о командировке на Байкал в 1916 г. / Б. Э. Петри // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физ.-мат. наук, истории и филологии. – Пг.: АН, 1916в. – 7 с. (отд. оттиск).
268. Петри, Б. Э. Программа исследования стоянок под открытым небом / Б. Э. Петри. – Иркутск: ВСОРГО, 1923а. – 15 с.
269. Петри, Б. Э. Сибирский палеолит / Б. Э. Петри. – Иркутск: ВСОРГО, 1923б. – 47 с. (отд. оттиск).
270. Петри, Б. Э. Сибирский неолит / Б. Э. Петри. – Иркутск, 1926. – 39 с.
271. Петри, Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья / Б. Э. Петри. – Иркутск, 1928. – 73 с.

272. Петри, Б. Э. Среди кудинских бурят: отчет о командировки Б. Э. Петри и В. А. Михайлова / Б. Э. Петри, В. А. Михайлов // ИРКИСВА. – Пг., 1913. – Сер. 2. – Вып. 2. – С. 92–110.

273. Петри, Б. Э. Вторая поездка в Предбайкалье / Б. Э. Петри, В. А. Михайлов // ИРКИСВА. – Пг., 1914. – Сер. 2. – Вып. 3. – С. 89–106.

274. Платонова, Н. И. «Дело» Сергея Ивановича Руденко: 1930–1957 / Н. И. Платонова // Невский археолого-историо-графический сборник: к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2004. – С. 126–138.

275. Платонова, Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н. И. Платонова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.

276. Полосьмак, Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы) / Н. В. Полосьмак. – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

277. Предисловие // Проблемы археологии Урала и Сибири. Сборник статей, посвященный памяти В. Н. Чернецова. – М.: Наука, 1973. – С. 1–4.

278. Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы Международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сентября 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – 480 с.

279. Пряхин, А. Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.) / А. Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 286 с.

280. Пшеницына, М. Н. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902-1984) / М. Н. Пшеницына, Н. А. Боковенко // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 19–23.

281. Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19–20 октября 2000 г.). – Омск: ОмГУ, 2000. – 157 с.

282. Радлов, В. В. Сибирские древности. – Т. 1. / В. В. Радлов. – СПб., 1888. – Вып. 1. – 19 с.

283. Радлов, В. В. Сибирские древности / В. В. Радлов. – Т. 1. – Вып. 2. – СПб., 1891. – 80 с.

284. Радлов, В. В. Сибирские древности / В. В. Радлов. – Т. 1. – Вып. 3. – СПб., 1894. – 132 с.

285. Радлов, В. В. Сибирские древности / В. В. Радлов. – СПб., 1902. – Т. 2. – Вып. 1. – 38 с.

286. Радлов, В. В. Из Сибири / В. В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

287. Решетов, А. М. С. И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог / А. М. Решетов // С. И. Руденко и башкиры. – Уфа: Гилем, 1998а. – С. 5–25.

288. Решетов, А. М. Руденко Сергей Иванович / А. М. Решетов // Профессора Томского университета: библиографический словарь. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998б. – С. 377–381.

289. Решетов, А. М. М. П. Грязнов как антрополог и этнограф / А. М. Решетов // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – Кн. 1. – С. 69–71.

290. Решетов, А. М. В. Н. Чернецов: Ленинградский период жизни и деятельности (1925-1940 гг.) / А. М. Решетов // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 33–36.

291. Розен, М. Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая (XVII – нач. XX вв.) / М. Ф. Розен. – Барнаул: День, 1996. – 191 с.

292. Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 384 с.

293. Руденко, С. И. Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири / С. И. Руденко // ЗАН. – Сер. 8: Физ.-мат. отд. – 1914. – Т. 33. – № 3. – С. 1–125.

294. Руденко, С. И. Музей истории человечества / С. И. Руденко // Музей. – 1924. – Вып. 2. – С. 35–41.

295. Руденко, С. И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае / С. И. Руденко // Природа. – 1926а. – № 5–6. – С. 108–109.

296. Руденко, С. И. Алтайская экспедиция / С. И. Руденко // Этнографические экспедиции (Государственный Русский музей) 1924–1925 гг. – Л., 1926б. – С. 61–78.

297. Руденко, С. И. «Скифское» погребение Восточного Алтая / С. И. Руденко // СГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 25–31, ил.

298. Руденко, С. И. Скифская проблема и алтайские находки / С. И. Руденко // Изв. АН СССР. Сер. «История» и «Философия». – 1944. – Т. 1. – № 6. – С. 266–275.

299. Руденко, С. И. Второй Пазырыкский курган: результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Предварительное сообщение / С. И. Руденко. – Л.: Изд-во ГЭ, 1948. – 64 с.

300. Руденко, С. И. Предварительные сообщения о раскопках в Улагане 1947 г. / С. И. Руденко // СА. – 1949а. – Вып. II. – С. 261–270.

301. Руденко, С. И. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов / С. И. Руденко // КСИИМК. – 1949б. – Вып. 26. – С. 97–109.

302. Руденко, С. И. Древнейшая скифская татуировка / С. И. Руденко // СЭ. – 1949в. – № 3. – С. 133–143.

303. Руденко, С. И. К древнейшей истории Горного Алтая: Горно-алтайская экспедиция ИИМК АН СССР 1949 г. / С. И. Руденко // ВИ. – 1950а. – № 2. – С. 155–159.

304. Руденко, С. И. Раскопки Пазырыкской группы курганов / С. И. Руденко // КСИИМК. – 1950б. – Вып. 32. – С. 11–25, ил.
305. Руденко, С. И. Пятый Пазырыкский курган / С. И. Руденко // КСИИМК. – 1951а. – Вып. 37. – С. 106–116.
306. Руденко, С. И. Башадарские курганы / С. И. Руденко // Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946–1950 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1951б. – С. 49–51.
307. Руденко, С. И. Сокровища Пазырыкских курганов / С. И. Руденко // По следам древних культур. – М.: Изд-во АН СССР, 1951в. – С. 113–142.
308. Руденко, С. И. Горноалтайские находки и скифы / С. И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952а. – 267 с.
309. Руденко, С. И. Башадарские курганы / С. И. Руденко // КСИИМК. – 1952б. – Вып. 45. – С. 30–39.
310. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.
311. Руденко, С. И. О датировке Горноалтайских курганов / С. И. Руденко // ВИ. – 1955. – № 11. – С. 120–123.
312. Руденко, С. И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок / С. И. Руденко // СА. – 1957. – Т. 27. – С. 301–306.
313. Руденко, С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
314. Руденко, С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н. э.) / С. И. Руденко. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961. – 67 с.: табл.
315. Руденко, С. И. Могильник Кудыргэ на Алтае / С. И. Руденко, А. И. Глухов // МЭ. – 1927. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 37–52.
316. Руденко, С. И. Искусство скифов Алтая / С. И. Руденко, Н. М. Руденко. – М.: изд-во ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1949. – 91 с.
317. Рудковская, М. А. Томский период жизни С. И. Руденко / М. А. Рудковская // ТТОКМ. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – Т. XIII. – С. 61–91.
318. Савельев, Н. А. Неолит юга Средней Сибири (История основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Новосибирск, 1989. – 25 с.
319. Савельев, Н. А. Вклад Б. Э. Петри в изучение сибирского неолита / Н. А. Савельев // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. – С. 75–93.
320. Савельев, Н. А. Иркутская школа палеоэтнологии. Павел Павлович Хороших (1890–1977 гг.). Жизненный путь / Н. А. Савельев, А.С. Пержакова // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 89–98.

321. Савенков, И. Т. К материалам для медико-топографического описания окрестностей г. Красноярска. II. Предварительный геологический очерк долины р. Енисея в ближайших окрестностях г. Красноярска / И. Т. Савенков. – Красноярск, 1892а. – 77 с.

322. Савенков, И. Т. О палеолитической эпохе в окрестностях г. Красноярска Енисейской губернии / И. Т. Савенков. – Красноярск, 1892б. – 5 с.

323. Савенков, И. Т. Каменный век в Минусинском крае / И. Т. Савенков. – М., 1896. – 87с.

324. Савенков, И. Т. О памятниках, оставленных на р. Енисей человеком – современником мамонта / И. Т. Савенков // Сибирская летопись. – 1916. – № 6–8. – С. 247–256.

325. Савинов, Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д. Г. Савинов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 175 с.

326. Савинов, Д. Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху / Д. Г. Савинов // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. 4: Историческая этнография. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1993. – С. 128–135.

327. Савинов, Д. Г. «Ранние кочевники» в исследованиях М. П. Грязнова и современное состояние проблемы / Д. Г. Савинов // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Всероссийской научной конференции (20.03.95–22.03.95). – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1995. – С. 76–80.

328. Савинов, Д. Г. Д. А. Клеменц и минусинская археология / Д. Г. Савинов // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца) – СПб.: Лань, 1998. – С. 111–119.

329. Савинов, Д. Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М. П. Грязнова / Д. Г. Савинов // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 74–78.

330. Савинов, Д. Г. Кимаки на Енисее и кыргызы на Иртыше / Д. Г. Савинов // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Сергея Владимировича Киселева. – Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 136–140.

331. Савинов, Д. Г. От редактора / Д. Г. Савинов // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: ИИМК РАН, 2007а. – С. 5–6.

332. Савинов, Д. Г. Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья / Д. Г. Савинов // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: ИИМК РАН, 2007б. – С. 211–228.

333. Савинов, Д. Г. Теория и практика предшествовавших исследований / Д. Г. Савинов // Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. – СПб.: Ладога, 2008. – С. 36–50.

334. Савинов, Д. Г. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири / Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская. – СПб.: Ладога, 2008. – 170 с.

335. Сбор органических остатков при палеоэтнологических и археологических раскопках. – Вып. 1. // Материалы по методике археологической технологии. – Л., 1924. – 16 с.

336. Свешников, А. В. Группа архаического земледелия ГАИМК в 1930-е гг. / А. В. Свешников, О. С. Свешникова // РА. – 2010. – № 1. – С. 149–154.

337. Свешникова, О. С. Забытая работа группы ИКС / О. С. Свешникова // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: ОмГУ, 2004. – С. 20–23.

338. Свешникова, О. С. Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (конец 1920-х – сер. 1950-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. С. Свешникова. – Омск, 2006. – 26 с.

339. Свиридовская, О. Н. М. П. Грязнов и становление статистико-математических методов в советской археологии (1920 – 1940-е гг.) Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Республиканской научной конференции. – Ч. 1. / О. Н. Свиридовская. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 13–15.

340. Седьмые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. – 395 с.

341. Сирина, А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри / А. А. Сирина // Репрессированные этнографы. – Вып. 1. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – С. 57–80.

342. Скифская эпоха Алтая: тезисы докладов к конференции. – Барнаул: АГУ, 1986. – 112 с.

343. Славнин, П. П. Сибирский музей археологии и этнографии при Томском университете / П. П. Славнин // НВ. – 1927б. – № 19. – С. 262–263.

344. Слезкин, Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 / Ю. Слезкин // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–125.

345. Смирнов, А. П. Социально-экономический строй восточных финнов в IX–XIII вв. н. э. / А. П. Смирнов // ТСТМ РАНИОН, 1928. – Т. 2. – С. 69–89.

346. Смолин, В. Ф. Организация археологического обследования Сибири / В. Ф. Смолин // Труды Съезда по организации Института исследования Сибири. – Ч. 3. – Томск, 1919. – С. 97–99.

347. Сосновский, Г. П. К археологии Ангарского края (из предварительного отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской губернии) / Г. П. Сосновский // СЖС. – 1923. – Вып. 1. – С. 121–139.
348. Сосновский, Г. П. Палеолитические находки в Минусинском крае / Г. П. Сосновский // СЖС. – 1924. – Вып. 2. – с. 127–132.
349. Сосновский, Г. П. Палеоэтнологические раскопки в Северной Хакассии / Г. П. Сосновский // Северная Азия. – 1928. – № 1. – С. 96.
350. Сосновский, Г. П. О находках Оглахтинского могильника / Г. П. Сосновский // ПИМК. – 1933а. – № 7–8. – С. 34–41.
351. Сосновский, Г. П. К истории добычи олова на востоке СССР / Г. П. Сосновский // ПИМК. – 1933б. – № 9–10. – С. 15–19.
352. Сосновский, Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири / Г. П. Сосновский // ПИДО. – 1934а. – № 2. – С. 92–96.
353. Сосновский, Г. П. Нижне-Иволгинское городище / Г. П. Сосновский // ПИДО. – 1934б. – № 7–8. – С. 150–156.
354. Сосновский, Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии / Г. П. Сосновский // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. – Вып. 5. – Л.; М.: АИЧПЕ, 1934в. – С. 246–320.
355. Сосновский, Г. П. Дэристуийский могильник / Г. П. Сосновский // ПИДО. – 1935а. – № 1–2. – С. 168–176.
356. Сосновский, Г. П. Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие, Иртыше. Отчет о работах / Г. П. Сосновский // ИГАИМК. – 1935б. – Вып. 110. – С. 69–79.
357. Сосновский, Г. П. Итоги работы Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928–1929 гг. / Г. П. Сосновский // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. – Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 318–321.
358. Сосновский, Г. П. Находки китайских тканей в могилах Ильмовой пади / Г. П. Сосновский // КСИИМК. – 1939. – № 2. – С. 23–24.
359. Сосновский, Г. П. К истории скотоводства в Сибири: материалы к истории древнейших домашних животных / Г. П. Сосновский // Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных. – Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940а. – С. 135–150.
360. Сосновский, Г. П. Писаница на горе Кизех-Тах / Г. П. Сосновский // КСИИМК. – 1940б. – Вып. 6. – С. 54–58.
361. Сосновский, Г. П. Ранние кочевники Забайкалья / Г. П. Сосновский // КСИИМК. – 1940в. – № 8. – С. 36–42.
362. Сосновский, Г. П. Ойротская автономная область, 1936 г. / Г. П. Сосновский // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941а. – С. 304–306.
363. Сосновский, Г. П. Плиточные могилы Забайкалья / Г. П. Сосновский // ТОИПК. – Т. 1. – Л., 1941б. – С. 273–309.

364. Сосновский, Г. П. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальте / Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов. – Вып. 1. // ТССАИЧП. – Л., 1937. – С. 278–295.
365. Спицын, А. А. История создания коллекции Теплоуховых / А. А. Спицын // МАР. – 1902. – № 26. – С. 1–19.
366. Талько-Гринцевич, Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских / Ю. Д. Талько-Гринцевич // Бурятияведение. – 1928. – № 1–3. – С. 91–103.
367. Теплоухов, С. А. Поездка в Урянхайский край (Монголия) / С. А. Теплоухов // ПЗОЕ. – 1913/1914. – Засед. 473. – С. 17.
368. Теплоухов, С. А. Отчет о поездке с археологической целью на Шигирское и Аятское озера (восточный склон Урала) / С. А. Теплоухов // ПЗОЕ. – 1915/1916. – Засед. 494. – С. 21.
369. Теплоухов, С. А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае / С. А. Теплоухов // ГВ. – 1922а. – Т. 1. – Вып. 2–3. – С. 27–29.
370. Теплоухов, С. А. Этнологические исследования в Сибири (1919–1922) / С. А. Теплоухов // Наука и ее работники. – 1922б. – № 3–4. – С. 46–47.
371. Теплоухов, С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае / С. А. Теплоухов // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. – Л.: ГРМ, 1926. – С. 88–94.
372. Теплоухов, С. А. Древние погребения в Минусинском крае / С. А. Теплоухов // МЭ. – 1927. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 57–112.
373. Теплоухов, С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) / С. А. Теплоухов // МЭ. – 1929. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 41–62.
374. Теплоухов, С. А. Металлический период / С. А. Теплоухов // ССЭ. – 1932. – Т. 3. – Стб. 400–415.
375. Тихонов, И. Л. Палеоэтнологическая школа в Санкт-Петербургском университете (этапы формирования) / И. Л. Тихонов // Археология Сибири: историография. – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1995. – С. 43–67.
376. Тихонов, И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки / И. Л. Тихонов. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2003. – 332с.
377. Тишкин, А. А. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи / А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – 430 с.
378. Тишкин, А. А. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: учеб. пособие / А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 238 с.
379. Томский университет. 1880–1980. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 432 с.

380. Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Всероссийской научной конференции (20.03.95–22.03.95). – Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1995а.– 108 с.
381. Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Всероссийской научной конференции (20.03.95–22.03.95). – Ч. 2. – Омск: ОмГУ, 1995б.– 146 с.
382. Третьяков, П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе (ИГАИМК. Т. 14. Вып. 1) / П. Н. Третьяков. – Л.: ГАИМК, 1932. – 39 с.
383. Троицкая, Т. Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т. Н. Троицкая, А. А. Новиков. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. – 152 с.
384. Тугаринов, А. Я. Андроновские могилы / А. Я. Тугаринов // СЖС. – Иркутск, 1926. – Вып. 1. – С. 153–158.
385. Тункина, И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.) / И. В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.
386. Федорова, Н. В. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова, А. П. Зыков, В. М. Морозов, Л. М. Терехова // Вопросы археологии Урала. – Вып. 20. – Екатеринбург: УрГУ, 1991.– С. 126–145.
387. Формозов, А. А. Археология и идеология (20-30-е гг.) / А. А. Формозов // ВФ. – 1992. – № 2. – С. 70–82.
388. Формозов, А. А. Русские археологи до и после революции / А. А. Формозов. – М.: ИА РАН, 1995. – 144 с.
389. Формозов, А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки / А. А. Формозов. – М.: Знак, 2004. – 320 с.
390. Формозов, А. А. Записки русского археолога (1940–1970-е гг.) / А. А. Формозов. – М.: Гриф и К, 2011. – 290 с.
391. «Номо Eurasicus» у врат искусства. – СПб.: Астерион, 2009. – 570 с.
392. Хороших, П. П. Пещеры Байкала / П. П. Хороших // Природа. – 1948. – № 12. – С. 46–50.
393. Хороших, П. П. Киндерлинская пещера / П. П. Хороших // Природа. – 1949а. – № 9. – С. 59–60.
394. Хороших, П. П. Неисследованные пещеры Салаира / П. П. Хороших // Природа. – 1949б. – № 8. – С. 52–53.
395. Хороших, П. П. Пещеры Забайкалья / П. П. Хороших // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. Обручева и Кяхтинского отдела ВГО. – Т. 16. – 1949в. – Вып. 1. – С. 128–135.
396. Хороших, П. П. Пещеры Хакасии / П. П. Хороших // Природа. – 1950. – № 5. – С. 44–48.
397. Хороших, П. П. Пещерные стоянки Сибири как исторический источник: автореферат дис. ... канд. ист. наук / П. П. Хороших. – Иркутск, 1955. – 24 с.

398. Худяков, Ю. С. Кыргызы на Табате / Ю. С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1982. – 239 с.

399. Цыб, С. В. Возникновение «теории стадиальности» в советской археологической науке / С. В. Цыб // Вопросы историографии Сибири и Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1988. – С. 172–188.

400. Чернецов, В. Н. Новый путь. Начальная мансийская учебная книга / В. Н. Чернецов. – Л.: Учпедгиз, 1932а. – 80 с.

401. Чернецов, В. Н. Советский Север. Книга по обучению грамоте для начальных школ Севера / В. Н. Чернецов. – Л.: Учпедгиз, 1932б. – 64 с.

402. Чернецов, В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал / В. Н. Чернецов // СЭ. – 1935. – № 4–5. – С. 109–133.

403. Чернецов, В. Н. Командировка в Березовский район Остяковогульского округа (1935) / В. Н. Чернецов // СА. – 1937а. – Вып. 3. – С. 254–256.

404. Чернецов, В. Н. Мансийский (вогульский) язык. Очерк фонетики, морфологии и синтаксиса / В. Н. Чернецов // Языки и письменность народов Севера. – Т. 1. – Л., 1937б. – С. 163–192.

405. Чернецов, В. Н. Очерк этногенеза обских угров / В. Н. Чернецов // КСИИМК. – 1941. – № 9. – С. 18–28.

406. Чернецов, В. Н. Отчет о разведках в Омской области / В. Н. Чернецов // КСИИМК. – 1947б. – № 17. – С. 79–91.

407. Чернецов, В. Н. О работах Мангазейской экспедиции / В. Н. Чернецов // КСИИМК. – 1947в. – № 21. – С. 159–162.

408. Чернецов, В. Н. Зеленая горка близ Салехарда / В. Н. Чернецов // КСИИМК. – 1949. – № 25. – С. 67–74.

409. Чернецов, В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы / В. Н. Чернецов // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. – М.: ИИМК АН СССР, 1951. – С. 24–29.

410. Чернецов, В. Н. Древняя история Нижнего Приобья / В. Н. Чернецов // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья (МИА, № 35). – М.: Изд-во АН СССР, 1953а. – С. 7–71.

411. Чернецов, В. Н. Усть-полуйское время в Приобье / В. Н. Чернецов // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья (МИА, № 35). – М.: Изд-во АН СССР, 1953б. – С. 221–241.

412. Чернецов, В. Н. Рец. на кн.: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953 / В. Н. Чернецов // СЭ. – 1954. – № 2 – С. 183–187.

413. Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. (МИА, № 58) / В. Н. Чернецов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 136–245.

414. Чернецов, В. Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита / В. Н. Чернецов // Проблемы археологии

Урала и Сибири: сборник статей, посвященный памяти В. Н. Чернецова. – М.: Наука, 1973. – С. 10–17.

415. Чернецов, В. Н. Краткий мансийско-русский словарь / В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова. – М.; Л.: Учпедгиз, 1936. – 213 с.

416. Чернецов, В. Н. Древняя история Нижнего Приобья (МИА, № 35) / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 360 с.

417. Черский, И. Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода / И. Д. Черский // ИСОРГО. – Т. III. – 1872. – № 3. – С. 167–172.

418. Черский, И. Д. Описание коллекций послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885–1886 / И. Д. Черский. – СПб.: АН, 1891. – 706 с.

419. Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1997. – 204 с.

420. Членова, Н. Л. Центральная Азия и скифы. – Ч. 1: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира / Н. Л. Членова. – М.: ИА РАН, 1997. – 97 с.

421. Шер, Я. А. К вопросу о приоритетах / Я. А. Шер // Вопросы истории археологических исследований Сибири. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 85–92.

422. Шер, Я. А. Я учился у М. П. Грязнова / Я. А. Шер // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19–20 октября 2000 г.). – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 132–141.

423. Шер, Я. А. М. П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников / Я. А. Шер // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – Кн. 1. – С. 78–82.

424. Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: ОмГУ, 2004. – 294 с.

425. Шмидт, О. Г. Археологические исследования С. И. Руденко в Северной Евразии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. Г. Шмидт. – Барнаул, 2006. – 24 с.

426. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1975. – 240 с.

427. Ядринцев, Н. По поводу Сибирского университета / Н. Ядринцев // Томские губернские ведомости. – 1874. – № 5. – С. 10.

428. Kitova, L. Gero von Merhart und die Archäologie Sibiriens in den zwanziger Jahren / L. Kitova // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – Band 4. – Berlin, 1998 (1999). – S. 483–487.

429. Kitova, L. Das Wirken Gero von Merharts in Krasnojarsk / L. Kitova // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Deutsch-Russisches Symposium 4.-7. Juni 2009. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. – Heft 59. Marburg, 2010. – S. 67–72.

430. Kossack, G. Gero Merhart von Bernegg (1886-1959) (Vorgeschichtler) / G. Kossack // Marburger Gelehrte in der ersten Hälfte des 20 Jahrhunderts. – Marburg, 1977. – S. 332–356.

431. Merhart, G. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens / G. Merhart // Wiener prähistorische Zeitschrift. – Wien, 1924. – Bd. XI. – S. 139–148.

432. Merhart, G. Bronzezeit am Janissei / G. Merhart. – Wien, 1926. – 190 S.

433. Radlof, W.W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten / W.W. Radlof. – Leipzig, 1884a. – Bd. I. – 536 S.

434. Radlof, W.W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten / W.W. Radlof. – Leipzig, 1884b. – Bd. II. – 488 S.

435. Tallgren, A. M. Die Kupfer – und Bronzezeit in Nord – und Ostrussland. I. Die Kupfer – und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland / A. M. Tallgren // SMYA. – 1911. – T. XXV: 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет. Барнаул.

АЖ – Антропологический журнал. М.

АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.

АН – Академия наук. Пг.

АЭиАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт. Барнаул.

БОИКМТоболС – Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. Тобольск.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.

ВГО – Всесоюзное географическое общество. Л.

ВГУ – Воронежский государственный университет. Воронеж.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВЗ – Вестник знания. Л.

ВИ – Вопросы истории. М.

ВФ – Вопросы философии. М.

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

ГВ – Географический вестник. Пг.; Л.

ГИМ, ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников. М.

ГМПК – Государственный музей Приенисейского края. Красноярск.

ГРМ – Государственный Русский музей. Л.

ДАН – Доклады Академии наук СССР. М.

ЖБ – Жизнь Бурятии. Верхнеудинск.

ЖС – Жизнь Сибири. Новосибирск.

ЗАН – Записки Академии наук.

ИА АН РК – Институт археологии Академии наук Республики Казахстан. Алматы.

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук. М.

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР. М.

ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.

ИБТНИИ ИркГУ – Известия Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете. Иркутск.

ИВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск.

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М., Л.

ИЗСМ – Известия Западно-Сибирского музея. Омск.

ИзКрасОРГО – Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Красноярск.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.

ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного педагогического института. Кемерово.

ИМ – Историк-марксист. М.

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. Казань.

ИрГУ – Иркутский государственный университет. Иркутск.

ИРКИСВА – Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.

ИСО АН СССР – Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.

ИСОСОРГО – Известия Сибирского отдела Русского географического общества.

ИСССР – История СССР. М.

ИЮЖУСОГО – Известия Южно-Уссурийского отдела Государственного Географического общества. Никольск-Уссурийский.

ИЭА РАН – Институт этнологии и этнографии Российской академии наук. М.

КазГУ – Казанский государственный университет. Казань.

КГПИ – Кемеровский государственный педагогический институт. Кемерово.

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет. Красноярск.

КемГУ – Кемеровский государственный университет. Кемерово.

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.

КОКМ – Кемеровский областной краеведческий музей. Кемерово.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., Л.

МАИ – Московский археологический институт. М.

МАР – Материалы по археологии России. СПб.-Пг.

МГУ – Московский государственный университет. М.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

МПК – Музей Причумынского края. Ачинск.

МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. Минусинск.

МЭ – Материалы по этнографии.

НВ – Новый Восток. М.

НиЖ – Наука и жизнь. М.

НиТ – Наука и техника. Л.

ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.

ОБКЭИ – Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Л.

ОИС – Общество изучения Сибири и ее производительных сил. Новосибирск.

ОИФ – Отделение истории и философии АН СССР. М.

ПГУ – Пермский государственный университет. Пермь.

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.

ПИМК – Проблемы истории материальной культуры. Л.

ПЗОЕ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань.

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей. Пермь.

ППИ – Петропавловский педагогический институт им. К. Д. Ушинского. Петропавловск.

СА – Советская археология. М., Л.

СБТИрГУ – Сборник трудов профессоров и преподавателей государственного Иркутского университета. Иркутск.

СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.

СЖС – Сибирская живая старина. Иркутск.

СМ – Советский музей.

СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Пг.

СПБУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СПЖ – Сибирский педагогический журнал.

ССЭ – Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск.

СЭ – Советская этнография. М.; Л.

ТГИМ – Томский государственный университет. Томск.

ТГПИ – Томский государственный педагогический институт. Томск.

ТГУ – Томский государственный университет. Томск.

ТКИЧП – Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Л.

ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

ТСС РАНИОН – Труды секции социологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

ТСТМ РАНИОН – Труды секции теории и методологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

ТТГУ – Труды Томского государственного университета. Томск.

ТТКМ – Труды Томского краевого музея. Томск.

УАЕ – Уральский археографический ежегодник. Пермь.

УЗ ЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета. Ленинград.

УЗТГПИ – Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск.

УрГУ – Уральский государственный университет. Свердловск.

ХакГУ – Хакасский государственный университет. Абакан.

ЧиП – Человек и природа. Л.

ЭБВСОРГО – Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск.

ЯиМ – Язык и мышление. Л.

SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirj

Учебное издание

Китова Людмила Юрьевна

**ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ:
ИДЕИ И ИССЛЕДОВАНИЯ
(XVII в. – середина XX в.)**

Редактор З. А. Кунашева
Технический редактор В. П. Долгих

Подписано в печать 14.03.2014 г. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 14,25.
Тираж 65 экз. Заказ № 25.

Кемеровский государственный университет,
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Отпечатано в типографии ООО «ИНТ», г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28, офис 215.Тел.:
(384-2)657893, (384-2)657889, email: typoint@mail